

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

ПРОПАВШИЕ СРЕДИ ЖИВЫХ

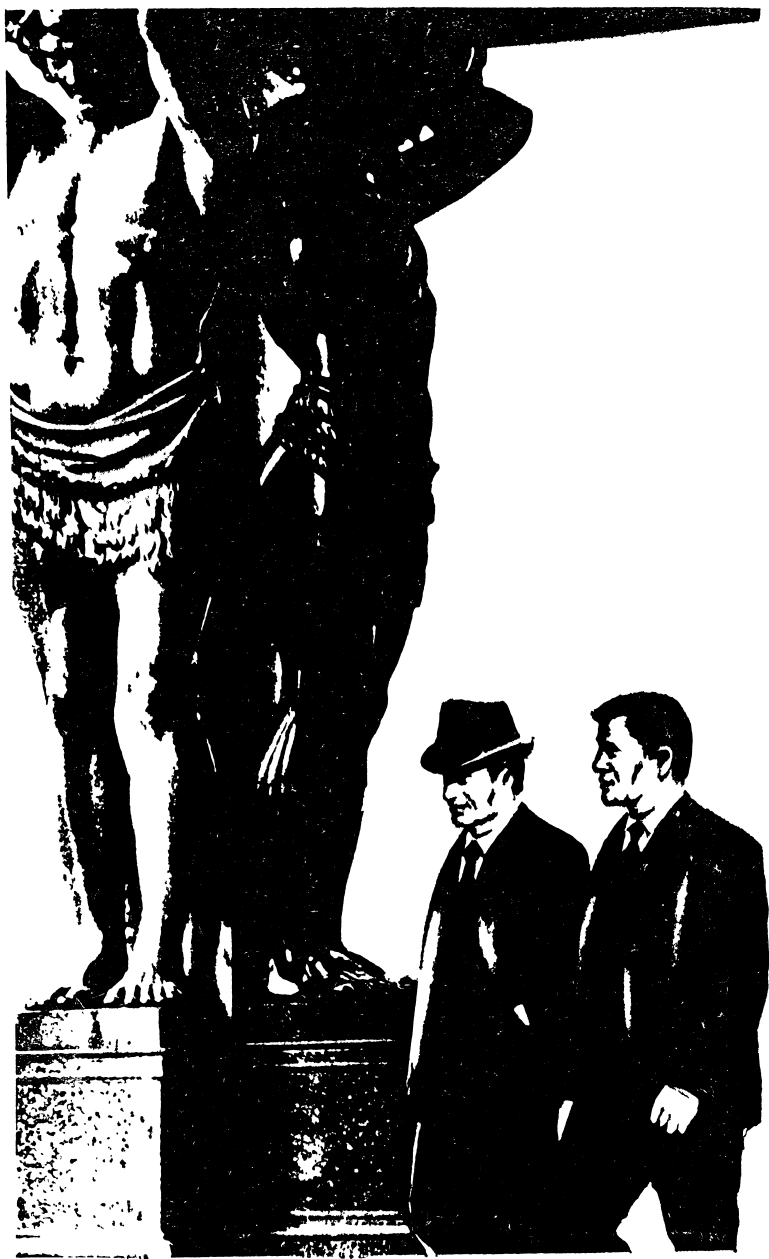

Скан и обработка:

krestik

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1976

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

ПРОПАВШИЕ
СРЕДИ ЖИВЫХ

ПОВЕСТИ

P2
B93

Высоцкий С. А.

B93 Пропавшие среди живых. Повести. М., «Молодая гвардия», 1976.

304 с. с ил. (Стрела).

Активное вторжение детектива в сферу нравственной проблематики отнюдь не влечет за собой утрату того романтического ореола, каким неизменно была окружена в литературе работа сотрудника органов милиции. Герой повестей С. Высоцкого подполковник Корнилов вместе со своими молодыми коллегами распутывает сложный клубок преступлений. Эти расследования служат автору поводом к постановке серьезных нравственных проблем.

P2

В 70302—040
078(02)—76—264—76

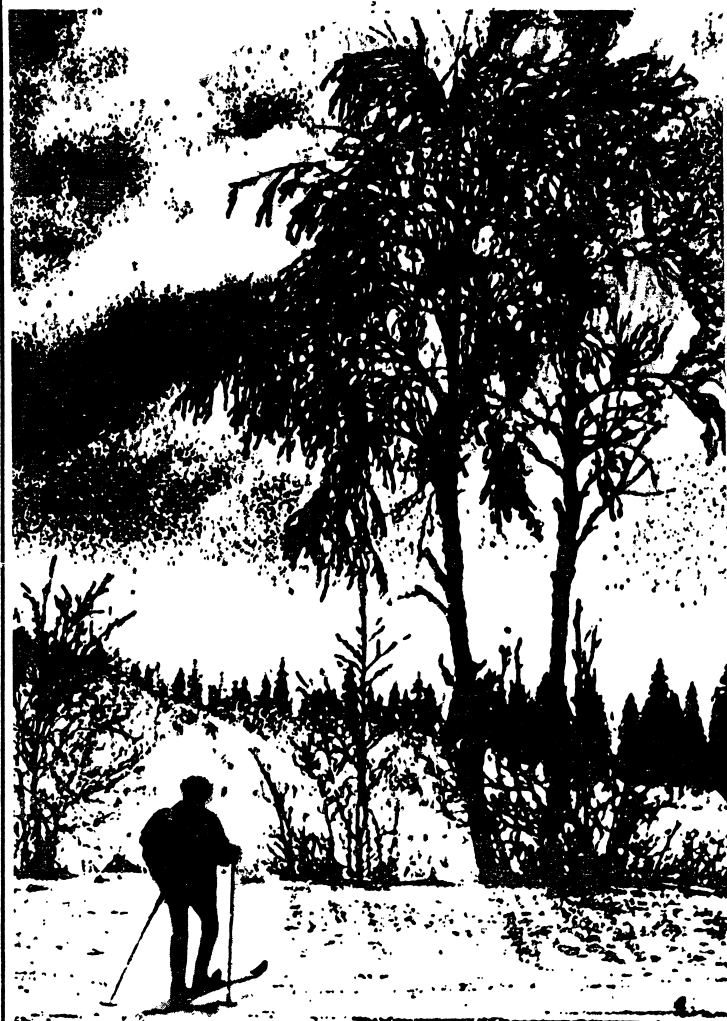
Сергей Александрович Высоцкий
ПРОПАВШИЕ СРЕДИ ЖИВЫХ

Редактор **В. Сянин**
Художники **Л. Безрученко и Б. Чупрыгин**
Художественный редактор **В. Недогонов**
Технический редактор **Т. Кулагина**
Корректоры **З. Харитоновна, Г. Василёва**

Сдано в набор 5/XI 1975 г. Подписано к печати 30/II 1976 г. А05024. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 9,5 (усл. 15,96). Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 150 000 экз. Цена 64 коп. Т. П. 1976 г., № 264. Заказ 1557.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

ВЫСТРЕЛ В ОРЕЛЕЙ ГРИВЕ

Утром к подполковнику Корнилову зашел старший инспектор уголовного розыска капитан Белянчиков. Сел молча и пробарабанил пальцами по облезлой коже кресла какую-то затейливую, ему одному известную мелодию. Корнилов мельком взглянул на капитана и понял, что у него есть новости. Игорь Васильевич уже давно научился безошибочно определять состояние своего ближайшего помощника: Белянчикова всегда глаза выдавали. Пристальный, иногда до неприятности пристальный его взгляд становился в таких случаях чуточку рассеянным.

— Сиди, сиди, — пробормотал Игорь Васильевич, — может быть, что и высидишь. Только не повышение по службе... — и уткнулся в свои бумаги.

— Вы, товарищ подполковник, все доклады пишете? — не выдержал наконец Белянчиков. — И опять небось о профилактической работе среди подрастающего поколения? А настоящих преступников за вас будут

ловить учителя географии? — Он сделал паузу. — Таких, например, как Санпан...

Корнилов резко вскинул голову.

— Что Санпан? Задержан?

— Задержан? — пожал плечами Белянчиков. — Да разве это возможно, когда уголовный розыск профилактикой занимается?

— Да что ты заладил: профилактика, профилактика! — вспыхнул Корнилов. — Всю душу вымотал. Что про Санпана известно?

Санпан — Александр Панкратьевич Полевой, опасный вор — два года тому назад при попытке ограбить квартиру убил старика. В квартире нашли отпечатки его пальцев да финку с наборной ручкой. Ее потом опознали два Санпановых «приятеля» по прежним делам. Но самого Полевого задержать не удалось. Всесоюзный розыск объявили, а не нашли.

Белянчиков привстал с кресла и, облокотившись на стол, быстро сказал:

— Только что звонил Белозеров из Луги. Санпан живет на Мшинской.

— Взяли?

— Нет. Его опознал по расклеенной на вокзалах фотографии рабочий лесхоза. Сегодня рано утром этот рабочий приезжал в Лугу, приходил в отдел...

Корнилов встал из-за стола, сгреб все бумаги и, открыв сейф, небрежно свалил их в кучу. Достал пистолет.

— Сам поедешь? — спросил Белянчиков, хотя ему и так все было ясно.

— Ты готов? — Игорь Васильевич подошел к столу и стал набирать номер телефона.

Белянчиков кивнул:

— Углев за баранкой...

Углев был лучшим водителем управления.

— Владимир Степанович, Корнилов докладывает, — сказал Игорь Васильевич в трубку. — Александр Полевой под Лугой объявился... Нет, нет, никаких чепе. Его рабочий лесхоза опознал. Разреши мне выехать. Я его проворонил, мне его и задерживать... Что?.. К черту!

Корнилов нажал на рычаг и снова набрал номер.

— Мама, к ужину не жди. Буду, наверное, поздно.

Он надел пальто, сунул в карманы по пачке сигарет.

— Ты, Юра, за недооценку профилактической работы с подростками, наверное, еще один выговор получишь, — пообещал Игорь Васильевич Белянчикову. — Но то, что Углев с нами поедет, — это хорошо. Душевный ты человек!..

Когда машина отъехала от управления и Углев, молодой широкоплечий парень с флегматичным лицом, перестал ворчать на то, что опять как на пожар, а дорога скользкая и шипованной резины недопроехалась, Корнилов сказал:

— Юрий Евгеньевич, давай подробности!

— Да какие подробности, Игорь Васильевич? — удивился Белянчиков. — Я тебе почти все уже доложил.

Корнилов нетерпеливо дернул головой.

— Живет Санпан в пятнадцати километрах от станции. Деревня домов пять. Владычино, что ли...

— Память сдавать стала?

— Владычкино. Живет у какой-то женщины. Я не стал Белозерова подробно расспрашивать, — сказал Белянчиков. — Тут время дорого.

— Да, конечно, — согласился Корнилов. — А морочить мне голову у тебя время нашлось. Не вспугнут они там Полевого?

— Нет, это исключено. Белозеров будет ждать нас на Мшинской с тремя сотрудниками...

Заметив недоуменный взгляд подполковника, Белянчиков пояснил:

— На станции-то надо будет своих оставить? На всякий случай.

— Эх, не ушел бы! — вздохнул Игорь Васильевич, посмотрев в окно. На улице мела метель.

— В Луге тоже снег, — сказал Белянчиков. — А из Владычкина уйти только к станции можно. К Мшинской. Там, Белозеров говорит, как тайга. Леса.

Они помолчали. Потом Белянчиков спросил:

— Ты не замерзнешь в своем драпе? Ехать-то часа три, не меньше.

Сам он щеголял в новенькой дубленке.

...До Мшинской они доехали за два часа. Свернули с шоссе. Машина шла, натужно гудя, по заснеженной пустынной Вокзальной улице, и Белянчиков вглядывался в номера домов, разыскивал тридцать седьмой —

в этом доме жил участковый. Там и должен был ожидать их Белозеров. Дома в поселке были большие, многие — свежерубленные, еще не отделанные вагонкой. Корнилов подивился маленьким, подслеповатым окошкам. «В таких домиках да окна бы большие, чтоб свет да простор», — подумал он.

Дом участкового инспектора был старый, потемневший, какой-то уж совсем неприютный. Перед ним ни деревьев, ни кустов, ни даже палисадника. «Временный жилец товарищ участковый, — решил Корнилов, вылезая из машины. — Небось в сторону города смотрит». Ноги у него одеревенели от холода и неподвижности и плохо слушались, все время съезжали с узкой тропинки в сугроб.

— Где же они машину поставили? — удивился Белянчиков, оглядываясь вокруг.

— Да, может, он и не приехал еще, твой Белозеров, — сказал Корнилов. В управлении всем было известно, что Белянчиков с Белозеровым вместе учились в университете и были большими друзьями.

— Наш Белозеров, — нажимая на «наш», ответил Белянчиков, — не мог не приехать, товарищ подполковник. А машину, наверно, где-нибудь в гараже поставили. Чтоб не маячила тут...

В доме их заметили. Со скрипом открылась дверь, и на покосившемся крыльце появился в клубах морозного пара Белозеров — широкоплечий, краснолицый, с озабоченным лицом. Корнилов знал его несколько лет и привык всегда видеть с доброй улыбкой. «Уж не сбежал ли Санпан?» — подумал он.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — Белозеров молодцевато подтянул начинающий уже расти живот.

— Здравствуйте, Белозеров! Что тут у вас случилось? — спросил Игорь Васильевич, пожимая ему руку.

— Чепе, товарищ подполковник. — Он раскрыл двери в дом, пропустил Корнилова и Белянчикова в сени. В сенях пахло кислой капустой, хлебом. У дверей в комнату стоял совсем молодой лейтенант в форме.

— Участковый Рыскалов! — громко, волнуясь, отрапортовал он, приложив руку к козырьку.

Корнилов кивнул ему и прошел в комнату к большому дощатому, чисто выскобленному столу. Отодвинул стул, сел на него и, сняв шапку, поискал глазами,

куда бы ее положить. Комната была просторная, оклеенная простенькими, в голубой цветочек, обоями. Кроме стола, в углу стоял большой комод, божница над ним, старая ножная зингеровская машина под кружевной накидкой. На нее Игорь Васильевич и положил свою шапку. Белянчиков сел рядом, распахнув дубленку. Белозеров остановился перед Корниловым, а участковый так и остался в дверях.

— Ну что, капитан, — сказал Корнилов скучным голосом, — докладывай, какое у тебя чепе.

— Такая история, товарищ подполковник: в полутора километрах от Владычкина, — он на секунду замялся. — Это где Санпан живет...

— Ну, ну... — заторопил его Корнилов.

— ...На тропке, что со станции ведет, сегодня утром владычкинские бабы убитого нашли, — продолжал Белозеров. — Утром, еще в темках, к поезду шли и наткнулись. Лыжник. Уже и снегом подзамело.

За спиной у Корнилова кто-то кашлянул. «Кого это я тут не приметил еще?», — подумал он, оборачиваясь.

Рядом с окном, утонув в глубоком кресле, сидела старуха в черном платке и вязала, не обращая на них никакого внимания. «Что это я старуху не заметил? — подсадовал Корнилов. — Сыщиком называюсь!»

Перехватив взгляд подполковника, Белозеров сказал:

— Это хозяйка, товарищ подполковник. У нее участковый комнату снимает. Он ведь у нас совсем новый. Третий месяц, как заступил... А старуха глухая, вы на нее внимания не обращайтесь.

— Порядочки! — проворчал Корнилов и посмотрел на участкового. Тот густо покраснел и даже голову наклонил, как провинившийся школьник.

«Ни на какой город он, оказывается, не смотрит, — решил Корнилов. — Новичок. Еще успеет обзавестись собственным домом».

— Садитесь, лейтенант. И вы, Александр Григорьевич, чего стоите!

— Лейтенант там побывал. На месте происшествия, — доложил Белозеров, усаживаясь на стул. Стул заскрипел под его грузным телом.

— Пусть он и рассказывает.

— Давай, Рыскалов, — кивнул Белозеров участковому, — доложи все, что видел!

— Следователя из прокуратуры вызвали? — перебил Корнилов.

— Он уже там. С двумя нашими сотрудниками, — ответил Белозеров. И добавил озабоченно: — Да и нам бы надо ехать. До Пехенца на «газике», а там пешком доберемся... «Газик» сейчас вернуться должен.

Сбиваясь и все время краснея, начал рассказывать лейтенант. Корнилов сразу уловил, что участковый не такой уж беспомощный, каким показался с первого взгляда. У него был, судя по рассказу, внимательный взгляд и цепкая память.

...Сегодня утром две женщины шли из Владычкина к поезду и наткнулись на занесенного снегом мужчину. Подумали сначала, что замерз какой-то пьянчуга. Растегнули на груди куртку и увидели пропитанный кровью свитер. Во Владычкино возвращаться женщины не стали, пошли в Пехенец. А там уже с почты разыскали по телефону участкового. Лейтенант позвонил в райотдел, а сам успел съездить к убитому, оставил дежурить около трупа дружинников.

Корнилов слушал внимательно, не перебивая, только один раз нетерпеливо спросил:

— Ну а Санпан-то, Санпан?

— Товарищ Корнилов, Санпан сейчас во Владычкине. Пьет. Мы установили наблюдение.

— Наблюдение — дело хорошее, — с сомнением сказал Корнилов. — Да только два года назад мы даже дом окружили — мыши не проскочить, а Санпан ушел.

— Он пьет, товарищ подполковник, — вставил Белозеров, с каким-то особым значением нажимая на слово «пьет».

— С кем пьет-то?

— Один.

— Ну ладно, — махнул рукой Корнилов. — Рассказывайте дальше... Что удалось установить? Чем убит?

— Рана огнестрельная.

«Ну вот, одно к одному! — забеспокоился Корнилов. — У Санпана должен быть пистолет».

— Никаких документов у убитого не нашли, — продолжал участковый. — В нейлоновой куртке железнодорожный билет Ленинград — Мшинская, несколько автобусных и трамвайных билетов, сто три-

дцать рублей денег. А в небольшом вещмешке бутылка армянского коньяка, две банки шпрот, коробка конфет.

— Странная поклажа, — сказал Корнилов. — В глухую деревню с бутылкой коньяка не всякий гость поедет...

— Да, он не местный, товарищ подполковник. Интеллигентный человек...

— Это вы по коньяку определили? — с ехидцей поинтересовался все время молчавший Белянчиков.

Лейтенант ступевался:

— Нет, не только в коньяке дело... Лицо у него... Ну да не берусь объяснить. Может быть, мне так показалось.

В это время на улице просигналила машина. Белозеров встрепнулся.

— Наш «газик». Может, поедем, товарищ подполковник?

— Поедем. — Корнилов встал. Взял со швейной машины шапку. — Только поедем во Владычкино. Санпана брат. Подробности обсудим в машине. А потом на место происшествия...

— В лесу ждут, — нерешительно сказал капитан.

— И Санпан ждет? — раздражаясь, спросил Корнилов. — Вы что, думаете, нас по головке поглядят, если он опять уйдет? Да еще что-нибудь натворит?

Белянчиков нахлобучил Белозерову шапку и подтолкнул к дверям. Они молча вышли, провожаемые любопытным взглядом поднявшей голову от своего вязанья старухи. Молча сели в «газик». И только после того, как Белозеров коротко бросил шоферу: «Во Владычкино», Корнилов спросил:

— А чего это убитый по лесу шел? Дорога-то на Владычкино есть?

— Есть, товарищ подполковник, — ответил участковый. — Но она кругалая дает, а по тропке ближе, прямее.

— Значит, лыжник места знал?

— Наверное, знал, — согласился участковый, — или спросил у кого на станции. Тропинка глухая. По ней из чужих редко кто ходит. Зимой снегом сильно заносит. Летом топко. Да и побаиваются...

— Забоишься тут у вас... Следы какие-нибудь обнаружили у трупа?

— За ночь снега намело — следов не разобрать, но показалось мне, что потоптались около трупa. Потоптались. Это точно.

— Ты, Юрий Евгеньевич, вместе с лейтенантом возьми потом на себя станцию, — повернулся Корнилов к Белянчикову. — Вас как величать-то, лейтенант?

— Василь Василич.

— Вы, Василий Васильевич, с капитаном Белянчиковым поедете на станцию. Выясните, с какого поезда сошел этот лыжник. Установите людей, приехавших тем же поездом... Народу ведь в будни, наверное, немало из Ленинграда приезжает... Впрочем, капитан у нас дока по этой части. С ним не пропадете... — Корнилов подмигнул Белянчикову.

Лейтенант слушал внимательно, все время кивал.

— Ты, Юрий Евгеньевич, позвони в Ленинград. Может, есть там что новое. Пусть обратят внимание на случаи с применением огнестрельного оружия. Передай все данные об автобусных билетах. Бугаеву передай. Пусть выяснит, что за маршруты, примерное время... — Он помолчал, рассеянно глядя в примороженное оконце.

Мелькали занесенные снегом, будто увязшие в сугробах елочки — дорога то ныряла в лес, то выскакивала на поле. Низкие хмурые облака висели неподвижно, словно примерзли к вершинам елей. «Сейчас бы остановить «газик», — вздохнул Корнилов, — стать на лыжи да махнуть по этим полям и перелескам...»

— Василий Васильевич, лыжник, значит, во Владычкино шел? Или там еще деревни есть? — спросил он, не отрываясь от окна.

— Там, товарищ подполковник, деревень больше нет. Болота на много километров тянутся. Среди болот Вялье озеро. Местные иногда рыбалят, да редко. Так что эта тропка только во Владычкино. Ну и еще к леснику Зотову, — сказал он с некоторым сомнением. — Да, пожалуй, к егерю. Я еще с ним не познакомился. И фамилию не запомню никак.

— Значит, или во Владычкино, или к леснику, или к егерю? И точка?

Участковый кивнул.

— В деревне сколько дворов?

— Шесть всего.

— В какой же из шести шел лыжник? Придется

взяться и за эти дома. После того как Санпана в Лугу отправим, — сказал Корнилов и подумал: «На место происхождения мне самому непременно надо съездить. Посмотреть, не упустили ли чего...»

Минут десять они ехали молча.

Наконец участковый сказал тихо:

— До деревни километр остался... Не боле.

— Притормозите, водитель, — попросил Корнилов, дотронувшись до плеча шофера.

«Газик» остановился. Рядом с дорогой шумел темный, припорошенный снегом еловый лес. Слышался заливистый собачий лай и далекое тарахтенье трактора.

— Лес трелюют, — прошептал участковый.

— Проверьте оружие. — Корнилов внимательно посмотрел, как его спутники вынимали пистолеты. — Вы, Василий Васильевич, расскажите, в каком доме Полевой живет.

— Первая изба, как в деревню въедем. С правой стороны... Да там всего-то три избы по праву руку. В избе напротив наш сотрудник дежурит.

— Кто с Полевым в доме живет? — спросил Белянчиков.

— Женка его, Главдя Сестеркина, и сынишка годовалый...

— Вы сами-то из местных, лейтенант? — спросил Корнилов. Он уже несколько раз слышал, как лужане вместо Клавдии произносили Главдя.

— Так точно, товарищ подполковник. Из Стругов Красных. В армии служил, а потом школа милиции.

— Санпан, значит, зазнобу себе здесь нашел. А сын его?

— Его, товарищ подполковник. Только они ведь незарегистрированными живут.

Корнилов усмехнулся:

— Ну еще бы! У Санпана небось и паспорта нет. «Королева» его дома сейчас?

Участковый кивнул.

— Сколько там выходов?

— Два. Один через терраску, другой во двор. Там ворота открыть можно. Да ведь нынче в снегу утопнешь...

— Белянчиков, ты берешь на себя ворота. Вы, Александр Григорьевич, под окнами станете. И опера-

тивник с вами, когда подойдет. А мы с Василь Васильичем в дом нагрянем. Правда, лейтенант? — Корнилов обернулся к участковому, положил ему руку на плечо. — Он ведь здешних мест хозяин. Ему положено.

Участковый расплылся в улыбке. Чувствовалось, что ему лестно идти с подполковником.

— Не вспугнем мы Санпана? — засомневался Белозеров. — Подъедем прямо к дому, переполоху надеваем.

— А мы без переполоху, — отрубил Корнилов. — Подъезжаем на скорости. Мы с участковым садимся ближе к дверцам и быстро в дом... Если верить местной милиции, Полевой в загуле, гостей не ожидает. Но учтите, этот волк и во хмелю стреляет без промаха. — И, взглянув на участкового, на его сосредоточенное, отрешенное лицо, добавил: — Пальбы не открывать. В доме ребенок.

Крыльцо избы покосилось, доски подгнили. Казалось, топни покрепче — и развалится. «Как в доме участкового», — почему-то пришла Корнилову мысль, но он тут же забыл об этом и, нажимая на ручку, успев шепнуть участковому, чтобы тот оставался в дверях, подумал: «Ну вот, гражданин Полевой, и пришло время нам свидеться».

В комнате за столом сидела женщина. Каштановые густые волосы ее были распущены по плечам. Женщина повернула голову на легкий скрип двери, и Корнилов увидел, что лицо у нее горестное, заплаканное. Ни удивления, ни испуга при виде постороннего. Игорь Васильевич окинул быстрым взглядом большую неопрятную комнату, и сердце у него екнуло. Комната была пустой.

— Гражданин Полевой здесь проживает? — спросил он, не спуская взгляда с грязноватой пестренькой занавески на дверном проеме. По рассказу лейтенанта, там была кухня.

Женщина непонимающе посмотрела на него, пожала плечами.

— Где хозяин? — переспросил Корнилов. — Муж ваш где?

— Муж-то? Вона разлегся, — зло сказала женщина, кивнув куда-то за стол. Лицо ее стало замкнутым, отчужденным.

Корнилов сделал шаг и тут только заметил, что за столом, у стенки, прямо на полу постелен матрац. На грязном одеяле в одежде, в сапогах лежал человек. По черным как смоль волосам догадался, что это Санпан.

Не вынимая руки из кармана, Корнилов подошел к нему и тихо сказал:

— Гражданин Полевой, здравствуй!

Спящий не отзывался. Тогда он нагнулся и быстро сунул руку под подушку. Там было пусто.

— Полевой! — взял Корнилов его за плечо. — Полевой! Проснись! Гости пришли.

Мужчина с трудом повернулся на спину и открыл глаза.

Если бы пятнадцать минут назад Корнилову сказали, что он увидит Санпана беспомощным, с дрожащими руками и бессмысленным выражением глаз, он бы ни за что этому не поверил. Жестокий, смелый до отчаянности ворюга, сколько доставил он неприятных минут уголовному розыску! И в довершение всего убийство старика и побег с «малины», когда, казалось, ловушка уже захлопнулась.

— Полевой, узнаешь меня? — спросил подполковник, брезгливо рассматривая небритое, опухшее лицо Санпана.

В ответ раздалось какое-то нечленораздельное бормотанье. Корнилов подозвал участкового, все еще стоявшего в дверях в напряженной позе:

— Обыщи, будь другом!

В это время за занавеской заплакал ребенок. Жалобно, с надрывом. Женщина медленно, нехотя встала и пошла к занавеске, но Корнилов осторожно придержал ее за руку. Зашел первым. Здесь и впрямь была маленькая кухня. Такая же неопрятная и грязная, как и вся изба. Только было теплей...

Корнилов вышел на улицу, вдохнул полной грудью свежего морозного воздуха.

— Игорь Васильевич, ну что? Нету? — тревожно крикнул из огорода Белянчиков. Он стоял там у поленницы дров, чуть не по пояс утонув в снегу.

— Ты что там, Юрий Евгеньевич, делаешь? — приторно удивился подполковник. — Или потерял чего? — И засмеялся. — Поди в дом, полюбуйся на Санпана. За ним из вытрезвителя надо было присылать, а

не уголовный розыск... Есть, оказывается, средство по-сильнее нас с тобой!

Но когда участковый и Белозеров с трудом вывели из дома мычащего бессвязно Санпана, Корнилов, словно вспомнив что-то, крикнул:

— Белозеров, ты на всякий случай наручники-то ему надень!

Санпана усадили на заднее сиденье между Белозеровым и подошедшим из соседнего дома оперативником.

— Участковый пусть останется со мной, — сказал Корнилов. — А ты, Юра, — обратился он к Бемянчикову, — поезжай в Лугу, свяжись с управлением. Действуй, как договорились.

Машина отъехала, поднимая легкую снежную пыль. Ее тут же подхватил ветер, понес вдоль стоящих у дороги сиротливых, промерзших тополей. Начиналась вечерняя поэмка.

— Ну что смотришь, лейтенант, — улыбнулся Корнилов, в упор разглядывая притихшего участкового. — Водка и не таких губила! Эх, да если бы только таких... — Он поднял воротник пальто — мороз начинал таки пробирать. — Только вот что — давай на пять минут зайдем к вашей Главде.

Сестеркина сидела все так же у стола, кормила ребенка грудью. На их приход она не обратила никакого внимания. Не спросила ничего, не предложила сесть.

Корнилов сел напротив, спросил тихо:

— Клава, как отчество ваше?

Она посмотрела на него равнодушно. Сказала:

— Тихоновна.

— Клавдия Тихоновна, вы нас извините за это вторжение, но квартирант ваш... — Он хотел сказать «сожитель», но просто не смог выговорить это слово. — Квартирант ваш — опасный преступник.

— Надо было вам пораньше за ним приехать, — со злостью сказала Сестеркина. — Мои вещи хоть остались бы целы. Все распродал, алкаш...

— Клавдия Тихоновна, вам придется еще поговорить со следователем. Может быть, сегодня, может быть, завтра. Так вы никуда из деревни не отлучайтесь. Кроме работы, конечно... Никуда за пределы не выезжайте.

— Пускай другие за пределы выезжают, — равнодушно сказала женщина.

— А у меня только два вопроса к вам. Оружие у Полевого вы видели? Где оно?

— Это Сашка-то — Полевой? — На лице Сестеркиной впервые мелькнуло удивление. — А мне он Ивановым сказался... — Она помолчала немного, словно осозная услышанное, потом сказала: — Финка вон на кухне лежит. На столе.

Корнилов кивнул участковому. Тот встал, прошел за занавеску и тут же вернулся с большим, изящно сделанным ножом с наборной ручкой. На тонком потемневшем лезвии был слой хлебной мякоти — так бывает, когда хлеб плохо пропечен.

— Ну а пистолета у него вы не видели? — с мягкой настойчивостью продолжал выпрашивать Корнилов.

— И пистолет был, да сплыл. Кузнецу из Пехенца за бутыль самогона отдал. Левашов, что ли, его фамилия, — со злорадным смешком ответила Клавдия.

— Оформите протокол на изъятие оружия, лейтенант, — тихо сказал Корнилов.

Участковый поспешно полез в карман за авто-ручкой.

— И еще один вопрос, Клавдия Тихоновна: в последние дни он никого в гости не ждал?

— Ждал. Все уши прожужжал: «Вот кореш приедет, тугрики привезет. Одну тебя, Главдя!» Как же, одел!.. — сорвалась было она на крик, но тут же взяла себя в руки и только всхлипнула несколько раз.

Корнилов молчал, смотрел на нее выжидающе.

Сестеркина поняла, что от нее еще чего-то хотят, пожала плечами.

— Как зовут, не сказывал. Говорил только — из Питера. Вчера встречать ходил. До трех и не пил ничего...

Корнилов встал. Надо было засветло побывать на месте происшествия.

— Далеко? — спросил он, когда они вышли из дому.

— Около двух километров, товарищ подполковник. — Участковый с сомнением посмотрел на ботинки Корнилова. — Да ведь снег, застынете.

— Вы на мои ботинки не смотрите, лейтенант, они теплые, финские. По большому благу доставал.

Пройдя метров триста по дороге, они свернули в поле, на еле заметную стезжку тропинки, которая вела к темной кромке леса.

2

Лишь поздно вечером попал Корнилов в маленький уютный номер лужской гостиницы. Белянчиков пошел ночевать к своему старому приятелю Белозерову. Подполковника они не звали — знали, что шеф строго придерживается правила: у подчиненных никогда не ночевать и не столоваться.

Корнилов расстелил постель, но не лег. Сидел у стола, курил. Рассеянно глядел в окно, где в красновато-желтом свете уличных фонарей крутилась шальная снежная заверть. Дело, ради которого они примчались сюда из Ленинграда, закончено. Но этот убитый на лесной тропинке... Нет, Корнилов не мог себе позволить уехать, не организовав розыск убийцы.

На вопрос Белянчикова, не думает ли он, что убийство — работа Полевого, Корнилов только руками развел. С одной стороны, Санпан вчера, приблизительно в то же время, когда был убит лыжник, ходил встречать какого-то кореша. Но якобы не встретил. А может быть, встретил? И всадил этому корешу пулю? Ради чего? Ведь даже деньги не взял. Старые счета? Поехал бы этот кореш в такую глушь на свидание с Санпаном, если бы между ними черная кошка пробежала?

Белянчиков, настаивая на версии «Санпан», говорит, что, застрелив человека, Полевой не ограбил его только потому, что испугался. За лыжником кто-то шел: Санпан мог услышать и убежать. Логично? Логично-то логично. Но мог ли Полевой предполагать, что в кармане у лыжника лежат сто тридцать рублей?

Белянчиков твердил:

— Санпан спился. Стопроцентный алкаш. Такой может и за рубль человека прикончить. Лишь бы на бутылку собрать. А может, все-таки ухлопал знакомого? Счета свел?

— Над этими версиями надо работать, — соглашался Корнилов. — Но только как над одними из многих. Не очень-то верится мне, что Полевой убил. И второй человек... Куда он делся?

Проверка на станции показала, что с поезда, который прибыл на Мшинскую в пятнадцать часов, сошло

человек двенадцать. Но только двое двинулись по тропе к лесу. Один на лыжах, другой пешком. Кто был этот второй? Местный? Приезжий?

Кузнец Левашов из деревни Пехенец, у которого вечером провели обыск, заявил, что никакого пистолета у Иванова не покупал. И слыхом не слыхал о том, что у него есть оружие. Значит, пистолет у Полевого? Значит, он был вооружен, а только обманывал Сестеркину?

«Дело довести до конца должен я, — решил наконец Корнилов. — Утром позвоню начальству, доложу обстановку. Попрошу разрешения остаться еще на день. Вместе со следователем организую розыск». Он встал, закурил. Ему вдруг отчетливо представилось тупое, бессмысленное лицо Полевого. «Водка, она и из бандитов веревочки вьет». И тут же он подумал об убитом. Вот еще одна трагедия!.. Нет человека. Кто он? Какие земные дела его остались невыполненными? За долгие годы работы в уголовном розыске Корнилов так и не привык воспринимать чужую смерть спокойно. Он научился лишь сдерживаться, не показывать окружающим, что каждый раз переживает ее как личную трагедию. И он никогда не позволял себе даже думать о погибшем как о неудачнике. От сочувственно произнесенного слова «бедолага» Корнилова коробило. Он относился к смерти серьезно.

...Днем, когда они с участковым пришли из Владычкина к лесу, туда, где был убит лыжник, следователь прокуратуры уже закончил осмотр места происшествия, тело было отправлено в районную больницу. Лишь на опушке у большого костра сидели на поваленной ели двое мужчин, что-то жевали. Увидев Корнилова с участковым, они поднялись, подошли.

— Товарищ подполковник? — спросил хрипловатым голосом один из них, крепыш в овчинном полушубке.

— Он самый!

— Старший оперуполномоченный Ключев, — отпартовал крепыш. И кивнул на второго: — Оперуполномоченный Чернышов.

Корнилов пожал им руки.

— А следователь с экспертом уехали, — сказал, словно бы извиняясь, Ключев. — Просили передать, что

стреляли из винтовки или карабина. Пулю извлекли. Сняли слепки следов. Каликов говорит: женские. — Он запнулся. — Каликов — это следовательно, товарищ подполковник.

— Понял, — мрачно сказал Корнилов. — Не густо.

Участковый показал место, где лежал убитый. Вокруг было очень натоптано.

— Что они тут, хороводы водили, что ли? — рассердился Корнилов. — Большие ученые они у вас.

Он пошел по тропе. Поискать, нет ли окурка, не зацепилась ли где за кусты нитка от одежды... В лесу было мрачно — уже начинало темнеть. Корнилов прошел с полкилометра, ничего не заметил и повернул назад, и, по мере того, как приближался к опушке, им овладевало неприятное состояние: казалось, вот сейчас он шагнет из-под темных крон на свет — и раздастся выстрел.

«Почему убийца не стрелял в лесу? — мелькнула у него мысль. — Ведь что, кажется, проще и удобней — стрелять в лесу?»

— Василь Васильевич, — окликнул он участкового, шептавшегося с Ключевым. — Ты окрестности-то осматривал?

— Осматривал, товарищ подполковник. — Вид у участкового был понурый, и Корнилов подумал о том, что лейтенант, наверное, переживает и за то, что убийство произошло на его участке, и за то, что раньше не знал ничего о Санпане, проживавшем у него под носом. «Похоже, что он и за следователя переживает».

— Пойдем пройдемся еще разок там, где ты ходил, лейтенант. — Игорь Васильевич обнял его дружески за плечи. — Посмотрим, пока совсем не стемнело, что тут и как.

Они двинулись по старому следу, глубоко проваливаясь, цепляясь за маленькие елочки. Круг получился довольно большой, но, как ни всматривался Корнилов, снег лежал девственный, нетронутый. Только в одном месте напетлял заяц.

— Да, не видать тут никаких следов, — сказал он, когда они снова вышли на тропу и отряхивались. Участковый приободрился.

— Товарищ подполковник, я вам точно говорю: в лесу и в поле следов нет, а у тропы, когда я утром

пришел, были. Не только женские. Мужские следы. Словно кто-то обошел вокруг убитого пару раз. Их метелью запылило, но я разглядел.

— Хорошо, лейтенант. Это мы берем на заметку. А теперь води нас к машине...

Сейчас, припоминая все свои действия при осмотре места преступления, Корнилов никак не мог отделаться от такого чувства, будто упустил там, в лесу, что-то очень важное. В городе было проще: комната, квартира, улица — замкнутое пространство, которое надо было исследовать, изучить. А здесь лес, поле, открытое всем ветрам... «Специалист-то я, выходит, одноклассник, — усмехнулся он. — Яркое выраженного городского типа... Как же эта болезнь называется — боязнь открытого пространства?..»

Он сел за маленький столик, записал в блокноте: «1. Убитый??? 2. Попутчик. Опросить всех жителей Владычкина, лесника, егеря. 3. Полевой. Оружие?»

Что еще? Он вспомнил начинающий голубеть вечерний снег, маленькие густые елочки, утонувшие в нем, следы зайца и дописал: «4. Охотники».

А ночью ему снились горы. Он стоял на кромке ледника, вглядываясь в голубеющие вершины, и пел.

3

На следующий день Корнилов проснулся рано. Еще не было и семи. Он чувствовал себя хорошо отдохнувшим, бодрым. «Вот что значит лес», — подумал он. Позвонил в горотдел, попросил дежурного вызвать к восьми Белозерова.

В маленьком гостиничном буфете съел стакан сметаны, выпил бледного, чуть теплого чая с кусочком засохшего сыра — больше разжиться было нечем. Пошел в горотдел пешком. На улице еще не начало светать. На автобусных остановках стояли длинные очереди. Во многих домах топили печи, ветер прибивал дым к земле. Мороз жалил зло и колюче.

Белозеров с Белянчиковым были уже на месте. Сидели нахохлившись, видно, еще не совсем проснулись. Начальник лужского угро крутил ручку старенького радиоприемника.

— Капитан, а вы по утрам не бегаєте трусцой? — спросил Корнилов, поздоровавшись.

Белозеров отрицательно покачал головой.

— А зря. Поэтому вы такой вялый. Рекомендую. Очень способствует.

— Чему способствует? — не понял Белянчиков.

— Жизнерадостности.

— Да мы долго за шахматами сидели, — стал объяснять Белозеров, но Корнилов перебил его, спросив будничным, деловым тоном:

— Где Полевой?

— Здесь, в КПЗ.

— Скажите, пусть приведут.

...Привели Санпана. Щетина на щеках, всклокоченные волосы на голове, запекшиеся губы делали его похожим на тяжелобольного. Корнилову показалось даже, что глаза у него еще больше налились кровью. Однако сегодня в них можно было уловить искорку мысли.

— Садись, Полевой, — сказал он Санпану. Всегда и во всем скрупулезно соблюдавший порядок, Игорь Васильевич не смог пересилить себя и обратиться к Санпану на «вы». — Узнаешь?

Санпан сел и, повернув лицо к Корнилову, чуть-чуть оскалился. Словно хотел оказать: «Чего уж тут не узнать...»

— Капитан, ведите протокол, — попросил Корнилов Белозерова.

— Кого в последние дни в гости ждал?

Санпан минуты три молчал, сжав руки коленками и медленно потирая ладонь о ладонь. На его лице с низеньким, похожим на гармошку лбом заходили все мышцы, словно он что-то с трудом пытался разжевать. Наконец Санпан выдавил:

— Витьку Косого ждал. Срок у него закончился. Долго должен был привезти.

Корнилов аж присвистнул:

— Витьку Косого! Виктора Безбабичева, значит. Подвел тебя Косой, подвел! Как только в Ленинграде появился — за старое взялся. У нас он. Уже у нас. — А про себя подумал: «Косого-то спрашивал я про Санпана. Сказал — весточек не имею. Крепкий орешек. Придется и с ним повозиться. И доля еще какая-то». — Ладно, о Косом потом. Где твой пистолет?

Санпан снова долго молчал, набычившись, шевеля губами.

— Кузнецу из Пехенца отдал. За самогон. Левашову. — И, словно бы оправдываясь, добавил с тоской: — В загуле был, гражданин Корнилов. А хрустов нема. За литр отдал, сивка!

— Когда это было?

— Не помню уж. Месяца два назад.

— Безбабичева ходил встречать?

— Еще чего, — проворчал Полевой. — Я ж не знал, в какой день он явится.

— А твоя жена утверждает, что вчера в три часа ты ушел встречать дружка...

Полевой осклабился:

— Да я так... Чтоб крик не подымала. В Пехенец ходил. Выпить с мужиками.

— С кем?

— С кем пил-то? — Санпан нахмурился. Лицо у него опять напряглось. — Да я... Зашел к Левашову, а его не было. Жена у него дурная. Орать стала. В магазине взял бутылку «Солнцедара». А потом не помню.

— Кто отпускал тебе вино?

— Тоська рыбакая. Да она там одна и торгует, гражданин начальник.

— Дружки навещали?

— Нет. Боялся, вас наведут...

Корнилов усмехнулся:

— Не договариваешь ты, Полевой!

Санпан пожал плечами.

— Про Безбабичева как узнал? Что у него срок закончился и деньги привезет? Святой дух подсказал?

Санпан вдруг поднял голову и пристально, не мигая, посмотрел на Корнилова. Куда только девалось его тупое безразличие и подавленность! Взгляд стал осмысленным, дикая злоба сверкнула в глазах.

— Не шути со мной начальник, — сказал он с вызовом.

— Ладно, Полевой, на сегодня достаточно. Мы еще наговоримся.

Санпана увели.

— Капитан, — попросил Корнилов Белозерова, — пишите мотивированное постановление на обыск у Левашова и у Сестеркиной. Потом у прокурора утвердим. — Он посмотрел на часы. Было девять. — Сейчас позвоню Михаилу Степановичу. Попрошу разрешения на день задержаться.

Белозеров повеселел. На помощь подполковника он очень рассчитывал.

«Что же мы имеем на сегодняшний день? — думал Корнилов, прохаживаясь по кабинету Белозерова в ожидании, пока тот принесет данные судебно-медицинской экспертизы. — Санпан за решеткой... Может, он и совсем спился, да и такой не менее опасен. И вот за несколько часов до его ареста на опушке леса находят убитого человека. Ни имени, ни фамилии. Просто «убитый». Говорят, не местный. Но кто же это отправляется в дорогу, не взяв с собой хотя бы удостоверения или пропуска? Без документов идет в соседнюю деревню местный житель. Зачем они ему? А убитый не местный.

...Коньяк... Может быть, в магазине еще не продавали водку, и пришлось его купить. Коньяк-то продают чуть ли не круглосуточно. План делают! — Игорю Васильевичу надоело ходить, все время задевая за мебель — кабинетик у начальника угро города Луги был совсем крошечный, — и он сел на стул у окна. — Нет, лыжник специально покупал коньяк, поезд-то у него вышел из Ленинграда после одиннадцати! Если бы захотел, мог уже и водку купить. А местные вряд ли коньяк пьют. А может быть, случай особо торжественный? Когда водку и приносить неприлично?» Эта мысль понравилась Корнилову, и он сказал про себя: «Неплохо, товарищ подполковник, неплохо!»

«...Деньги. Многовато при нем денег, многовато! В гости с такими деньгами не ездят. Может, долг отдавать шел? Или, как Витька Косой, долю кому-то нес?..

Предположим, охотники. Ну, конечно, проще всего представить случайный выстрел. Загон на лося. У кого-то есть карабин или винтовка. Может быть, даже с войны припрятана. Что ж, тоже версия.

А что касается Санпана, то следовательно все досконально уточнит, это нелишне, но тут, сдастся мне, не Санпановых рук дело».

Пришел Белозеров, принес данные экспертизы. «Пулевая рана. Оружие нарезное, калибр 7,62. Прострелено легкое. Смерть наступила от большой потери крови приблизительно в 20—22 часа».

«А стреляли в него не позже шестнадцати часов, — подумал Корнилов. — Поезд приходит на станцию в

пятнадцать... Если на лыжах идти, до владычкинского поля не больше сорока-пятидесяти минут. Значит, несколько часов лыжник был еще жив. И приди кто-нибудь на помощь — могли спасти. Если стреляли охотники да издалека, раненого могли и не заметить. Прошли где-то стороной. А вот попутчик? Тот, что шел вслед за лыжником по тропе от станции? Он-то должен был на него наткнуться? — Корнилов вздохнул. — Вопросы, вопросы!.. Надо поручить Белозерову провести следственный эксперимент: установить направление выстрелов. И выяснить, в порядке ли были лыжи. Ведь если шел на исправных, то никакой пешеход его не догнал бы!»

— Вот, может, поинтересуетесь! — Белозеров положил на стул перед ним несколько фотографий.

Корнилова поразило выражение глаз на простоватом, тронutom тенью щетины лице убитого. Казалось, они продолжали жить и ждали ответа: кому это понадобилось стрелять в него, кому он помешал?

Вздохнув, Корнилов сложил фотографии и передал капитану.

— Вот что, Александр Григорьевич, — сказал он, немного помолчав, — вы сами-то что думаете по поводу убийства? Может быть, охотники?

— Мы с Юрием Евгеньичем прикидывали эту версию. Случайный выстрел? Возможно! На лося, правда, охота уже закрыта, но браконьеры пошаливают. Может, и ходил кто-то с винтовкой, баловался.

— Ну вот и проверьте всех охотников, с общественными инспекторами потолкуйте. — Игорь Васильевич говорил все это не слишком уверенно, потому что его смущала одна деталь, никак не укладывавшаяся в вариант «охота»: попутчик. Не мог он пройти мимо убитого и не заметить его! Значит, заметил и скрылся. Ну, может быть, и не скрылся, да молчит. Почему? Чего испугался? А может быть, он не только попутчик?..

— Александр Григорьевич, лыжи какой марки? — неожиданно спросил он капитана.

— У убитого, что ли?

— Ну да. У кого же еще?..

— У него лыжи очень хорошие, товарищ подполковник, гоночные. Финские. Марка «Карху». «Медведь», значит.

— Хорошо смазаны?

Белозеров только руками развел:

— Не поинтересовался, даже не подумал, что понадобится.

— У вас есть опись вещей убитого?

Белозеров протянул листок.

Опись была составлена толково — точно и очень подробно.

Корнилов обратил внимание, что среди денег была сторублевая бумажка. Такими деньгами только долг отдавать! Ведь в деревенском магазине могут и не разменять, если за покупками пойдешь. В карманах убитого не обнаружили ни спичек, ни сигарет. Вообще, кроме носового платка и ключей, не было самых обычных мелочей, которые, как правило, можно обнаружить в карманах у каждого. Так случается, если человек собрался в дорогу неожиданно. Схватил, что было под рукой, переоделся — и в путь.

— Вот еще что надо проверить, Александр Григорьевич, — не было ли вчера или позавчера во Владычкине выдающихся событий: свадеб, крестин, похорон. Похоже, что лыжник внезапно получил какое-то известие, собрался за пятнадцать минут, сунул в карман деньги, бутылку коньяка — и в путь...

— Умереть так никто не умер, — наморщив лоб, ответил Белозеров. — А насчет рождений и свадеб — это я проверю... — Он усмехнулся: — Да жениться там некому. Одни старухи.

«Чего он все время лоб морщит? — подумал Корнилов. — И так старше своих лет выглядит. Надо будет ему как-нибудь сказать об этом. В шутку. Чтоб не обиделся».

Белозеров позвонил на Мшинскую участковому Рыскалову.

Оказалось, что никаких примечательных событий во Владычкине не произошло. Участковый по своей инициативе побеседовал со многими мшинскими охотниками и с председателем охотничьего общества: было похоже, что охотников в эти дни в лесу не видели.

— Ладно, хватит штаны просиживать, — поднялся Корнилов. — Еду во Владычкино. Сколько там до егеря и лесника?

— Километра три. Лыжи мы вам приготовили. Рыскалов ждет на Мшинской.

— Здесь Надежда Григорьевна Кашина живет, — сказал участковый Корнилову, когда, приехав во Владычкино, они остановились у первого дома. — Древняя старуха. Может быть, с кого другого начнем?

— Вот с древней и начнем. Кстати, почему все говорят: «у нас во мхах», «к нам во мхи»? Эта деревня ведь Владычкино называется?

— Да как вам сказать, места такие — болота, мхи. И станция Мшинская. Мхи да мхи.

Деревня выглядела пустынно. Лишь кое-где из труб вился еле заметный дымок. В морозном воздухе плавали едва уловимые запахи только что выпеченного хлеба. Откуда-то издалека, наверное, со станции, ветер донес гудок паровоза. «Какая тишина тут», — подумал Корнилов.

Они поднялись на крылечко. Возле дверей стоял веник, и Корнилов обмел снег с ботинок. Передал веник лейтенанту. Тот обметал валенки долго, старательно.

Участковый постучал.

— Не заперто! — крикнули в глубине дома. Голос был звонкий, и Корнилов решил, что кричит ребенок.

Натыкаясь друг на друга, они прошли через темные сени. В избе было тепло, кисловато пахло квашней. Корнилов еще с порога заметил слабенький огонек в розовой лампадке перед иконой.

— Будьте добреньки, заходите!

Навстречу им шла чистенькая старушка в темном платье и белом, синими горошинами платочке.

— Какие мужички-то в гости ко мне пожаловали, — ласково сказала она. — Да никак один-то городской. Ай да никак второй с погонами, военный!

— Здравствуйте, Надежда Григорьевна, — поздоровался Корнилов и подумал: «А старушка-то общительная. Наверное, мно-о-о-го знает. Если не ханжа». Ему иногда встречались старушки, которые ни о чем другом, кроме своих старых обид, говорить не могли.

— Вон вы какие проворные, — удивилась старушка. — И как величать меня, знаете!

Глаза у Надежды Григорьевны были добрые и какие-то, как показалось Корнилову, снисходительные.

Словно бы она знала о твоих грехах и слабостях и заранее прощала тебя.

Старуха показала им, где раздеться, и усадила на большую лавку около русской печки, а сама осталась стоять. Маленькая, сухонькая, она смотрела на гостей внимательно и заинтересованно. Оттого что она стояла, а они сидели перед ней, словно школьники перед учительницей, Корнилов почувствовал неловкость.

— У нас разговор к вам, Надежда Григорьевна, — сказал он. — Посидим, поговорим...

— Ты говори, милый, говори, — замахала рукой старушка. — Я стоя-то лучше разумею. Да и насиделась я в жизни, насиделась...

— Да садитесь вы, садитесь, — с легким раздражением сказал участковый, но Игорь Васильевич неодобрительно посмотрел на него, и лейтенант замолчал.

— Мы с Василием Васильевичем из милиции. Хотим кое о чем порасспросить вас.

Надежда Григорьевна кивнула:

— Василя-то я знаю. Со Струг он. Полины Рыскаловой сынок. Моей свояченицы.

Лейтенант заерзал на скамейке, хотел что-то сказать, но не сказал.

— Самого-то я впервой вижу, но слыхала, слыхала, что он нонес у нас в чинах. А ты, милой, отчего в пиджачке? Без погон-то? Агент?

Она сказала с ударением на «а». Корнилов засмеялся и кивнул головой:

— Агент, агент. Из розыска я, уголовников ищу.

Надежда Григорьевна понимающе улыбнулась.

— Насчет Сашки Иванова небось? Ох и питух, не приведи господи. Всех у нас во мхах перезюзил. И Главдю испортил. Она хоть и сиделица, а девка была хорошая. Передовка в лесхозе. От тюрьмы да от сумы грех зарекаться... А этот зюзюкало и ее к вину приохотил.

Говорила Надежда Григорьевна забавно — будто ручей журчал. Все время на одной ноте, без остановки. Приходилось постоянно вслушиваться, чтобы разобрать каждое ее слово.

— Возле Орельей Гривы парня-то он порешил? — вдруг спросила она.

— Где, где?

Надежда Григорьевна широко улыбнулась и, словно

боясь обидеть гостей, прикрыла рот коричневой сухой ладонью.

— Да у леса, милой, у леса. Мы так горку называем — Орелья Грива. — Она наконец села на табуретку и повторила: — Сашка убил-от?

— Кто — мы не знаем. Не знаем даже, к кому шел убитый, — ответил Корнилов. — Вы что же, Надежда Григорьевна, одна живете?

— Одна, товарищ хороший, не знаю, как зовут тебя. Одна.

— Игорь Васильевич меня зовут.

— Я уж десять лет, как одна, — стала рассказывать старуха. — Сын-то с дочкой в городе. Хорошо устроились. В прошлом годе Верка, дочь-то наша, приезжала. Нарядная. Гостинцев мне навезла... — Надежда Григорьевна вздохнула, словно вспомнились ей дочкины гостинцы. — Да я и сама-то хорошо живу. Хо-ро-шо. Пенсию каждый месяц двадцать один рубль получаю. Да сын присылает. Когда пять рублей, когда боле. К Новому году десятку прислал...

— А сын не приезжает?

— Не. Скучно ему тут. Приятелей нет. И девок не осталось. Все меня зовет. В город-то.

— Да, народу у вас во Владычкине совсем мало, — согласился Корнилов. — Заскучаешь.

— Из молодых-от кто? — стала прикидывать старуха. — Главдя-сиделица? С зюзюкалой связалась. Имени-то его и слышать не хочу! Федотовы. Сестрицы. Да Вовка, Верки Федотовой сын. Так ему еще и шашна-дцати нет. За прогоном бабка Калерия. Она с печки не встает. Я ей поесть когда сготовлю, она и сыта неделю. А остальные навроде старой Кавалерии, — она хихикнула. — Это я так старуху зову. Шучу над старухой.

Игорь Васильевич улыбнулся, подумал: «Какая же старая должна быть эта бабка Калерия, если Надежда Григорьевна по сравнению с ней себя молодой считает!»

— Но родные-то, наверное, есть у каждого? Ездит кто из города? — спросил он. — Да ведь и Луга под боком?

— В Луге-то есть наши. Пустили там корешки. Так они сюда носа не кажут. Городскими себя считают. И в Питере наши живут. Как же, там родня есть!

Да ведь редко ездют. Уж рази что летом. Зимой-то не ездют. У бабки Калерии сынок инженер. И сам уж лет пять не является, да хоть бы к празднику пятерку прислал матери. Тю-ю! Не то что мой.

— А ведь у вас такие леса вокруг! — сказал Корнилов. — Грибов, ягод, наверное, тьма. И дичь! Охотники-то приезжают?

— Не приезжают, милой. Разве что к егерю. А у нас во Владычкине Вовка Федотов один палит по воронам. Отцова берданка ему досталась, вот и палит.

— Выходит, что не густо у вас с населением, — улыбнулся Корнилов. — И родственники про Владычкино позабыли. От станции далековато.

Старуха помолчала.

— Ну а егерь с лесником, наверное, бирюками живут? Попробуй-ка до них добраться?

— А чего до них добираться? — удивилась старуха. — Не велик и крюк. Версты на две подале нас. Егерь-то с семейством живет. С женкой. Трое у них — мал мала меньше. Большенький, правда, в школу бегаёт. — Она засмеялась, опять, как в начале разговора, прикрыв рукой рот. — Волков не пугается... Ильич, лесник-от, один проживает. Одинокий. Ни детей, ни женки. Хотя кто его знает... Не мшинский он, не нашенский, но мужчина добрый, обходительный.

— Да ведь он здесь с незапамятных времен живет, — вставил молчавший все время участковый.

— С запамятных, с запамятных. Давно живет, да не наш. Не из Мхов, — строго сказала Надежда Григорьевна и, оборотясь снова к Корнилову, продолжала: — Он, Ильич-то, с пятьдесят шестого здесь. Аль на годок ране. Степан Трофимыч, старый лесник, умер, — Надежда Григорьевна перекрестилась. — Наш был братец. Ильич-то и приехал на его место.

Надежда Григорьевна задумалась, рассеянно глядя в замерзшее оконце. Корнилов не торопил ее, ждал, когда сама заговорит.

— Степан-от тоже одинокий был, — наконец заговорила старуха. — Уж такой одинокий! Никого ему, окромя леса, не надо. Вот охотник-то был. У меня подушки пером набиты — все он, брат. Дичи настреливал! Ружье у него большое, да-а-алеко стреляет. С подзорной трубой...

Игорь Васильевич внимательно слушал Надежду

Григорьевну, стараясь представить себе по ее рассказу всех обитателей деревни, их возраст, интересы. Ведь к кому-то из них направлялся этот человек... И Санпан прожил здесь, во Владычкине, долгое время. Ходил, наверное, к кому-то в гости, говорил о жизни. Был на виду. В такой деревушке от людских глаз не скроешься...

Участковый все время ерзал на лавке, поглядывал на часы. Корнилов чувствовал, что ему не терпится идти дальше, говорить с другими людьми, что-то предпринимать. Неторопливая беседа со старухой, похоже, раздражала лейтенанта. Ему хотелось действовать.

И только когда старуха упомянула про ружье, он замер вдруг, словно пойнтер, почувствовавший дичь. Перестал ерзать и сидел совсем тихо, стараясь не упустить ни одного слова из разговора. Игорь Васильевич внутренне усмехнулся, искоса взглянув на лейтенанта.

— А Ильич-то после него, после Степки, основался, — продолжала старуха. — Говорят все — одинокий, а мне одна баба сказывала: сын у него был. Только сызмальства поссорился с отцом. С войны.

— И что ж, сын к леснику не ездит? — поинтересовался Корнилов.

— Не ездит, батюшка. Да ведь и он про сына молчит. Одинокий, говорит, я. А баба-от, ну та, что про сына мне рассказывала, сама зайцовская. С-под Сиверской. Знает его. Чегой-то там у них вышло, а чего — не помню.

— А где живет эта женщина?

— Зайцовская, говорю, она. Полиной зовут, а фамилии я не помню.

— Тетя Надя, а к егерю да к леснику гости-то ездят? — хмуро спросил участковый.

— Ходют люди, — сказала Надежда Григорьевна. — А гости или по делу — не скажу, откуда мне, старухе, знать. Вот что родственников у них нет, об этом я сказывала. У лесника-от гатчинский один часто бывает. Лесхозовское начальство. Тот ездит. Дружки, что ли. Форсистый такой.

— Молодой или старый? — спросил Корнилов.

— Помоложе, чем сам Ильич.

Корнилов посмотрел вопросительно на участкового.

— Леснику за шестьдесят, товарищ подполковник, — ответил тот.

— А вы, Надежда Григорьевна, видели этого дружка? Как он одевается?

— Что-то я и не скажу. Помню, плотный, форсистый, а как одет... Нет, не припомню. На голове вот малахай рыжий...

— Чего?

— Шапка, говорю, большая, мохнатая, рыжая-рыжая... Да что мы все гутарим да гутарим, — спохватилась она. — Давайте почаевничаем. Я счас, быстро. — Старуха встала, пошла к печке.

Корнилов тоже поднялся.

— Нет, спасибо, хозяйюшка. В другой раз чайку попьем. Вы нас не ругайте, что от дела оторвали.

— Да какие у меня дела? — искренне изумилась старуха. — Поболтать — вот самое первое у меня дело.

— Надежда Григорьевна, — спросил Игорь Васильевич, надевая пальто. — А ружье-то вашего брата, с подозрной трубой, оно кому досталось?

— Ружье-то? — задумалась старуха. — Да никому не досталось. Никому. Степка-то, видать, или потерял его перед смертью, или продал. После смерти не нашли ружья. Сын-то мой, Славик, переискался. Думал, от дядьки в наследство останется.

— А не могло это ружье к зюсюкале попасть, к Клавдиному дружку?

— Ах, к этому-то! — закивала Надежда Григорьевна. — Да ведь он у нас пришлый. А братец мой давно уж помер. — Она задумалась. — Рази что через Главдю... Неужели Степка ее отцу ружьишко-то подарил? Они ведь тоже братья, только двоюродные.

— А что, отец Клавы жив? — спросил Корнилов.

— Помер. Года три, как помер, — старуха перекрестилась. — Был бы жив, рази допустил к себе в дом эту чучелу?

Уже в дверях он спросил старуху:

— Надежда Григорьевна, вы не вспомнили, как лесникова дружка-то звать? Того, что из Гатчины ездит.

— Так ты, миленький, и не спрашивал меня, как зовут-от. Все про одежду говорил. Мокригиным его зовут. В лесхозе он какая-то шишка.

Корнилов вышел вслед за участковым на улицу и зажмурился от яркого света.

— Закурим, что ли? — сказал он лейтенанту, —

Так курить захотелось — спасу нет. — Он достал сигареты, протянул участковому. Тот начал было нерешительно:

— Да я, товарищ подполковник... — но тут же протянулся к пачке.

— Что? Еще не научился? — усмехнулся Корнилов и отдернул пачку. — И не тянись. Не поддавайся, не давай слабину. А то мало ли еще какой начальник приедет — пить научит...

Участковый смутился и стоял, не зная, что сказать.

— Счастливый ты человек, Василий, — сказал Корнилов, глубоко затягиваясь. — Если можешь, держись. Ну что, к кому теперь в гости? — И, улыбнувшись, подмигнул. Участковый тоже улыбнулся. Улыбка у него была добрая, чуть застенчивая.

— Так пойдем к старику Байбикову, товарищ подполковник. Он не мене, чем старуха, знает...

Корнилов засмеялся:

— Ну что, Василий Васильевич, считаешь, что и древних старух бывает полезно послушать? А?

Участковый смущенно развел руками.

Они тихонько пошли по дороге, махнув шоферу, начавшему заводить мотор, чтобы ждал. Накатанная санными дорогами слегка поскрипывала под ногами. Воробьи трепали клочки сена — видать, недавно перевозили с поля стога. Корнилов шел и думал про винтовку, о которой рассказала Надежда Григорьевна, и о лесниковом друге, франтоватом, в мохнатой рыжей шапке. Убитый лыжник был тоже в рыжей шапке...

— Товарищ подполковник, сюда, — дотронулся участковый до руки Корнилова. — Пришли.

Они остановились у небольшого красивого дома, окрашенного яркой красно-коричневой краской, с белыми вычурными наличниками. К дому вела узенькая — двоим не разойтись — тропка. «И здесь не густо с населением», — подумал Корнилов и остановился, разглядывая старую лыжню, перечеркнутую крестнакрест садик перед домом. В ярких лучах солнца лыжня проступала отчетливо и зримо, словно на фотобумаге, опущенной в проявитель. А ведь густой пушистый снег, валивший всю прошлую ночь, толстым слоем запорошил ее. «Солнце низкое, тень дает на малейшей неровности, — подумал Корнилов. — Старые следы всегда проступают в яркую солнечную погоду.

А что, если на то место, где лыжника убили, посмотреть сверху? С вертолета? Охватить взглядом всю поляну?..»

— Товарищ подполковник...

— Сейчас, лейтенант, сейчас! — Корнилов обернулся, взглянул из-под руки на солнце. Оно было предательски низко. Но стрелки часов еще только приближались к двенадцати.

— Василек, когда нынче солнце заходит?

Участковый растерянно пожал плечами.

— Эх ты, голова садовая! — усмехнулся Корнилов.

— В пять уже темки, товарищ подполковник, — сказал лейтенант.

«А если с высоты не просто взглянуть, а провести аэрофотосъемку? — думал Корнилов. — Все следы проступят. Ведь там, где след, снег уплотненный. Надо с экспертом посоветоваться. Должны же быть следы, черт возьми!»

— Знаешь что, Василий, — сказал он. — Ты иди один, а я поеду в Лугу... Надо мне туда срочно.

— А как же розыск? — недоуменно посмотрел на Корнилова участковый. На лице его отразилось разочарование, словно у мальчишки, которого в самую решительную минуту покинул товарищ.

— Ты и сам все сделаешь в лучшем виде. Помни только о главном: у кого есть друзья, родные в Ленинграде? К кому могли бы приехать или приезжали в эти дни? И осторожно расспроси о том, кто бывает у егеря, у лесника. Но осторожно! Понял? — Корнилов на секунду задумался. — Поговори с ними о том, о сем. Не ждали ли кого. Ружьишко увидишь на стене — спроси, зарегистрировано ли. Нет ли еще оружия. Будь с людьми попроще, не выпрашивай, а разговоры говори... И не торопись, а то потом больше времени потеряем. Вон одна только Надежда Григорьевна сколько полезных вещей нам с тобой наговорила!

Участковый согласно кивал головой. Этот немолодой, хмуроватый подполковник все больше и больше нравился ему, и лейтенанту было жалко, что Корнилов уезжает в Лугу, а не пойдет вместе с ним по другим деревенским избам.

— Машина, Василий Васильевич, за тобой часика через три вернется.

Всю дорогу от Владычкина до Луги Корнилову казалось, что машина еле двигается, и он уговаривал Углева поднажать.

— Да вы что, Игорь Васильевич, не чувствуете, что юзом то и дело прем? Хотите быстро ездить — хлопчите у Набережных шипованную резину. (Майор Набережных был начальником хозяйственного управления.) Нормально никто ездить не хочет, — ворчал Углев. — Всегда горит, всегда пожар. А ты хоть пропади! — Углев вдруг обернулся к Корнилову и сказал: — А я, товарищ начальник, должен теперь себя беречь. Женюсь первого марта.

— Поздравляю, — улыбнулся Корнилов. — Женисься, придется тебя на продуктовую машину перевозить.

— Ну уж, — обиженно протянул шофер. — Рано еще Сашу Углева в обоз списывать! — и дал такого газу, что Корнилов вцепился в поручень и сказал:

— Хороший ты водитель, Саша, да с норовом. И поворчать любишь...

Белозеров, увидев подполковника входящим в кабинет, вскочил, глядя на него во все глаза, и изумленно сдвинул брови.

— Вопросы потом, — подняв ладонь, сказал Корнилов, на ходу сбрасывая пальто и шапку. — Пошли машину во Владычкино за участковым. И срочно поручи кому-нибудь выяснить, есть ли у вас в Луге вертолеты или «кукурузники», приспособленные к аэрофотосъемке.

— К аэрофотосъемке? — еще больше удивляясь, переспросил Белозеров.

— Давай, давай! И если есть, пусть попросят разрешения подняться и сфотографировать район Владычкина. А меня срочно соедините с Гатчиной, Финогеновым. А потом с Ленинградом. С нашим управлением.

Сначала дали Гатчину. Когда Корнилов, переговорив с начальником уголовного розыска гатчинского райотдела Финогеновым, положил телефонную трубку и с наслаждением закурил, вернулся капитан, выходявший распорядиться насчет машины для участкового и вертолета.

— Товарищ подполковник, машину за участковым послал, про авиацию сейчас доложат. Заму поручил связаться... — Потом он сел напротив Корнилова и молча уставился на него, всем своим видом он давал понять, что ему не терпится узнать, почему Корнилов так скоро вернулся из Владычкина и зачем ему понадобилась вдруг авиация. Но подполковник не торопился с новостями и только спросил его:

— Из управления не звонили?

— Бугаев звонил. Просил сказать, что один автобусный билет — свежий, за 13 января. С десятого маршрута. Они пытаются установить, не пропал ли где-нибудь в районе следования «десятки» человек... — Белозеров неодобрительно хмыкнул. — Ищут иголку в стоге сена!..

— Что ж, по-твоему, сложа руки сидеть? — недовольно произнес Корнилов. — Может, ты новостями порадуешь?

Белозеров поскуцнел:

— Ничего нового, товарищ подполковник. Санпан твердит одно и то же. Пистолет, говорит, продал кузнецу из Пехенца.

— Не густо, — вздохнул Корнилов. — А про винтовку он ничего не говорил?

Белозеров встрепенулся:

— Про винтовку? Нет, ничего. А что, нашли?

— Ничего не нашли, — махнул рукой Корнилов. — Просто одна старуха рассказывала, что много лет назад у старого лесника винтовку с оптическим прицелом видела.

— Участковый там про эти винтовки все знает, — успокаиваясь, сказал начальник уголовного розыска. — А вы чего же так рано вернулись, Игорь Васильевич? Случилось чего?

Корнилов хотел ответить, но в это время как сумасшедший зазвонил телефон — дали управление.

— Соедините меня с Васильчиковым из НТО, — попросил Корнилов у телефонистки.

Васильчиков отозвался сразу же. Телефон почему-то всегда искажал до неузнаваемости голос эксперта, и трудно было отделаться от чувства, что с тобой разговаривает женщина с грудным контральто. В управлении смеялись над Васильчиковым: «Телефон обнажает твою истинную суть». А на самом деле голос у

Васильчикова был низкий, с басовыми нотками, и в самом эксперте, крупном, чуточку неуклюжем, не было ничего женственного.

— Марлен Александрович, срочно нуждаюсь в твоей консультации.

— Это ты, сыщик? — спросил Васильчиков. Он всегда так звал Корнилова. — Мог бы и зайти.

— Я из Луги, — сказал Корнилов. — Дело срочное, слушай внимательно. Можно ли с помощью фотоаппаратуры снять на снегу старые следы?

— Что значит старые? — удивился Васильчиков.

— Ну не очень старые... Вчерашняя лыжня. Потом был снег, и ее замело, но ведь снег под лыжами уплотнился, понимаешь? Плотности-то разные!

— Так-так-так, — быстро пропел Васильчиков.

Корнилов искоса взглянул на Белозерова. Тот, видать, все понял и, весь подавшись к телефону, с напряжением ждал окончания разговора.

— Вы же восстанавливаете выбитые на машине, а потом спиленные номера по принципу изменения структуры металла, разной его плотности. И здесь так же, — сказал Корнилов. — Разная структура снега.

— Так же, так же! — недовольно проворчал Васильчиков. — Ты же не повезешь ко мне в лабораторию свой прошлогодний снег со следами. А я, естественно, не повезу к тебе свою стационарную аппаратуру.

— А что, нет какого-нибудь простого способа? — с надеждой спросил Корнилов и заговорил настойчиво и увлеченно: — Ты понимаешь, Марлен, этот старый след я и так увижу. Если смотреть против низкого солнца, он всегда проступает слабой тенью, но мне его сфотографировать надо. Понимаешь? Сфотографировать!

— Чего-то интересное говоришь, — отозвался Васильчиков. — Но пока не соображу... Таких экспериментов мы еще не проводили. В космическом масштабе.

— Эх ты! — подсадовал Корнилов. — Тугодум. Попробую без тебя обойтись.

— Попробуй обойтись без меня, но с поляризационным фильтром, — сказал Васильчиков.

Корнилов положил трубку, но телефон тут же звонил снова. Уже докладывал Финогенов из Гатчи-

ны: Григорий Иванович Мокригин, главный бухгалтер лесхоза, жив-здоров. В данный момент у себя на работе. Одинок. Живет на Пролетарской улице.

— А что еще интересует? — спросил Финогенов.

— Жив-здоров, значит? — переспросил Корнилов. — Это, собственно, и хотел узнать... — Он помедлил немного в раздумье и увидел, как дверь кабинета растворилась и вошел Селуянов, заместитель Белозерова. Заметив, что подполковник разговаривает по телефону, Селуянов на цыпочках прошел через кабинет, сел рядом с Белозеровым и что-то зашептал ему на ухо.

«Договорился он с авиацией или нет?» — с тревогой подумал Корнилов и сказал Финогенову:

— Ну все. Спасибо. — Положив трубку, Корнилов обернулся к Селуянову: — Как авиация?

— Все в порядке, товарищ подполковник, прогревают моторы, — сказал тот, широко улыбаясь. — Насилу отыскиали с аппаратурой. У землеустроителей. «Кукурузник». А вертолетов нет.

— Летим, летим, — весело пробормотал Игорь Васильевич и схватился за пальто.

Белозеров тоже вскочил со стула, с удовлетворением потирая руки. Глаза его блестели.

— Это вы здорово про самолет! — гудел он. — Я опытный лыжник! Не раз замечал, что старая лыжня сквозь порошу темнеет. Если против солнышка глядеть. А ближе к весне, чуть солнышко пригреет, все старые лыжни проступят, словно паутиной снег затянули.

— Давай, «опытный лыжник», поворачивайся! — поторопил его Корнилов. — Не то солнышко тютю. И лыжня тютю!

Они радовались как дети, перебрасывались шуточками, пока одевались. Селуянов смотрел на них с недоумением. Он не слышал разговора Корнилова с экспертом и никак не мог понять, зачем подполковнику понадобился вдруг самолет.

— Витя, оставайся в отделе за старшего, — сказал Белозеров Селуянову, который так ничего и не понял. — Распоряжайся тут. Мы скоро.

На заснеженном поле стояли в ряд зеленые Ан-2 с большими баками по бортам. Один, без баков, какой-то ффрантоватый, может, из-за того, что окраска у него

была не густо-зеленая, а блекло-голубая, расположился поодаль. Пропеллер у него бешено крутился, вздымая облако искрящихся на солнце снежинок. Корнилов вылез из машины. За ним, побряхтывая, выбрался Белозеров. Из небольшого вагончика, в каких обычно живут строители, только полосатого, спустился по лесенке мужчина и неспешно пошел им навстречу. Видно, заметил машину из окошка. Подойдя, спросил:

— Вы из милиции?

— Из милиции, из милиции, — нетерпеливо проговорил Белозеров, постукивая ботинком о ботинок, — Скоро полетим?

Мужчина улыбнулся:

— Сейчас и полетим. Мотор, как видите, уже запущен. — Он протянул руку: — Разрешите представиться. Главный инженер землеустроительной экспедиции Спиридонов Иван Степанович.

Лицо у Спиридонова, широкоскулое, с редкими волосинками на подбородке, было покрыто красноватым деревенским загаром. А его глаза-щелочки из-под сильно прищуренных век смотрели с такой веселой хитрецой, что Корнилову вдруг захотелось подмигнуть инженеру.

— Погоня? — спросил Спиридонов, когда они пошли к самолету. И, не дождавшись ответа, спросил снова: — А зачем съемочная аппаратура?

— Нам следы сфотографировать нужно, — ответил Корнилов. — Следы на снегу.

— Где снег, там и след, — многозначительно усмехнулся Спиридонов. — Аппаратура у нас, правда, для других целей... Но попробуем.

— Товарищ Спиридонов, а поляризационный фильтр у вас есть?

— А как же, найдется.

— А снимать вы будете? — с сомнением спросил Белозеров.

— Мы будем снимать, — спокойно ответил Спиридонов. — Какие еще вопросы? — И опять так хитро сощурился, что Корнилов чуть не рассмеялся.

— Далеко лететь-то? — поинтересовался главный инженер. Он шел не торопясь, то и дело оглядываясь то на Корнилова, то на Белозерова, будто хотел их лучше рассмотреть и запомнить.

— Да недалеко. На Мшинскую. Только поскорей, поскорей. Какие, к лешему, в потемках следы, если промешкаем?

— И-и, на Мшинскую! — разочарованно протянул Спиридонов. — Я думал, куда подальше.

В салоне самолета молоденький механик что-то оживленно обсуждал с пилотом, тоже молодым, с небольшой черной бородкой и усами.

— Ераксин, все готово? — крикнул Спиридонов.

— Все в ажуре, — механик поднял ладонь. — Ладно, Игорь, вернешься, обсудим, — сказал он пилоту и, с интересом оглядев пассажиров, важно прошествовал к дверям.

— На Мшинскую, борода! — крикнул Спиридонов пилоту. — Там съемку делать будем.

Белозеров достал из кармана помятую карту и стал было раскладывать, но пилот вытащил из планшета свою, большую. Сунул ему карандаш, спросил:

— Найдете?

— Найду! — буркнул тот и, отыскав Владычкино, обвел на карте небольшой кружок.

Через несколько минут самолет резко дернулся, помчался по полю, жестко подскочив на ухабах, оторвался от земли и, слегка покачиваясь, пошел над домами. Корнилов с интересом смотрел в иллюминатор. Тень от самолета все время бежала впереди, словно лощман, указывающий путь.

— Нам лету минут десять, — сказал Спиридонов, чего-то подкручивая в своей аппаратуре. — Вы места-то хорошо знаете?

— Знаем места, — весело ответил Белозеров, тоже прилипший к иллюминатору. И вдруг пропел красивым, сочным баритоном:

Не белы снега во поле
Забелилися...

— Вы, капитан, на гитаре, часом, не играете? — спросил Корнилов.

— Играю, — добродушно ответил Белозеров. — Я, товарищ подполковник, играю и пою. В День милиции в концертах выступаю.

Спиридонов кончил копать в приборах и пересел поближе к Корнилову. Разговор на отвлеченную тему, видать, не устраивал главного инженера, и он, поблес-

кивая своими хитрющими глазами и сощурившись, спросил:

— Чьи следы снимать-то будем? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Это я к тому, что аппаратуру приготовить надо. Сейчас ведь прилетим.

Корнилов объяснил ему и снова уткнулся в иллюминатор.

Они летели совсем низко. Слева черной линией прорезала лес железная дорога. Было видно, как притормаживала у желтого станционного домика электричка. Чуть поодаль от станции стояла небольшая деревенька. Из труб подымался дым, отбрасывая длинные тени. Деревня исчезла позади, и вдруг из зарослей выскочили три лося. Самолет промчался над ними, лоси сразу остановились. Один из них лег.

— Вон озеро Вялье! — крикнул Спиридонов и показал рукой направо.

Огромное, вытянутое на много километров, заснеженное поле, отороченное сосновым мелкоколесьем, растянулось внизу. В одном месте, самом узком, на льду темнело несколько черных точек. Корнилов не сразу сообразил, что это рыбаки.

— Велика Федора, да дура, — проворчал Спиридонов. — Вот только там, где рыбаки, и глыбко. А болота вокруг... — Он хотел сказать еще что-то нелестное об озере, но в это время Белозеров, оторвавшись от иллюминатора, крикнул:

— Владычкино! Давайте снижаться.

Самолет низко-низко пронесся над деревней. Корнилов разглядел дом, в котором брали Санпана. Он стоял чуть на отлете. Описывая большой полукруг от деревни, шла полем дорога и скрывалась в густом еловом лесу. И тропинка, ведущая на станцию, была видна. Теперь сразу стало понятно, почему деревенские упрямо торили в снегу эту тропинку, а не ходили по дороге, — тропинка была намного короче. Корнилов вдруг подумал о том, что хорошо бы найти такую точку, такую гору, с которой тебе было бы видно, как идти в жизни самым коротким, самым правильным путем...

Вот здесь, где тропинка ныряла в лес, и был убит позавчера лыжник. Какая-то женщина, закутанная в черный платок, шла по тропинке в сторону деревни.

— Ну, что снимать-то? — нетерпеливо спросил Спиридонов.

— Сделаем еще круг, зайдем против солнца, — попросил Корнилов. Он вошел в кабину пилота и, стоя за его спиной, внимательно вглядывался в заснеженные поля. — Пройдем правее этой тропинки. Видите? Вот идет от деревни.

Пилот кивнул головой.

Самолет сделал крутой вираж и полетел, чуть не задевая за маковки елок, снова к тому месту, где тропинка выныривала из лесу.

— Начинайте съемку! — крикнул Игорь Васильевич, обернувшись к Спиридонову. Инженер кивнул.

В том месте, где нашли убитого лыжника, весь снег был истоптан, словно там танцы устраивали. Были заметны и стежки следов на расстоянии метров двухсот — двухсот пятидесяти от тропы. Следы эти описывали огромную дугу и возвращались к месту происшествия. Корнилов догадался, что это прошли они с участковым. Ничего они тогда не заметили, только свежий пушистый снег... И вдруг рядом с этой стежкой Корнилов увидел лыжню. Нет, он не увидел ее, а скорее угадал, что эта легкая голубоватая полоска, похожая скорее на тень от проводов, и есть припорошенная свежим снегом лыжня.

— Капитан! — крикнул Игорь Васильевич, призывно махнув рукой. Белозеров стал рядом с ним. Впился глазами в снежное поле.

— Видите?

— Вижу. А вот на горке натоптано. И след обрывается. Удобное место!

Корнилов проследил за ниткой лыжни. Она и впрямь обрывалась на горке, среди кустов. Здесь лыжник, наверное, стоял долго, а может быть, и лежал...

Но все это они видели лишь считанные секунды, самолет пронесся над горкой, и вот уже мелькнула внизу деревня.

— Еще кружок! — попросил Корнилов. «Вот оно, — заволновался он, — человек пришел на горку и там остановился. Там, может быть, лежал, ожидая, когда из леса выйдет по тропинке лыжник. Из винтовки достать — плевое дело...»

Теперь уже пилот вывел машину прямо на Орелью Гриву. Лыжня уходила с горки в кусты, потерялась

там, но потом появилась вновь, пересекая большую поляну. И снова пропала в густом лесу. Игорь Васильевич огорченно чертыхнулся, но снова увидел лыжню в редколесье. Белозеров вдруг подтолкнул его легонько в бок и сказал пилоту:

— К домику!

Впереди, на большой поляне, стоял бревенчатый дом. Вид у него был нежилой. Может быть, из-за того, что не вился дым из трубы? Но от дома вела тропинка, убегала сквозь лес в сторону деревни.

— Кордон Замостье, — крикнул пилот.

Это был дом лесника Зотова. Лес стал пореже, и Корнилов увидел припорошенную лыжню, а рядом с нею еще одну, совсем свежую. Поляну перед домом пересекал еще один, новый след.

— Н-да, — разочарованно проворчал Белозеров. — Следов-то здесь хватает.

— А ты что ж, думал, лесник в лес не ходит? — спросил Корнилов. — Но главное-то мы узнали — след с Орельей Гривы идет по направлению к дому лесника. Заметил? А остальные следы свежие. Сегодняшние. Неужели не отличишь?

Капитан с сомнением хмыкнул.

— Не хмыкай, завтра с утра поедешь с группой в этот район. Пошлешь кого-нибудь по следу. Разберемся досконально. Где наша не пропадала! — И сказал пилоту: — Летим в Лугу!

Усевшись на скамейку, он спросил Спиридонова:

— Как вы думаете, будет замечен этот старый след на снимке?

Спиридонов расплылся весь в хитрющей улыбке.

— С поляризационным фильтром, может, и получится. Да ведь постараемся. Наверное, дело серьезное?

Ему все-таки очень хотелось узнать подробности.

— Человека здесь убили, — сказал Игорь Васильевич. — Ночью был снег, следы замело. Вот решили попробовать с самолета снять...

— А если бы самолета не оказалось? — поинтересовался Спиридонов.

— Пешочком пришлось бы каждый сугроб ощупывать, — ответил Корнилов. — Времени бы убили много...

И подумал: «Надо там поискать гильзы. Хотя, наверное, и нету их. Не оставил стрелок гильзы. Не за-

был прихватить с собой. Но проверить нужно...» Он сказал об этом Белозерову. Тот кивнул:

— Любопытный след, товарищ подполковник. Ох любопытный! Изучим его вдоль и поперек, обнюхаем...

— Шутки шутками, — сказал Корнилов, — а вы постарайтесь найти такой участок, где след свежим снегом не запорошило. Где-нибудь под елками... И знаешь еще что, Александр Григорьевич, завтра с утра проведите там на месте эксперимент. Определите, можно ли увидеть с этой горушки стоящего на тропинке человека? Ну и главное — положение трупа ведь зафиксировано?

— Да. Я же показывал вам фотографии, — насторожившись, сказал Белозеров.

— Восстановите позу убитого, определите направление выстрела. Удивляюсь, почему только сразу это не сделали?

Капитан виновато вздохнул и с опаской оглянулся на Спиридонова, который сидел, наострив уши, словно лис у мышиной норы.

— Если сойдется все на Орельей Гриве, — задумчиво сказал Корнилов, — имеем шанс.

Он замолчал и стал смотреть в иллюминатор. Уже совсем стемнело. Кое-где мерцали голубоватые холодные огоньки, в одном месте горел большой костер. Наверное, жгли на лесной делянке сучья — языки пламени взвивались высоко вверх.

«Вот ведь как случается, — думал он. — Обычно чем быстрее поспел на место, тем больше шансов обнаружить следы. Свеженькие, первозданные. Тут же в первый день из-за пасмурной погоды намек на следы от лыж не было видно. А прошло время — солнышко эту лыжню и высветило».

6

Около семи вечера вся группа собралась в кабинете начальника угро. Корнилов разложил на столе еще чуточку сыроватые фотографии. Спиридонов, видать, специально передержал их в проявителе, и снимки получились очень контрастные.

Следователь прокуратуры, ведущий дело, сидел напротив Корнилова, пытаясь придать лицу безучастное выражение. Но это у него плохо получалось. Под-

полковник краешком глаза видел, как время от времени Каликов исподтишка разглядывал его и бросал любопытные взгляды на фотографии, пока непонятные ему. «Неопытный еще парень, — подумал Корнилов, — со своими, лужскими, знает, как себя держать, а тут ленинградское начальство пожаловало. Хоть и чужое, а начальство».

Участковый примостился на стуле у батареи, все время грел руки, наверное, промерз, пока ходил к егерю и к леснику.

— Давайте начнем, — сказал Корнилов. — Обменяемся новой информацией. Только коротко. У вас нет возражений, товарищ Каликов? — обернулся он к следователю. Тот кивнул головой. — Юрий Евгеньевич, начни ты!

Белянчиков вытащил из нагрудного кармашка крошечный кусочек бумаги и положил перед собой.

— Я еще раз осмотрел убитого, его одежду. Убитый, по-видимому, художник. Мне показались странными его ногти — как будто цветная грязь под ними... В лаборатории исследовали, говорят: краска. Гуашь. А в кармане я нашел вот это... — Белянчиков вытянул из кармана целлофановый пакетик, в котором лежал маленький красный осколок, похожий на осколок школьного мелка, только потоньше. Участковый поднялся со своего стула, пытаясь через голову Юрия Евгеньевича разглядеть, что там он выложил на стол.

— Василь Василич, — сказал Корнилов, — подгребай к столу, а то шею свернешь.

Рыскалов покраснел и, неловко громыхнув стулом, пересел к столу. Следователь тоже смотрел на пакет, уже не скрывая любопытства.

— Это сангина, — невозмутимо продолжал Белянчиков. — Кроме как у художников, ее вряд ли у кого найдешь. Я тут проконсультировался с одним здешним живописцем... Это сангина французская. Очень хорошего качества. У нас только через Худфонд ее распределяют. — Он сделал паузу и сказал сердито: — Если бы огрызок сангины нашли вчера утром, мы сегодня уже знали бы имя убитого.

Корнилов посмотрел на Белозерова. У того уши сделались пунцовыми, а следователь заерзал на стуле.

— Я передал в управление, чтобы выяснили в Сою-

зе художников, у кого могла быть французская сангина... Звонил еще раз Бугаев. Сообщил, что по номеру билета определили не только маршрут, но и приблизительное место, где художник садился в автобус. Это на Петроградской. Между улицей Попова и Введенской. Да, и вот еще что: крепление на одной из лыж сломано. Скорее всего, что часть дороги лыжи на этом художнике ехали, а не он на них... У меня все, — закончил Белянчиков и, насупившись, устался на следователя своими немигающими глазами.

— Есть вопросы к капитану? — спросил Корнилов. Все молчали, и только участковый поднял было, как школьник, руку и тут же отдернул. Видно, хотел что-то спросить, да застеснялся.

— Что дал дополнительный опрос на станции? — нарушил тишину Белозеров.

— Ничего нового. С пятнадцатичасового поезда в сторону Владычкина пошли двое. Один с лыжами, другой без. Дежурный по станции говорит, что мог бы опознать человека, шедшего без лыж. Установить людей, которые приехали этой же электричкой, пока не удалось.

— Очень важно, что дежурный сможет опознать пассажира, — сказал Корнилов.

— Некого только предъявить ему на опознание... — невесело ответил Белянчиков.

— Скажите, а вы оформили процессуально найденные вещественные доказательства? — поинтересовался следователь.

Корнилов видел, как заиграли на скулах у Белянчикова желваки, и почувствовал, что запахло порохом.

— Ну а как же, товарищ Каликов, — сказал он примирительно. — Об этом даже и говорить не стоит...

Белянчиков, усмехнувшись, глянул на Корнилова и покачал головой.

— Василий Васильевич, а что дал ваш поход?

Участковый хотел встать, но Корнилов остановил его:

— Сидите, сидите.

— Товарищ подполковник, егерь Вадим Аркадьич утверждает, что у лесника наверняка винтовка есть, — торопясь, начал участковый. — На Николу он лося свалил...

— Ты давай поточней, — сердито сказал Белозеров, — числа называй. А то «на Николу»!

— Девятнадцатого декабря, — поправился участковый. — Только егерь сам винтовку не видел, а нашел лося. Уже освежеванного. По ране определил — из винтовки стреляли. И женка егерева подтверждает — она рану видела.

Все засмеялись.

— Ну раз женка видела, тогда дело в шляпе, — сказал Белянчиков. — А почему он думает, что это лесникова работа?

— Следы, товарищ капитан. К самому кордону. Лесниковы, говорит, широкие лыжи.

— Акт составил? — строго спросил следователь.

— Не составил, — тихо сказал участковый, будто сам и был виноват в том, что акт не составлен. — Пожалел он его. По-соседски, видать.

Следователь, недовольно покрутив головой, легонько стукнул ладонью по столу. Получилось это у него немного картинно, наигранно. Он и сам, видать, почувствовал это, смутился.

— Ты у лесника был? — тревожась, спросил Корнилов.

— Был, товарищ подполковник. Только он, наверное, выехатчи. Запертый дом. Одна собака в сенях вует.

— Интересно, интересно, — глубокомысленно произнес Белозеров и посмотрел на подполковника.

— Молодец, участковый, — похвалил Корнилов и спросил у Белозерова: — У вас, Александр Григорьевич, по версии «Санпан» есть что-нибудь новенькое?

— Есть, Игорь Васильевич, — ответил начальник уголовного розыска. — Наши только что произвели еще один обыск у кузнеца Левашова. Жена показала, где у него спрятан пистолет. В бочке с капустой держал, товарищ подполковник. Закатал в полиэтилен. Придется дело заводить!

— Экспертизу уже провели, — сказал следователь. — Из пистолета очень давно не стреляли. Мое мнение: версия «Санпан» отпадает. Многие люди подтвердили, что в день убийства Полевой был в Пехенце, напился до бесчувствия и на попутке отвезен домой...

— Что касается охотников, — продолжал Белозеров, — то и эта версия отпадает. По оперативным данным, за последнюю неделю не было в том районе охотников. И местные мужички на охоту не выходили...

Корнилов слушал Белозерова и невольно сравнивал его с Белянчиковым. Вместе учились, наверное, одногодки, а как небо и земля. Юрий Евгеньевич подтянутый, сосредоточенный, в черных волосах ни одного седого волоска. Вот только угрюмоват. А Белозеров располнел, чуточку обрюзг, голова совсем седая... Говорит — руками машет, словно мельница. Да и следы неряшливости заметны. Нет, что ни говори, работа в большом, слаженном аппарате заставляет человека следить за собой, подтягивает. Хотя работник Александр Григорьевич и хороший, но уж какой-то очень домашний. А может быть, это и неплохо, что не сухарь?

Когда Корнилов, раздав каждому из присутствующих по фотографии, сделанной Спиридоновым, рассказал о своих предположениях, в кабинете стало совсем тихо.

— Неужели заметенная снегом лыжня так хорошо видна? — удивился следователь Каликов, первым нарушив молчание.

— Не так уж и хорошо, — сказал Корнилов. — Но разглядеть можно.

— Да, похоже, что к леснику один след ведет, — со вздохом произнес участковый. — Значит, он. А ведь все говорят, хороший мужик. Я вот беседовал...

— Да, это уже кое-что значит! — прервал его Корнилов. — Версия, пожалуй, самая перспективная. Завтра утром надо пойти по следу и провести следственный эксперимент на месте убийства. И взять разрешение на обыск и задержание лесника. Если он появится. Ну, это уже ваше дело. Справитесь теперь без нас. А мы с Юрием Евгеньевичем поедem в Ленинград. — Он посмотрел на Белянчикова.

Тот оживился:

— Конечно, поедem. Ехали-то на день, а сидим вторые сутки!

Несмотря на настойчивые уговоры Белозерова, Корнилов отказался даже поужинать.

— Нет, нет, не уговаривай, — сказал он начальнику розыска, когда они спускались по лестнице к выходу

ду, — я устал, спать хочу. А ужинать и вам, капитан, не советую. Будете стройным, как кедр ливанский...

— А я думал, вы дожждетесь результатов, — уныло пробормотал Белозеров.

— Сами не маленькие, — усмехнулся Корнилов. — Дело-то сделано! Чего же нам тут торчать? Мне шеф до утра срок дал. — И вдруг неожиданно вспылil: — Хватит! Ты что же, считаешь, что мы двужилые? — Он перевел дыхание и сказал уже тихо, с укором: — Ты меня спроси, сколько вечеров за последние два месяца я дома провел? Да не больше десяти... — Корнилов хотел еще сказать, что книги ему приходится читать по ночам, но сдержался. «Белозеров-то тут при чем? — подумал он. — Сам небось минуты свободной не имеет».

Белозеров шел за Корниловым понурый, лицо у него было расстроенное.

«Чего это разошелся шеф, — думал Белянчиков, — нервы сдавать стали, что ли?» Таким раздраженным он видел Корнилова редко.

Они уже вышли на улицу, к машине, когда Белозеров робко попросил:

— Вы, может быть, участкового подбросите до Мшинской? Электричка не скоро...

— Пусть едет! — махнул рукой Корнилов.

Он с Белянчиковым сел на заднее сиденье, посадив участкового рядом с Углевым. Белянчиков сразу как-то съежился в своем углу, поднял воротник дубленки и через несколько минут стал похрапывать. А Корнилов и хотел заснуть, да никак не мог. Его всегда одолевало такое чувство, что стоит ему закрыть в машине глаза, задремать, как сразу что-нибудь случится, произойдет авария, катастрофа. И как бы он ни хотел спать, пере-силить себя и заснуть никак не мог.

«Зря я распалился, — пожалел он. — Обидится Белозеров теперь!»

Им овладела вдруг апатия, безразличие ко всему на свете — и к тому, чем он занимался здесь, в Луге, двое суток, и к лыжне, которую он отыскал. «Ну и что? Очередное дело, — думал он. — Сколько их было! И сколько будет. А все одно и то же, одно и то же. Мельтешишься, суетишься, а годы идут, и на свете столько всего интересного, но не для тебя. Все мимо, мимо. Грубеть я стал, явно грубеть. Вбили себе в голову, что

стараемся дни и ночи для людей, а ведь и сами мы люди. Себя забываем, для себя не стараемся. А для кого мы старались эти двое суток? Для кого? Для убитого художника, которого даже, как звать, не знаем? Ему ведь уже все равно».

Потом Корнилов вспомнил о том, что ему предстоит еще неприятное дело — писать отзыв на одну диссертацию. Диссертация слабая. Повторение старых прописных истин. Чего стоит хотя бы эта врезавшаяся в память фраза: «Совершая преступление, преступник во многих случаях старается согласовать свои действия с конкретной обстановкой». Да ведь это каждому известно еще со студенческой скамьи! Зачем же толочь воду в ступе, ради чего выдавать банальность за открытие? Ради прибавки в жалованье? За такие диссертации надо бы лишать права заниматься научной работой! Но шеф просил поддержать. Он официальный оппонент, неудобно устраивать погром. Придется писателю уклончиво, хитрить.

— Товарищ подполковник, — вдруг тихо сказал участковый, нарушив его невеселые мысли. — А почему вы так поспешили уехать из Владычкина? После разговора со старухой Кашиной?

Корнилов вздохнул, ему не хотелось ничего вспоминать, вообще не хотелось говорить, но в голосе участкового была такая искренняя заинтересованность, что он не смог промолчать.

— Она, лейтенант, про лесникова дружка говорила, помнишь? Видный, говорит, мужчина в большой рыжей шапке. Я и вспомнил — убитый тоже был в большой шапке. Фигуристый... Решил позвонить, проверить...

— Понятно, — сказал участковый. — А нас в школе учили, что надо все последовательно делать. Проверять все версии.

— Правильно вас учили. Только надо еще вовремя за самую перспективную ухватиться. А то увязнешь в этих версиях, как в сугробе... А тебя одного я решил оставить, когда заметил на снегу против солнца старую лыжню. «Попытаю, — подумал, — счастья». И видишь — повезло. Да ты, лейтенант, и без меня прекрасно справился. Про карабин — бесценные сведения. Тебе в уголовный розыск надо переходить.

— Ну уж! — смущенно пробормотал участковый

и спохватился: — Надо бы остановиться. Мне выходить.

Тут только Корнилов заметил, что они, проскочив центр Мшинской, едут уже по окраине.

— Ты чего же не сказал, что приехали? — удивился он. — Саша, давай развернемся, подбросим лейтенанта до центра.

— Да что вы, что вы! — запротестовал участковый. — Мне тут десять минут. До свидания, товарищи!

Корнилов протянул ему руку.

— Будь здоров, Василий! Научись еще со старухами говорить, буду в угрозыск рекомендовать.

— Чего таким сосункам в розыске делать? — проворчал Углев, когда они тронулись дальше. — Пускай тут самогонщиц гоняет.

Корнилов усмехнулся, но промолчал. Ему лень было разговаривать, объяснять. Хотелось ехать, ехать бесконечно, смотреть по сторонам на заснеженный лес, на редкие, плохо освещенные деревеньки и не думать ни о чем.

7

На следующий день утром, просматривая у себя в кабинете оперативную сводку происшествий за день, Корнилов подумал о том, что же скажет лесник, когда к нему нагрянут Каликов с Белозеровым. Сам ли он стрелял или кто-то пришлый, какой-нибудь гость или охотник, вышел с кордона, чтобы всадить пулю в лыжника? Значит, ждали этого человека. С трехчасового поезда ждали.

Все время звонил телефон. «Два дня не посидел в управлении — сразу всем понадобился!» Из горнонапоминали, что через пять дней его доклад перед директорами школ о профилактике преступности. Девушка из общества «Знание» просила выступить с лекцией на заводе имени Ломоносова. Позвонил Белянчиков. Доложил, что находится в Худфонде, пытается узнать, кто мог купить через магазин Худфонда французскую сангину.

— Ты очень-то не надейся, — сказал ему Корнилов. — Если у них такое же снабжение, как и везде, то дефицитные краски и сангину скорее всего у спекулянтов достают.

Потом позвонил Грановский, главный режиссер театра «Балтика». Просил завтра прийти на репетицию. Он ставил пьесу «Полночный вызов» по роману Сорокина «Бармен из «Астории». Пьеса об уголовном розыске, и Корнилова пригласили консультантом. Да какое там пригласили! Грановский просил начальника управления порекомендовать опытного сотрудника, и Владимир Степанович назвал Корнилова.

— Дружочек, — позвонил Игорю Васильевичу месяца полтора тому назад режиссер, — вы назначены ко мне консультантом. Репетиции начнутся через неделю. Будьте добреньки полистать пьесу...

Игорь Васильевич слегка опешил от такого напора и от «дружочка», но сказал твердо:

— Увы, Александр Кириллович, пьесу полистать не смогу, уголовные дела листаю. Кого-нибудь другого поищите. И рад бы в рай...

— Ну-ну, — только и произнес Грановский и повесил трубку.

«А в общем-то было бы интересно побывать на репетициях, познакомиться с театральной кухней, — с некоторым даже сожалением подумал Корнилов. — Но время, время...»

Однако прошло не больше пяти минут, и загудел прямой телефон начальника управления.

— Товарищ подполковник, — сказал Владимир Степанович, — вы что же меня подводите? Я вас любителем Мельпомены представил, а вы известному режиссеру от ворот поворот?

— Товарищ генерал, со временем туго... — начал было Корнилов, но Владимир Степанович перебил его:

— У нас в управлении бездельников нет, со временем у всех туго. Беритесь за дело. Я давно хочу с театрами дружбу завести. Пусть побольше спектаклей про милицию ставят.

Корнилов еще не успел положить телефонную трубку, как зазвонил городской телефон. Снова Грановский.

— Так я напоминаю, Игорь Васильевич, первая репетиция через неделю. В двенадцать. Куда адресовать вам пьесу?

— Пришлите в управление.

Грановский оказался на редкость приятным чело-

веком: молодым — ему было не больше сорока, — красивым, чуть располневшим блондином. Корнилов обратил внимание на очень мягкие, немного женственные черты лица режиссера. Могло даже показаться, что Грановский слишком мягок, безволен. Но его глаза время от времени поблескивали из-под больших очков холодными голубыми льдинками так пронзительно, что наблюдательный человек сразу отбрасывал всякие мысли о безвольности режиссера. И в то же время он был мягким, обходительным...

...Переговорив с режиссером и пообещав обязательно побывать на репетиции, Корнилов пригласил Бугаева.

— Как с поисками, Семен? — спросил он старшего инспектора. — Ты райотдельцев привлек?

— Конечно. Они и сегодня ищут. Я, как узнал, что убитый скорее всего художник, позвонил им. Сказал, чтобы в первую очередь за художников взялись. Вчерта-то я не знал этого! — сказал он недовольно. — В два счета бы нашли. Теперь взяли в Союзе художников адреса проживающих в районе. Да ведь, может, он не член союза!

— Хвастун, — усмехнулся Корнилов. — Давай держи связь с райотделом.

Варя, техсекретарь Корнилова, приоткрыла дверь, сказала чуть раздраженно:

— Опять этот Гусельников звонит. По местному. Требуется приема.

Корнилов вздохнул. Гусельников осаждал его уже месяц. Сначала прислал длинное и вежливое письмо. Чувствовалось, что у автора дрожат руки — буквы были большие и волнистые. Гусельников жаловался на то, что уже два года, как уголовный розыск установил у него в квартире, в настольной лампе, подслушивающее устройство и следит за каждым его словом.

«Нельзя преследовать человека всю жизнь, — писал Гусельников. — Я уже давно стал честным человеком. Три года назад сотрудники стадиона имени Сергея Мироновича Кирова с почетом проводили меня на пенсию. Подарили телевизор и оставили постоянный пропуск на стадион. И вот теперь я снова на подозрении. Почему? Стидно травить старого, больного и ныне беспрдельно честного человека». Заканчи-

валось письмо просьбой убрать магнитофон из квартиры.

«Что за бред? — подумал Корнилов. — Какой магнитофон, какая слежка? Этот Гусельников явный псих!» Он повертел письмо в руках, не зная, что с ним делать, а потом написал на нем: «В архив».

Но Гусельников продолжал писать. Начальнику управления, в горком партии, в Министерство внутренних дел. И все письма стекались к Корнилову, Он попросил сотрудников райотдела навести справки о К. Гусельникове. Оказалось, что он действительно болен. Несколько лет страдает психическим расстройством. Мания преследования. А двадцать лет тому назад был приговорен к десяти годам заключения за крупные взятки — он работал в отделе учета и распределения жилплощади. Отсидел он семь лет и все последние годы проработал сторожем на стадионе...

И вот теперь просится на прием... Что ему сказать? Как объяснить ему, что никакие магнитофоны уголовный розыск никому не подключает? Как разговаривать с больным? Не принимать? Но он опять будет писать во все концы.

— Ну так что ему сказать? — спросила Варя.

— Пусть приходит! — решился Корнилов. — Позвони, чтобы пропустили ко мне.

Варя удивленно посмотрела на своего начальника и хотела уже закрыть дверь, но Корнилов остановил ее.

— Нет, Варя, он больной человек, еще заблудится в наших коридорах. Сходи-ка за ним сама...

— И-и-и-горь Васильевич, — недоуменно протянула Варя.

— Иди, иди!

Через десять минут Гусельников сидел в кресле перед Корниловым и быстро-быстро моргал длинными белесыми ресницами. Он был высок, тощ, как дистрофик, и вся кожа у него — и на лице и на руках — пестрела от крупных рыжих веснушек. Корнилов ожидал увидеть дергающегося психа с шалыми глазами, готового забиться в падучей, но Гусельников смотрел на него осмысленно и спокойно, и походил он скорее на старого доктора, чем на больного.

— Я вас слушаю, — сказал Корнилов.

Гусельников поерзал в кресле, наморщив и без того морщинистый лоб, и, весь подавшись к Корнилову, сказал тихо, просительно:

— Уберите магнитофон, товарищ начальник, перед вами как на духу — расквитался я сполна за грехи. Честно живу на свою кровную пенсию... — Он хотел что-то еще сказать, но в это время дверь отворилась, и снова вошел Семен Бугаев.

— Разрешите, Игорь Васильевич? — он подошел к столу.

— Что-нибудь срочное у тебя? — спросил Корнилов.

Бугаев пожал плечами.

— Мне Варя сказала зайти к вам.

Корнилов усмехнулся. «Варюха, видать, решила, что с сумасшедшими надо разговаривать вдвоем». Сказал Бугаеву:

— Садись, поговорим вместе. — И, обернувшись к Гусельникову, отрекомендовал: — Это наш работник — старший уполномоченный Бугаев. Я думаю, он нам поможет...

Бугаев удивленно поднял брови.

— Товарищ Гусельников пришел к нам с жалобой на действия уголовного розыска. Обижается, что мы до сих пор следим за ним... Вмонтировали в настольную лампу магнитофон. — Подполковник в упор смотрел на Бугаева. Лицо у Корнилова было серьезное, и только глаза смеялись. — Товарищ Гусельников много лет назад совершил преступление, но стал честным человеком, сейчас на пенсии...

— Истинно так, — кивнул головой Гусельников, — доживаю свой век честно и праведно. Любим сослуживцами. Бывшими сослуживцами.

— Н-н-да, — произнес нерешительно Бугаев и стал медленно потирать подбородок. — Н-н-да, — повторил он, глядя то на Корнилова, то на Гусельникова.

— Поймите, — Гусельников придвинулся вместе с креслом к сидящему напротив Бугаеву. — Поймите, молодой человек. — Он положил свои длинные веснушчатые ладони на колени старшему оперуполномоченному. — Расходовать магнитофонную ленту на мои старческие разговоры с такими же никчемными стариками, как я, — непозволительная роскошь для уголовки...

Игорь Васильевич улыбнулся, видя растерянность Бугаева. А про Гусельникова подумал: «Интеллигент, интеллигент, а прошлое еще напоминает о себе — вот как он про нас: «уголовка».

— Я пришел к выводу, товарищ Бугаев, — сказал Корнилов, — что наблюдение за Корнеем Корнеевичем Гусельниковым надо полностью прекратить. Полностью и навсегда, — повторил он с нажимом.

Бугаев сидел с каменным лицом.

— Семен, ты поедешь сейчас с товарищем Гусельниковым и заберешь передающее устройство. У тебя есть ко мне вопросы?

Бугаев вдруг усмехнулся и отрицательно покачал головой. По тому, как блеснули его глаза, Корнилов догадался, что Бугаев наконец все понял...

— Товарищ начальник, — сказал Гусельников радостно. — Товарищ начальник... Я так благодарен, что вы мне поверили. Я старый, по гроб жизни честный человек...

— Корней Корнеич, — Корнилов встал. — Не будем терять время. Садитесь в машину вместе с сотрудником и поезжайте. — И, обернувшись к Бугаеву, сказал: — Семен, одна нога там, другая здесь. Ты мне будешь нужен.

— Товарищ Корнилов! — двигаясь к дверям, причитал Гусельников с умилением. — Какой человек, какой человек!

Как только они ушли, Корнилов вызвал секретаршу.

— Варвара Григорьевна, — начал он строго. — Это вы прислали ко мне Бугаева?

Варвара покраснела:

— Игорь Васильевич, сумасшедший же... Мало ли что!

— Старик ведь, — уже мягче сказал Корнилов.

— Все равно, — упрямо сказала Варвара. — Вон в Москве сумасшедший с ножичком ходит...

— Эх ты, Варвара, в уголовном розыске работаешь, а слухами пользуешься!

Варвара вдруг засмеялась:

— Приходится, товарищ начальник. Вы ведь все секреты секретничаете.

Корнилов махнул рукой:

— Тебя переубеждать — себе дороже. А Семента, Варя, подвела. Дал я ему ответственное задание — шизофреника Гусельникова излечить.

Варвара недоуменно уставилась на Корнилова.

— Редкий случай — человек свихнулся на почве своих старых преступлений. Мания преследования.

«А что? — подумал Корнилов, когда Варя ушла. — Вдруг этот псих поверит нам и вылечится? И перестанет писать свои дурацкие письма!»

Мысль послать Бугаева к старику пришла совсем неожиданно. Слушая монотонные вариации Гусельникова на тему о записывающем аппарате, Корнилов вдруг подумал: «Сколько ему ни объясняй сейчас, что никто за ним не следит и никаких магнитофонов у него дома нет и быть не может, не поверит. Хотя всю эту настольную лампу разбери у него на глазах на части — только усмехнется и будет твердить свое. А что, если подыграть ему? Правде не верит, может, поверит в ложь? — Корнилов невесело усмехнулся. — Вот ведь как в жизни бывает, каким концом старые делишки-то человека по башке стукнут...»

8

И в машине Гусельников продолжал бубнить себе под нос, какой чуткий человек товарищ Корнилов. Жил он на Петроградской, и, когда ехали по Кировскому, Бугаев вспомнил, что как раз вчера исходил в этом районе все улицы, расспрашивал в ЖЭКах, не пропал ли за последние дни кто-нибудь из жильцов.

— Корней Корнейч, так вы в каком доме живете? — спросил он заинтересованно, обернувшись к Гусельникову.

— Профессора Попова, дом тридцать восемь. Я уже докладывал вам, — ответил старик и, неожиданно хихикнув, погрозил Бугаеву пальцем. — А вы все хитрые ребята в угро! Шустрики.

— Да, да, говорили, — пробормотал Бугаев, — это я так, засмотрелся по сторонам, забыл.

Бугаев вспомнил: он был в этом доме. Разговаривал в ЖЭКе с паспортисткой. С дворником. Колоритный такой дворник — огромного роста, с большой бородой. Бугаев еще подумал: «Наверное, до революции были

такие дворники. Сидели у ворот со свистками и помогали жандармам выслеживать революционеров...»

Машина остановилась у большого грязно-серого дома.

«Да был же я здесь, точно», — подумал Бугаев, вылезая из «Волги».

— Товарищ Бугаев, нам во вторую парадную, — тронул его за руку старик. Они пошли через маленький садик. Дорожка была хорошо расчищена, посыпана песком, и Бугаев снова вспомнил про дворника.

— Наш дворник ужасный человек, — сказал неожиданно Гусельников, будто подслушал мысли Бугаева. — Всегда за всеми наблюдает. Вон и сейчас борода в окошке торчит! — Бугаев и правда увидел в окне первого этажа наблюдавшего за ними дворника. — Он ведь, наверное, у вас служит? — спросил Гусельников.

«Этому маньяку уже ничто не поможет», — подумал Бугаев, начиная злиться, и спросил:

— Народ тут у вас хороший живет?

— Народ разный, — хитро сощурился Гусельников, открывая перед Семеном двери парадной. — Все больше хитрецы да соглядатаи. Но есть и душевные люди.

На втором этаже Гусельников показал на дверь, обитую черной клеенкой:

— Вот здесь живет, например, хороший человек. Мой сосед. — Он достал из кармана связку ключей и с тревогой посмотрел на Бугаева. Лицо у него напряглось, он нерешительно оглянулся, словно потерял что...

— Что, пришли? — спросил Бугаев.

— Да, но, видите ли...

— Да открывайте вы свою квартиру, я отвернусь! — Бугаев понял, что старик не хочет показать ему свои секреты.

Гусельников долго возился с дверью, гремя ключами и рассказывая:

— Сосед мой — хороший человек, только совсем неопытный. Простуха. Я ему рассказываю, что меня подслушивают, а он смеется: «Не те сейчас времена, Корней Корнеич!» А при чем тут времена? Это всегда было и будет... — Он наконец открыл дверь и первый вошел в квартиру. Зажег свет. На Бугаева пахнуло затхлостью.

— Разоблачайтесь, товарищ! Шапочку вот сюда, пальто на вешалочку. Не очень-то тепло вас в угро одевают. Не балуют. А если под окном где-нибудь простоять ночь придется? Замерзнете ведь. — Он так и сыпал, так и сыпал словами. Так медленно и значительно говорил в кабинете у Корнилова, а тут словно прорвало.

Они прошли в большую комнату, обставленную очень скромно, и Бугаев сразу же увидел эту злополучную настольную лампу, лампу с большим зеленым абажуром, какие нет-нет да еще встречаются в некоторых богом забытых учреждениях. Сдерживаясь, чтобы не улыбнуться, Бугаев подошел к ней. Гусельников перестал болтать и молча следил за Семеном.

— У вас есть запасная лампочка и патрон?

Старик кивнул.

— Принесите. И какую-нибудь коробочку. Я их увезу...

Гусельников принес лампочку и маленькую картонную коробку из-под шалфея.

— Только давайте договоримся твердо, — сказал Бугаев. — Никому ни слова! Секрет! — А сам подумал: «Все равно болтать будет. Понесет уголовный розыск моральные издержки. Лучше взял бы да выбросил эту лампу, чем жалобы писать!»

— Мой сосед приходил, крутил лампу. «Ничего нет», — говорит. Да что он понимает, неопытный в этих делах. А художник хороший, — болтал Гусельников.

— Художник? — задумчиво спросил Бугаев. — Он сейчас дома?

— Уехал. Наверное, на этюды за город.

— Когда уехал? — перебил старика Бугаев.

— Да недавно...

— Ну вот что, — Бугаев быстро вывинтил лампочку с патроном, положил в коробку, коробку сунул в карман. — Ну вот что, товарищ Гусельников, аппаратуру я снял, заберу с собой. Живите спокойно. А сейчас поговорим... — Он сел на стул, напряженно глядя на старика.

— Художнику сколько лет?

Гусельников испуганно таращил глаза.

— Да садитесь вы, Корней Корнеич. Это очень важно.

Гусельников сел. Лицо его напряглось. А губы рас-

плылись в какой-то совершенно неестественной улыбке. «Да он ведь действительно псих, — испугался Бугаев. — Как бы не было приступа!»

— Художник молодой, — выдавил наконец Гусельников. — Тельманом зовут.

— Молодой? — переспросил Бугаев.

— Да не то чтоб уж очень, — замялся старик. — Года сорок два, сорок три...

— Когда вы его в последний раз видели?

Гусельников пошептал немного, загнул три пальца и улынулся:

— Дня три назад.

«Совпадает, — подумал Бугаев. — Уж не тот ли самый?» — И сказал:

— А время, время! В какое время он уехал?

— Да как вам сказать, — задумался старик. — Я еще не пообедал. Я в столовке обедаю. Тут рядом, через три дома. Погано кормят, но дешево. — Он снова задумался. — Ну вот, туда я и собирался. Вышел из дому. А впереди Тельман с лыжами. В спортивной куртке.

«Ну и ну, — волнуясь, слушал Бугаев. — Не было бы счастья...» — И тут же остановил себя.

— Ну и что?

— Что значит «ну и что»? — рассердился старик. — Это ведь вы меня расспрашиваете. Значит, вам интересно. Все еще психом меня считаете?

Бугаев вздрогнул. Его охватило неприятное чувство оттого, что Гусельников опять будто читал его мысли.

— Ради бога, простите. Но то, что вы рассказали, так меня ошеломило... Этот ваш художник очень похож на одного человека... Он заблудился в лесу и замерз.

То, что старик разозлился на его дурацкое «ну и что», навело Бугаева на мысль, что Гусельников не такой уж сумасшедший. «Ну бывает же у человека бзик!»

— Неужели вы думаете?.. — испуганно спросил Гусельников. — А тут его кто-то искал целый день. Какой-то дикий дед.

— Да нет, все еще неясно. Это какое-то совпадение, — сказал Бугаев. — Мы проверим. Да, может быть, он уже дома, ваш Тельман. Вы сегодня к нему не заходили?

— И правда! — оживился старик. — Не заходил. Надо заглянуть. — Он вскочил со стула, но тут же в нерешительности остановился и с сомнением поглядел на Бугаева.

«Бойтся меня одного оставить», — подумал Бугаев и тоже встал.

— Как фамилия вашего знакомого?

— Тельмана? Алексеев Тельман Николаевич, — сказал Гусельников и вдруг громко рассмеялся: — Как хорошо! Впервые я могу у себя дома говорить свободно. Эх вы! Столько лет следили за стариком. Все думали, что я про денежки проговорюсь? Как бы не так! Нету денежек. Тю-тю! — И он снова рассмеялся. Ехидным, дребезжащим смехом.

«Ох и жук же ты, Корней!» — мелькнула у Бугаева мысль.

— Зайдемте к художнику!

— А чай? — круто переходя от ехидства к умильности, сказал старик. — Я хотел напоить вас чайком с малиновым вареньицем. Я хоть и бедный пенсионер, но вареньице всегда имею...

— В следующий раз, Корней Корнеич, — остановил его Бугаев. — Пошли к художнику.

Они долго звонили у дверей — никто не отзывался.

— Наверное, загостился, — сказал Бугаев и распрощался с Гусельниковым. Внизу он заглянул в почтовый ящик четырнадцатой квартиры. Было видно, что уже несколько дней оттуда не вынимали газеты.

Выйдя из дома, Бугаев помчался в домоуправление.

Управдом, худенький старичок в морской шинели и фуражке, видать, из отставников, запирал дверь своего кабинета. Вид у него был встревоженный.

— Вы ко мне? — спросил он Бугаева и, не дожидаясь ответа, сказал: — Позже, позже. Я очень занят.

— Мне на два слова, — попросил Бугаев и вытащил из кармана служебное удостоверение. — Я из уголовного розыска.

— Что? — искренне удивился старичок. — Вы уже здесь? Я ведь только что трубку повесил... Это вы товарищ Сазонкин?

Сазонкин был старшим инспектором уголовного розыска районного управления.

«Запахло жареным», — подумал Бугаев и сказал:

— Я капитан Бугаев. Так получилось, что мы не сговорились...

Старик посмотрел на него подозрительно и теперь уже сам протянул руку за удостоверением. Прочитал его внимательно, сверил фотокарточку с оригиналом и только тогда вернул.

— Товарищ Сазонкин просил взять понятых и ждать его у четырнадцатой квартиры. Вы тоже по поводу Тельмана Николаевича Алексева?

Бугаев кивнул:

— Да, я хотел кое-что уточнить. Он ведь художник?

По дороге управдом позвал за собой молоденькую паспортистку. Они поднялись на второй этаж, туда, где Бугаев только что расстался с Гусельниковым. Управдом с сомнением посмотрел на дверь его квартиры и тихо сказал:

— Этого в понятые брать нельзя. Убогий, — он покрутил пальцами у виска и вздохнул. — Подождем. Сейчас должен товарищ Сазонкин прибыть.

Бугаев хотел было порасспросить управдома, но в это время хлопнула дверь парадной, послышались энергичные шаги, и на лестнице появился Сазонкин. Он совсем не удивился, увидев Бугаева, деловито поздоровался со всеми за руку и спросил управдома:

— Алексей Алексеевич, а слесарь?

— Должен в тринадцать ноль-ноль прибыть, — сказал управдом и посмотрел на часы. — Еще две минуты...

«Морская косточка, — подумал Бугаев. — Симпатяга дед».

И действительно, внизу снова хлопнула дверь. Пришел молоденький паренек с чемоданчиком. Удивленно посмотрел на целую толпу собравшихся перед дверьми квартиры. Спросил:

— Чего делать-то, Алексей Алексеевич?

— Что товарищ скажет, — кивнул управдом на Сазонкина.

Когда Корнилов, вызванный звонком Бугаева, приехал на Петроградскую, дверь в квартиру художника была уже открыта. Подполковника встретил сотрудник районного управления внутренних дел Сазонкин, провел

в комнату. На огромной тахте степенно восседали старик и молодая женщина, а Бугаев стоял у маленького письменного стола и листал какой-то толстый альбом. Первое, что бросилось в глаза Корнилову в этой огромной светлой комнате, большое неоконченное полотно на мольберте. Как раз напротив дверей. Безбрежная белая равнина, сливающаяся на горизонте с белесым холодным небом. Слева два утонувших в сугробах домика, кусты сирени с прихваченными морозом зелеными листочками и небольшой дубок поодаль, ярко-желтый, словно вызов холодам и метели. А среди снегов — крошечная фигурка человека, уходящего вдаль, к горизонту, по еще не обозначенной художником дороге. От картины веяло холодом.

— Товарищ подполковник, смотрите, — Бугаев протянул Корнилову две фотографии — ту, что была сделана с мертвого лыжника, и другую, видимо, найденную в альбоме. Но подполковник и так все понял: на стене среди других картин висел, наверно, автопортрет художника. Корнилов сразу узнал в изображенном на нем человеке убитого лыжника. Узнал по чуть утолщенному переносью и косой морщинке, перечеркнувшей лоб, будто глубокий шрам. Художник смотрел пристально, с вызовом. На втором плане, за его спиной, в хрустальной вазе стояло несколько веток спелой рябины. Картина была яркая, какая-то торжественная, насыщенных тонов. Широкие, рельефные мазки.

— Значит, правильно предположил Юрий Евгеньевич. Убитый — художник?

Бугаев кивнул:

— Тельман Алексеев! Странное имя, да?

— Странное. А как нашли адрес?

— Да вот так совпало, товарищ подполковник, — развел руками Бугаев. — Я ведь сюда, в квартиру напротив, привез вашего психа. — Корнилов посмотрел на Бугаева сердито, тот осекся и оглянулся на прислушивающихся к разговору понятых. — Гусельников стал рассказывать про соседа-художника. А я же вчера весь этот район перепахал. Автобусный билетик-то! Ну вот и поинтересовался. Пошел искать управдома, а он уже из районного управления гостей ждет. Встретились с товарищем Сазонкиным у дверей.

Сазонкин кивнул:

— Мы, товарищ подполковник, получив задание, выяснили в союзе адреса всех художников, проживающих в нашем районе. Стали обзванивать. К тем, у кого телефона нет, просили домоуправов заглянуть. А я с Алексеем Алексеевичем Талызиным разговаривал, просил справиться, дома ли художник Алексеев.

Подтянутый старик, сидевший на диване, слушал внимательно, кивал головой.

— Он позвонил в квартиру, в почтовый ящик заглянул — почту несколько дней не вынимали... Я и решил проверить.

— Молодчина, майор, — сказал Игорь Васильевич. — Позвоню Рудакову, попрошу, чтоб отметил вас. — Рудаков был начальником Ждановского районного управления.

Корнилов снова подошел к неоконченному зимнему пейзажу, молча остановился перед ним, и ему невольно вспомнились заснеженные поля и темный, холодный лес вокруг одинокой деревеньки Владычино. И представилось, что маленькая фигурка, затерявшаяся в белой замети, это и есть сам художник, идущий навстречу выстрелу. «Куда же шел этот Тельман? К кому? Нет, не случайно оказался он около Орельской Гривы... Кстати, какое красивое название: Орельская Грива! Орлы, кони. Почему эта маленькая горка так называется? Эх, не в этом дело!» Корнилов вздохнул и полез в карман за сигаретами. Но их там не оказалось. Наверное, второпях забыл в кабинете.

— Зачем понадобилось леснику стрелять в художника? — сказал он тихо.

— Вы уверены, что убийца — лесник Зотов? — спросил Бугаев, продолжая внимательно рассматривать бумаги, вынутые из письменного стола.

— Я не исключаю, что убийца — лесник. — Корнилов посмотрел на часы. Было без пятнадцати пять. — Думаю, что скоро мы будем все знать точно. Лесник ли стрелял или кто-то посторонний. Посторонний, но скорее всего известный Зотову. Ведь, судя по лыжне, не мог убийца миновать кордон лесника. Ладно, подождем! Белозеров, наверное, уже закончил свои поиски...

Он отошел от мольберта и стал внимательно рассматривать картины, развешанные на стене. В основ-

ном это были деревенские пейзажи, несколько женских портретов. Портреты не понравились Корнилову — они оставляли впечатление какой-то застылости, статичности. У всех людей были неживые, белесые глаза. А пейзажи радовали. Светлые, лиричные. «У них и краски будто бы горячие». Ему показалось: приложи ладонь — ощутишь тепло нагретых солнцем трав, бревенчатых домиков.

Одна из стен этой большой комнаты, служившей, очевидно, и мастерской, и жилищем художника, была увешана иконами, старинными прялками, потрескавшимися изразцами с причудливыми рисунками.

Бугаев закончил разбирать бумаги в столе.

— Не густо, товарищ подполковник. — Он протянул Корнилову диплом об окончании института имени Репина, маленькую книжечку Союза художников. На фотографии Алексеев был совсем молодым, с длинной челкой — совсем не похож на того, что глядел с портрета.

— А документы, письма?

Бугаев покачал головой:

— Сейчас возьмусь за шкаф.

Небольшой красного дерева, старинный книжный шкаф с бронзовыми завитушками стоял в углу рядом с диваном.

— Он что же, один жил? — спросил Корнилов у Сазонкина.

Тот посмотрел на управдома и сказал:

— Алексей Алексеевич, вы-то уж, наверное, знаете...

— Что, что? — растерянно переспросил старик, поднимаясь с дивана. Он, видать, задумался и не слышал вопроса.

— У Алексеева есть семья? Жена, дети?

— Да, есть. Жена, — управдом посмотрел на Корнилова виновато. — Я не помню ее имени. Она у него переводчица, сейчас за границей. Мне Тельман Николаевич рассказывал. В Финляндию уехала. А детей у них нет. Живут вдвоем.

— Надо ведь сообщить жене? — нерешительно произнес Сазонкин.

— Надо, — вздохнув, ответил Корнилов. — Возьмите это на себя. Узнайте, где она работает, переговорите с руководством. Вы с товарищем Сазонкиным

продолжайте осмотр, — обратился он к Бугаеву. — Оформите протокол, а я поехал. Узнаю, как дела у Белозерова. — Он попрощался с понятыми, тихо сидевшими на диване, и пошел было уже к дверям, но вернулся: — Семен, если найдешь письма, или документы какие, сразу звони.

10

Когда Корнилов вернулся в управление, секретарша, перечислив всех, кто звонил или заходил во время его отсутствия, добавила:

— Лужский начальник розыска раза четыре уже трезвонил. Просил, как вы вернетесь, чтоб я сразу его вызвала.

— Белозеров?

Варвара кивнула.

— Так вызвать? Или обойдетесь на сегодня?

— Срочно, Варя!

Корнилов едва успел снять пальто, как секретарша, приоткрыв дверь, доложила:

— Белозеров!

— Товарищ подполковник, капитан Белозеров докладывает. — Слышно было прекрасно, будто звонили с соседней улицы. — Операция, можно сказать, закончена!

— Так закончилась все-таки или нет?

— Полная ясность, товарищ подполковник.

— Подождите, — перебил его Игорь Васильевич, — я включу магнитофон. Доклаживайте все по порядку.

Белозеров недовольно крикнул. Не так давно в управлении завели порядок: наиболее важные телефонные разговоры записывать на магнитофонную ленту, чтобы потом можно было проанализировать, детально обсудить сообщение.

— Давай, капитан, рассказывай, — сказал Корнилов и с интересом подумал: «Подтвердилась моя догадка или нет?»

— Ваше предположение по поводу лесника Зотова оказалось верным. Сейчас у следствия есть все доказательства. — Он чуть-чуть помедлил. — Начну по порядку. Мы со следователем Каликовым восстановили позу убитого на тропинке...

— Я тебя перебыю, Александр Григорьевич, лесник признался?

— Это как посмотреть, — сказал Белозеров. — Порешил он себя, Игорь Васильевич. Мы его из петли холодного вынули.

— Еще того не легче, — пробормотал Корнилов, а сам подумал: «Зачем же ему художника убивать-то понадобилось, если сам в петлю полез? А может быть, его, как свидетеля, устранили?»

— Чудно получается... Нелогично. Оружие-то у него нашли?

— Нашли, товарищ подполковник. Миноискатель помог. В бревне прятал. Трофейный карабин. Экспертиза подтверждает — из него лыжника убили.

— Но откуда такая уверенность, что именно лесник стрелял? Может быть, карабин подбросили? А с ними с обоими расправились?

— Товарищ подполковник, — с обидой сказал Белозеров. — Да ведь все сходится. По следу мы прошли, как вы и советовали. След хоть и петляет по лесу, но ведет на кордон. А в лесу участки незаметенные есть. Следок как новый. От лесниковых лыж. Егерь еще раз подтвердил, что у старика была винтовка. Да и самоубийство само за себя говорит — никаких признаков борьбы. И на карабине отпечатки только лесниковых пальцев. Вы меня слышите, товарищ подполковник? — спросил Белозеров, видимо, обеспокоенный долгим молчанием Корнилова.

— Слышу! Но с выводами я бы не торопился. Докладывайте теперь по порядку.

— По ране эксперт определил направление полета пули. Даже угол наклона определил. Рана у него справа, как раз с той стороны, где мы с вами с самолета лыжню видели. Мы знаете что использовали? Теодолит! Точность исключительная! Метеорологи подтвердили: в тот день в шестнадцать часов видимость позволяла разглядеть человека на расстоянии более четырехсот метров. Ну уж тогда мы весь снег вокруг горстями перелопатили. Разыскали гильзу! — с подъемом произнес Белозеров. — Потом я с группой сотрудников отправился к леснику. Да поздно...

— Записки никакой не нашли? — спросил Корнилов.

— Нет, ничего не оставил. Действительно, непо-

нятная история. И чего он этого парня застрелил? Не узнали, кто он?

— Художник Тельман Алексеев, — сказал Корнилов.

— Художник все-таки, — огорчился капитан. — Вот те на!

— Судмедэксперт исследовал труп Зотова? Нет подозрения на убийство? На отравление, например?

— Это исключено, Игорь Васильевич. Все досконально исследовали.

Переговорив с Белозеровым, Корнилов долго сидел в раздумье. Он прослушал еще раз запись разговора, стараясь оценить сообщенные капитаном факты, прикидывая, не упустили ли чего там, на месте. Нет, пожалуй, и он действовал бы так.

«Ну что ж, можно считать дело законченным!.. Но достаточно ли улик против мертвого лесника?.. В конце концов, пусть прокуратура решает: закрывать дело или нет, — думал он. — Да закроют. Что им остается? Попробуй теперь узнать, что и почему. Мертвые молчат!» Но дело все же очень тревожило его.

«Ладно, — наконец решил он, — утро вечера мудренее. Надо будет на свежую голову пройтись по всему делу. От начала до конца. А конец-то! Ну и конец!»

Но и дома мысли о драме в Орельей Гриве не выходили из головы, беспокоили, словно легкая, только-только проклевывающаяся зубная боль. Поздно вечером, уже собираясь ложиться спать, Корнилов взял из шкафа словарь. Поискать, что же такое Орелья Грива. «Орелка, рель, гривка — сухая полоса холмов или гребней среди болот», — было написано там. «И всего-то? — подумал Корнилов. — А я-то думал: что-нибудь красивое, возвышенное». Но тем не менее он стал думать об этой Гриве, о вековых елях и снежных полянах вокруг. Ему вдруг очень захотелось туда, в лес. В трудные минуты жизни, в пору душевного смятения, острой неудовлетворенности собой, своими поступками Корнилову всегда хотелось быть в лесу. Идти легко, без усталости, глухими, позабытыми тропинками, смотреть с крутого берега, как темный поток лесной реки несет и крутит первые тронутые багрецом листья; слушать далекую переключку тянущихся к югу ястребов; вдыхать терпкий аромат заросшей вереском и клюквой мшары.

Тогда уходят, отодвигаются куда-то на второй план мелкие житейские невзгоды и заботы. Ясность и стройность приобретают мысли. То, что еще недавно видел словно в тумане, становится четким, выпуклым...

Телефонный звонок вывел Корнилова из задумчивости. Он вздохнул и с неохотой взялся за трубку. Звонил Бугаев. Голос у него был взволнованный.

— Товарищ подполковник, разыскал я документы Алексеева. Ну, знаете, всего ожидал...

Волнение Бугаева передалось Корнилову.

— Да говори, что стряслось? — нетерпеливо сказал он.

— Документик один зачитаю. Слушайте: «Дубликат свидетельства о рождении. Выдан Орлинским сельским Советом. Зотов Тельман Николаевич. Родился шестого мая 1926 года в деревне Зайцово». — Бугаев передохнул: — Ну это мы еще в домоуправлении выяснили. А вот главное: — «Родители: Зотов Николай Ильич и Алексеева Василиса Леонтьевна».

Корнилов молчал, потрясенный.

— Судя по вашему молчанию, товарищ подполковник, вам все понятно, — сказал Бугаев. — Мы тут с Сазонкиным обалдели. Вот какие делишки. — Он вздохнул и добавил: — Ну и еще тут разные бумаги. Ничего особо интересного. Он их в кухонном буфете держал. Мы потому и провозились долго. На кухню пришли в последнюю очередь.

— А в письмах не нашли приглашения от отца приехать? Или телеграммы? — приходя в себя, спросил Корнилов.

— Нет, Игорь Васильевич... Все письма старые. От женщины. От жены, видать. От отца нету.

«Многовато событий для одного дня, — подумал Корнилов. — Отец — сына?»

Он повесил трубку и в замешательстве прошелся по комнате. Корнилов все ожидал. Но чтобы связь этих людей оказалась такой близкой, такой трагической... Отец — сына? В это не хотелось верить.

«Чтобы на убийство решиться, ох какое зло на сердце надо держать! — думал он. — Да и человеچه обличье потерять... Ну, предположим, дикая ссора между ними вспыхнула. По причине, нам неизвестной. Но для этого им надо было встретиться!»

А все известное Игорю Васильевичу о преступлении в Орельей Гриве свидетельствовало: лесник и художник в тот день не могли, не имели возможности сказать друг другу даже двух слов. А уж какая-то ссора между ними, вспышка в часы, предшествовавшие убийству, напрочь исключалась.

А раз не было ссоры в тот день, значит, отец заранее готовил убийство? Нет, тут что-то не так... Сто раз бы одумался! Остыл! Слишком жестокое это преступление, чтобы поверить в него. Даже если выводы экспертов и все известные факты свидетельствуют об этом.

Все известные факты... Все известные... А все ли факты известны? Конечно, не все! Нет, не все!

Корнилов ходил по комнате, стоял у окна, глядя на белую Неву, слегка освещенную пригашенными фонарями, прислушивался к шуму редких машин. Он пришел к твердому убеждению — преступлением в Орельей Гриве следует заняться снова. Не мог он поверить в это убийство.

11

Николай Ильич проснулся от того, что рядом с домом призывно пропел пионерский горн. Зотов открыл глаза и лежал, прислушиваясь: не протрубит ли снова? Но за окнами стояла глухая тишина. «Приснилось, что ли?» — подумал он и нащупал на полу коробок спичек. Чиркнул. Поднес спичку к часам. Было уже шесть. Зимой Николай Ильич вставал в семь. Спичка погасла, догорев почти до конца. Зотов даже не почувствовал огня — кожа на пальцах так загорбела, что он, когда надо было, спокойно брал раскаленный уголек и прикуривал от него.

Тикали часы, да позванивало где-то стекло от ветра. «На чердаке, — прислушавшись, определил Зотов. — Надо бы залезть да пару гвоздиков всадить». Тут он вспомнил, что и крышу давно пора латать: весна придет — опять потечет. И кусок рубероида его дружок Гриша Мокригин еще с осени из Гатчины приволол. Но не лежала нынче душа у Николая Ильича к хозяйству, руки не поднимались сделать что-то по дому. И прибаливать он стал чаще, да и просто обрыдло ему все здесь, в лесу.

И эта труба пионерская... Вдруг прогремит среди ночи, разбудит, и уже не заснуть никакими силами. И лезут в голову невеселые мысли.

«Сдурел я, что ли, в этой глухомани? — подумал Николай Ильич. — Или со слухом у меня болезнь приключилась? Дудит вдруг в ушах ни с того ни с сего».

Началось это прошлым летом. В тот день Николай Ильич возвращался на кордон по крутому берегу Ящеры. Стояла середина июня. Лето пришло раннее, жаркое. В густой траве кровенели капли созревающей земляники. И подберезовики уже попадались в сыром глубоком мху на границе болота и леса.

Все было знакомо в этом лесу: глухой шум сосен, гомон почувствовавших вечернюю прохладу птиц, крепкий, настоящий смолой воздух. Внезапно Зотов услышал резкий, непривычный для уха звук. Ему сначала показалось, что хрипло протрубил лось. Но звук повторился, и Николай Ильич понял, что это не лось. Да и какой лось трубит в середине июня? Звук затих, и несколько секунд ничего не было слышно. И тут же лес отозвался эхом, нанесенным порывом ветра. Теперь Зотов понял, что пела труба. Но кому здесь, в глухомани, понадобилось трубить?

Он прибавил шаг. Трубили в стороне кордона, и Николай Ильич подумал: «А может быть, кто-то из мшинских или владыччинских мужиков приехал и, не застав меня, решил потрубить: авось услышу?» Потом Зотов вспомнил еще и о том, что не раз встречал развозчика керосина, который, проезжая по деревням, давал знать о себе хозяйкам, извлекая хриплые, отрывистые звуки из старенькой трубы.

Зотов шел торопливо, спотыкаясь об узловатые сосновые корни, и скоро запыхался. Да и нога короткая давала о себе знать. Когда-то, в молодости, он и не вспоминал о ней, ходок был хоть куда, а нынче, приустан, начинал спотыкаться. Наконец, перейдя по старенькому, полуразрушенному мостку через Ящеру, Николай Ильич взобрался на пригорок и увидел оттуда сквозь поредевший лес свой кордон, а чуть поодаль, на лугу, десятка два ребятишек с красными галстуками.

«Так вот кто трубил! — прошептал Николай Ильич. — Пионеры пожаловали... И Дружок не лает», —

удивился он. Обычно собака облаивала каждого, кто проходил поблизости от дома.

Несколько мальчишек устанавливали палатки. Рядом уже вился дымок от костра, и девочки гремели посудой. Когда Зотов подошел к дому, его заметили. «Вера Васильевна! Вера Васильевна! — закричал один из мальчиков. — Лесник пришел!» С травы поднялась невысокая полная женщина, одетая в такую же зеленую, как и у ребят, форму, и тоже с пионерским галстуком. Увидев Зотова, она приветственно помахала ему рукой. Подошла. Ребята, побросав все свои дела, тут же обступили Николая Ильича. Поздоровавшись, почтительно трогали его дустволку. Были все они загорелые, с облупившимися от солнца носами.

— Вы товарищ Зотов? — спросила Вера Васильевна.

— Он самый. Зотов Николай Ильич. Здешних лесов хозяин.

— А мы к вам на практику. Лес расчищать, шишки собирать. У нашей школы договоренность с лесхозом. — Вера Васильевна вдруг спохватилась и протянула Зотову руку. Представилась: — Пахомова. Учитель шестой гатчинской школы.

Она достала из кармана куртки листок бумаги и, развернув, подала Николаю Ильичу. Это было письмо директора лесхоза с просьбой оказать школьникам помощь, отвести участки леса для расчистки.

— Ну вот и хорошо. Вот и прекрасно. Мне, старику, веселее будет. Вон сколько помощников! — обрадовался Зотов и обнял двух мальчишек, стоявших рядом. Те доверчиво приникли к нему, а один спросил:

— А вы нас на Вялье озеро сводите? На рыбалку?

— И на озеро свожу, и лес покажу. Все вам будет. А сейчас айда ко мне, харчишко вам выдам. Он у меня небогатый, но кое-что есть. Картошка, лук, брусника моченая.

— Брусника? Вот здорово! — закричал белобрысый мальчишка. Но учительница одернула его строго:

— Без эмоций, Козлов. — И, обернувшись к Зотову, сказала: — Ну что вы, Николай Ильич, у нас с собой все есть. Крупа, консервы, хлеб...

— Да на каше соскучишься скоро. Разве это еда? У нас тут воздух такой — как ни корми, все есть хо-

чется. А у меня картошка не с магазина. Своя. Рассыпчатая. — И он подтолкнул мальчишек к дому.

Вечером Зотов сидел в избе, прикидывал, куда бы отвести назавтра ребятишек, когда на улице заиграла труба. Нехитрая пионерская мелодия. Николай Ильич вышел на крыльцо. Около палаток стоял белобрысый мальчишка, что давеча обрадовался, услышав про бруснику, и, запрокинув к небу голову, трубил в горн. Трубил он неумело, звуки неслись хрипловатые, нестройные, но Зотов смотрел на мальчишку затаив дыхание и чувствовал, как легонько защемило у него сердце. Из лесу, с реки сходились к горнисту пионеры. Оживленно переговаривались, смеялись. А Николай Ильич слушал звуки горна и видел, отчетливо видел, других пионеров....

Это было перед войной. Он отправлял в первый колхозный пионерский лагерь на Черемнецкое озеро своего сына Тельмана. Неясные, отрывочные, почти заглушенные временем образы прошлого вдруг сложились в яркую картину: на деревенском прогоне стоит колхозная полуторка, а в кузове сидят праздничные, все в белых рубашках, с красными галстуками зайцовские ребятишки. И его Тельман машет рукой, а сам с трудом сдерживает радостную улыбку, весь в предчувствии дороги, новых впечатлений. Рядом с Зотовым в толпе односельчан жена, утирающая глаза платочком, расстроенная первой долгой разлукой с сыном. Тельман и сейчас стоит перед глазами как живой, а вот лицо жены, словно в тумане, расплывается, прикрытое платочком...

Пионеры уже давно улеглись спать, выпросив у Зотова разрешение забрать с собой Дружка, а растревоживший себя воспоминаниями Николай Ильич то бесцельно слонялся вокруг дома, то принимался за чем-то перебирать приготовленные для постройки плоскодонки доски. Светлая, без тени облачка, белая ночь царила над утихшим лесом. Только где-то очень далеко, в стороне Вялья озера, тревожно кричал козодой. И беспокойно было на душе у Николая Ильича.

В ту ночь Зотов впервые так остро почувствовал свое одиночество.

Наутро он повел ребятишек на озеро. По тропинке, вьющейся вдоль крутого красного берега Ящеры, за-

росшей ельником, прошли они до мызы Каменка. Здесь, на зеленом взгорке, усеянном цветами купальницы и зверобоя, в обрамлении вековых лип когда-то высился большой барский охотничий дом. Сейчас остался только один фундамент. Николай Ильич показал ребятам остатки деревянного водопровода, а на роднике они набрали в свои фляжки ледяной, отливающей серебром, вкусной воды. И пошли с песнями дальше. Через большую поляну с липовыми аллеями, через еловый лес с черничником, а потом по зыбкой тропинке сквозь болото. И Зотов все рассказывал им про окрестные леса, про зверей, которые здесь обитают, про больших вялых окуней, которых можно выловить на озере. Он воодушевлялся, забывал об усталости, о своей больной ноге, видя, с каким вниманием его слушают.

Накануне того дня, когда пионеры должны были, закончив работу в лесу, уехать в Гатчину, учительница спросила Зотова:

— А почему к вам, Николай Ильич, никто на воскресенье не приехал? Ни жена, ни дети.

— Одинок я, Вера Васильевна, — с виноватой улыбкой ответил Зотов. — Некому ко мне наезжать... Да и воскресений я тут не замечаю. Какие в лесу воскресенья, особенно если выбраться некуда?

— Да ведь есть же, наверное, родственники? — сочувственно удивилась учительница. — Не может же человек один...

Но Зотов посмотрел на нее с такой грустью, что она осеклась и, растерянно улыбнувшись, замолчала, слегка порозовев. Видать, поняла, что попала в самое болезненное место.

...Нынешняя зима выдалась для Зотова особенно тяжелой. По утрам нелегко было встать с постели, растопить печь. Он уже с трудом мог нагнуться и накидать в топку дров. Иногда ему казалось, что он уже не сможет разогнуться, заостенел навечно. Николай Ильич вспомнил школьного завхоза из далекого детства — тот ходил согнутый пополам каким-то недугом. Как его звали, Николай Ильич не помнил, — горбач и горбач. «Вот и мне пришлось время в горбачи записаться, — горестно подумал он. — Шестьдесят пять — они о себе знать дадут».

А начальство, как назло, выделило в эту зиму на его участке несколько делянок мшинским мужикам. Надо было таскаться с ними, клеймить лес, следить, чтобы не прирубили лишку. Народ на Мшинской лихой — сто первый километр!

Хорошо еще Гриша Мокригин не забывает — заглядывает. То поможет по хозяйству, то продуктов привезет — на картошке да на грибах особо не разбегаешься в лесу. А уж если баню поможет истопить — считай, что праздник. После жаркой бани, после веничка дубового и спине легче, на неделю-полторы боль отпускает.

С полчасца он еще лежал в постели, курил, думал о всякой всячине. Потом, тяжело похрахтывая, сел, натянул штаны. Пол был стылый, влажный. Николай Ильич принес дров из сеней, затопил печь. Гриша помог летом наготовить да распилить. Для этого дома дров не напасешься, кидаешь, кидаешь, как в прорву.

С Гришей Николай Ильич познакомился в колонии, когда в сорок седьмом получил восемь лет за растрату в колхозной кассе. Гриша вышел на год раньше Николая Ильича, устроился на работу в Гатчине, в лесхозе. Он потом и Николая Ильича в лесники строил:

— Зачем тебе, Колюн, в свою деревню вертаться? Ни кола ни двора. Да и мужики народ злопамятный.

Николаю Ильичу и впрямь не хотелось возвращаться — неудобно было перед земляками. Чувствовал он до сих пор вину перед ними: пустил кассу по ветру, а год-то был нелегкий. Хотя и денег-то в кассе пустяк был — ну какие в те годы у колхоза деньги, — а лежали они на душе черным камнем. Собрали колхозники по тридцатке — хотели тянуть в Зайцево электричество.

Жена у Зотова умерла перед самой войной, а сын, Тельман, затерялся в годы оккупации. Поссорились они с сыном, с мальчишкой. Так поссорились, что вышло — на всю жизнь. Временами казнил себя Николай Ильич лютой казнью, что не смог удержать своего Теля, не нашел таких слов, чтобы понял сын — не мог он иначе поступить в то жуткое время. Но и простить сына долгое время не хотел. И потому горевать горевал, а не разыскал. Обида мешала. Да и жизнь мешала. Из тюрьмы несподручно этим заниматься.

И месяца не проработал после отпуска Николай Ильич, как Гриша привел к нему покупателя, разбитного экспедитора из кубанского колхоза. У него и документы были в порядке, и разрешение лесничего имелось. Только на ольховые дрова. А экспедитору нужен был строевой лес...

Поздно вечером, после ужина, когда экспедитор уже основательно захмелел, Николай Ильич вышел с Мокригиным в сени. Сказал твердо:

— Гришка, ты меня в это дело не впутывай. Хватит, насиделся.

— Да ты что, Колюн? — заюлил дружок. — Дело то пустяшное — двадцать кубиков. И верняк ведь, комар носа не подточит.

— Нет, Гриша, — стоял на своем Зотов. — Не уговаривай. Чую я, чем пахнут эти кубики.

— А я-то, тюха, думал, дружка имею. На место пристроил, — с презрением, растягивая слова, проговорил Мокригин. — Вот она, благодарность... — И зашептал вдруг горячо: — Колюн, Христом-богом прошу, обещал я этому фраеру. И задаток уж взял, да загулял вчерась. Мне же ему отдать нечем. Ну как пойдет он, наступит? Что же мне, Колюн, кончать его здесь в лесу? А? Может, и вправду кончать?

Николай Ильич похолодел, почувствовал противную, тошнотворную слабость. Он хорошо знал, на что способен Гриша.

— Да ты сдурел? — выдохнул Зотов, вцепившись ослабшими от страха руками в пиджак приятеля. — Сдурел, да? Ведь знают, что он с тобой приехал.

Гриша зловеще молчал, будто собирался с духом, чтобы принять окончательное решение.

— Сколько денег-то? — пугаясь еще сильнее, спросил Зотов. — У меня рублей пятьсот найдется.

Мокригин стряхнул с себя руки Николая Ильича.

— Да черт с тобой, Гришка! Пускай забирает он свои кубики. Черт с тобой! Завтра отведу его на делянку, — чуть не плача, запричитал Зотов.

— Я знал, старик, что ты не подведешь, — только и сказал Мокригин.

Но вскоре Григорий опять явился с покупателем. И когда Николай Ильич стал отказываться продать лес и, не вникая угрозам, упрямо твердил: «Нет, Гриша, не быть тому! Не возьму грех!» — Мокригин не

ожиданно размахнулся и, злобно выругавшись, ударил Зотова в подбородок. Николай Ильич охнул и осел на стоявшую сзади лавку. Он избил бы Зотова до полу-смерти — Николай Ильич хорошо знал Гришины повадки, да тут в дом вошел покупатель...

Несколько месяцев после этого они не видались. Николай Ильич посчитал, что расстались они навсегда. И хотя тосковал, оттого что порушилась у них с Григорием давняя дружба, временами чувствовал такое облегчение, будто хомут у него с шеи сняли.

Но Гриша всегда умел быть нужным... Он появился на кордоне, когда Зотов тяжело простудился и лежал один-одинешенек в холодной, нетопленной избе, не в силах встать с постели и выпить воды. Так и думал, что сохнет один.

Мокригин оставался на кордоне три дня. До тех пор, пока Зотов не оклемался. Кормил его с ложки, поил брусничным соком. Сходил в Пехенец, в аптеку. Принес горчичники. Николай Ильич лежал в постели слабый, но умиротворенный. Чувствовал, что дело идет на поправку, и с одобрением следил, как хозяйничает Мокригин. Думал уже без злости: «Ну что ж, Гриша всегда был на руку скор. Вспылчив. Да ведь никому, кроме его, я не нужен. Никто даже не спрашивал. А Гриша пришел. Сердцем, видать, почувствовал...»

И снова все завертелось по-прежнему, покатилося своим чередом. Выздоровев, Николай Ильич махнул на все рукой. Решил с горечью: «Не сложилась жизнь...»

К старым деревенским друзьям пойти не мог. Стыдился. Думал, что не простят ему подлости, совершенной в трудное время. По себе знал — не простят.

А новых друзей Зотов заводить боялся. Мокригин не советовал: «С новым другом выпьешь, отмякнет душа — проболтаешься. Тут же донесет».

Так и жил Николай Ильич, стараясь не думать о будущем. Пока был здоров — пил.

Но в последний год Зотов все чаще и чаще вспоминал с тоской свое родное Зайцово. Несколько раз он встречал в поезде зайцовских баб. Однажды даже заговорил с Полиной Аверьяновой, что жила в Зайцове через дом от него. Аверьянова с трудом признала Николая Ильича и все охала, жалостливо вглядываясь в

его лицо: «Эко жизнь поломала человека! Ведь и не узнать тебя, Коля, не узнать». Николая Ильича раздосадовали ее причитания. «На себя бы посмотрела, коcherыжка», — подумал он. На расспросы Аверьяновой, где он нынче осел, Николай Ильич ответил туманно: «Да есть тут одно местечко...» Желание выпрашивать односельчанку у него пропало. «Почему бы и не съездить туда самому? — думал он иногда. — Что было, то быльем поросло. Может, и забыли мои грехи. Не век же в клейменных ходить. Да и не один я из деревенских забран-то был!» Он начинал вспоминать, кто еще из зайцовских мужиков сидел в ту пору и за что, но утешения от этого было мало. Двоих взяли за злую драку, конюх Антоша сел за то, что пьяный спалил конюшню. Все были виноваты перед законом, но никто так не провинился перед односельчанами, как Зотов.

...Позавтракав, Николай Ильич разогрел вчерашнего супа собаке, старой лайке Дружку. Потом вынул из шкафа свой парадный костюм — купил его лет пять назад в Ленинграде, да почти совсем не надевал. Куда в лесу костюм? А в Лугу и в Ленинград Николай Ильич навещался редко. К Грише в Гатчину он ездил в робе. Сегодня повод надеть костюм был. Гриша пригласил отпраздновать день рождения. «В ресторан пойдем, Коля, — сказал. — Что мы, не заслужили или в карманах у нас совсем уж пусто?»

Съездить в Гатчину надо было и по другой причине. Вызывал директор лесхоза. Чего уж там стряслось, Зотов не знал, но под ложечкой тревожно сосало.

Костюм был как новенький. Коричневый с красной искоркой. Из ткани с громким названием «Ударник». Николай Ильич хорошо помнил, что отдал тогда за костюм сто тридцать рублей, а пятьсот, оставшиеся от очередной продажи леса, они пропили с Гришей. «Не стал ли узок? — с тревогой подумал он, надевая брюки. Костюм и впрямь был чуток узковат. — Огруз я, огруз». Николай Ильич надел пиджак и подошел к зеркалу. На него смотрел лохматый седой старик с широким морщинистым лицом, заросшим седой щетиной, с впалыми тревожными глазами, под которыми залегла нездоровая желтизна. «Надо в Гатчине в парикмахерскую забежать, — решил он. — Чегой-то вид у меня смурной, глаза вон как у дохлой рыбы». Он

снял костюм и сложил аккуратно в вещевой мешок. На себя натянул старый. Вышел в сарай, погладил жалобно заскулившего Дружка, взял широкие самодельные лыжи. На дворе уже светало. Николай Ильич запер дом, закинул за плечи мешок. Надев лыжи, глубоко проседая в снежной целине, скатился с пригорка вниз, оглянулся на утонувший в снегу дом с примороженными окнами и покатил дальше по еле заметной лыжне. Два километра он шел лесом, кое-где сбиваясь со старой лыжни и утопая в снегу, потом пересек большую поляну, оставив справа деревню Владычкино, и вышел наконец на тропинку, ведущую к станции. В лесу Николай Ильич снял лыжи, оглянулся и, шагнув с тропинки в сторону, сунул их в снег, обломав у большой елки лапу — для памяти. Где-то наверху стрекотала сорока. Николай Ильич проворчал: «Стрекотуха чертова, только и знает, что подглядывать!»

В Гатчине Зотов был в десять. Гриша уже ждал его — на столе весело посвистывал чайник, лежала всякая снедь: колбаса, сыр, большой кусок студня.

— Здорово, старче, — обрадовался Гриша. — Выбрался из своих лесов, прикатил колеса. Давай раздевайся, чайку попьем, погутарим. Я и с начальством договорился прийти попозже.

При упоминании о начальстве у Николая Ильича на лице появилась кислая гримаса. Он скинул ватник, разул ноги, кивнул на рюкзак.

— Там в мешке грибы... Беленьких тебе приберег.

— Ай да Коля, золото ты у меня, а не кореш, — радовался Гриша, доставая большую банку с грибами. — И костюмчик новенький прихватил! И корочки. Да мы тебя женим, Колюня, женим. Заживешь ты у себя в лесу припеваючи. Такую маруху найдем!

Николай Ильич, улыбаясь, слушал болтовню друга.

— Ну что у тебя, Григорий, за бардак на столе, — сказал он, усаживаясь и оглядывая приготовленную Мокригиным закуску. — Что у тебя, тарелок нет? Все на газете, на клеенке! Словно междусобойчик в зоне.

— Приехал чистоля из мшинских лесов, — усмехнулся Мокригин. — Подавай ему серебряную посуду. — Смеясь и балагурия, он достал из серванта красивые тарелки, вынул из холодильника бутылку водки: — По рюмашечке хватим, Коля, для затрав-

ки. Артподготовочка перед генеральным наступлением.

— Мне ведь к директору идти, — сказал со вздохом Николай Ильич. — Чего ему, черту, от меня надо? Для доброго дела ведь не вызвал бы.

— Забежишь к нему, забежишь. По магазинчикам потом пройдемся. Всюду поспеем, — ответил Гриша. — Ты у меня заночуешь. Заночуешь ведь, Коля? Никто там без тебя лес не покрадет? — И громко засмеялся.

Николай Ильич поднял стакан.

— Ну, Гриша, с днем рождения тебя. Дай бог тебе здоровья! Живи и здравствуй!

Гриша встал, подошел в Зотову, чмокнул молча в лоб.

...Потом они пошли по городу. Николай Ильич чувствовал себя не очень уютно. Вид у него был нелепый — на костюм пришлось надеть ватник, пиджак торчал из-под него, и рукава все время вылезали.

— Ты уж, Григорий, пройди по магазинам один. Купи мне, как всегда, отдельной колбасы батона три, селедки. Чаю поищи индийского. Ну и сам знаешь, — сказал Зотов Грише. — А я заверну в парикмахерскую и в контору. Там встретимся.

В парикмахерской работал всего один мастер, надо было ждать. Николай Ильич сел в кресло у маленького столика с газетами и журналами. Один из журналов был раскрыт на цветных вкладках. Что-то показалось Николаю Ильичу знакомым в деревенском пейзаже с маленькой белой электростанцией. Он притянул к себе журнал и долго-долго рассматривал картинку. Крутой песчаный берег с нависшими над обрывами соснами, заросшая кувшинками гладь реки и серые, крытые дранкой домики среди цветущей сирени...

— Клиент, вы стричься или читать пришли? — прозвучал у него над головой капризный голосок.

Зотов вздрогнул от неожиданности и быстро вскочил. Перед ним стояла молоденькая парикмахерша и смотрела на него с пренебрежительной усмешечкой.

— И стричься, и бриться, милая, — сказал он то-ропливо. — Да вот засмотрелся...

— Садитесь уж, — милостиво разрешила парикмахерша. — Как стричь? — Она ходила раздражающе медленно то за машинкой, то за простыней, то еще за

чем-то. Николай Ильич смирился. Сидел размякнув, всматриваясь в свое отражение в зеркале, и теплая волна жалости к самому себе постепенно накатывала на него. «И впрямь глаза как у дохлой рыбы, — думал он. — Старый, больной старик. Никому не нужный. Так и сдохну у себя в лесу, а сын никогда и не узнает, где моя могила. Гришка вон закопает...»

Парикмахерша постригла его, небрежно стряхнула на пол копну седых волос. Потом долго мылила ему лицо пенистым горячим кремом. Николай Ильич зажмурил глаза. Ему вдруг нестерпимо захотелось спать. Сидеть бы здесь и сидеть, ощущая, как ловко колдуют над твоим лицом женские пальцы. Он вспомнил вдруг картинку из журнала, которую только что видел. Она стояла у него перед глазами словно наяву. «Так это ж наше Зайцово! — подумал он. — Ну до чего же похоже!»

— Клиент, вы что дергаетесь? — привел Николая Ильича в чувство голос мастерицы. — Заснули? Я ведь так и порезать могу!

«Эх, надо бы журнальчик этот попросить у них, — подумал он. — Надо бы попросить. Рассмотрю на досуге. Нарисовал же кто-то!» На душе у него сделалось радостно. И когда парикмахерша спросила, делать ли компресс, он сказал весело:

— Давай, милая, делай. И компресс, и одеколоном побрызгай.

После бритья и стрижки Николай Ильич почувствовал необычное облегчение, какую-то приподнятость. В зеркало на него смотрел уже будто другой человек, помоложе годков на десять и чуток благообразней. И глаза не такие скучные. «Эх, живем еще, живем! — подумал Николай Ильич. — Гульнем сегодня с Гришей. Такому-то, как я, не грех и бабу пригласить. По-чаще надо из лесу-то выбираться». Даже мастерица, видать, подивилась, как преобразился под ее руками клиент. Она уже не смотрела так откровенно пренебрежительно, а спросила с заискивающей ноткой, всем ли доволен гражданин. А может, просто чаевые получить хотела...

Николай Ильич расплатился, дал ей двадцать копеек на чай и пошел одеваться. Принимая из рук гардеробщика свой ватник, он спросил его шепотом:

— Ты не уважишь меня, дядя, не разрешишь журнальчик забрать, а? Позарез нужен.

— Вы что, гражданин, — бесцветным голосом сказал гардеробщик, пожилой инвалид. — Если каждый клиент будет по журнальчику уносить... И так все порастащили.

— Да я не бесплатно, я заплачу, — заторопился Николай Ильич. Полез в карман и, вынув рубль, сунул инвалиду. Тот проворно спрятал рубль в карман и молча кивнул на столик с журналами.

В контору Зотов пришел в хорошем настроении. И даже долгое ожидание в приемной не испортило его.

Директор лесхоза, молодой еще мужчина, кряжистый, хмуроватый, долго смотрел на Николая Ильича. Видать, тоже почувствовал в старике перемену. Потом сказал, посуровев:

— Жалуются, Зотов, на тебя. По два, по три раза ходят на кордон люди, чтоб ты им делянку отвел. То на месте тебя нет, то занемог. Со Мшинской ведь дорога не ближняя...

Николай Ильич сделал смиренное лицо, но от сердца отлегло — боялся он, не прознал ли директор пролося. Стукнул он лосиху перед Николой зимним.

— Ну что ж молчишь, Зотов? — недовольно спросил директор.

— Да ведь что сказать-то, Анатолий Тарасыч, что сказать? Ясно дело, жалуются. На каждого не угодишь, — развел руками Николай Ильич. — Я ведь на кордоне не сижу. Все по лесу шастаю. У нас ведь глаз нужен — сто первый километр, живо машину с лесом налево вывезут. А мшинские-то все строятся. Где лесина плохо лежит, все норовят к делу приладить...

— Ну ты не загибай, Зотов, — перебил его Анатолий Тарасыч. — По твоему выходит, все там жулики да воры. Уж я-то знаю, сколько мшинские у нас леса покупают. И ты знаешь. Все чин по чину.

— Так опять же елки к Новому году рубали, — вставил Николай Ильич.

Но директор махнул на его замечание рукой:

— Станут в такую глушь за елками ездить! Я вот о другом думаю: не надоело ли тебе, Зотов, в лесу одному бирючить? Работаешь спустя рукава. — Он не-

много помолчал, глядя на лесника, и спросил уже более мягко: — Сколько уже стукнуло-то?

— Шестьдесят пять, Анатолий Тарасыч. Годы мои и правда немалые. Только все это напраслину на меня возводит. Анатолий Тарасыч, я, конечно, не тот, что прежде. Да ведь старый конь борозды не портит, — Николай Ильич сказал это чуть обиженно, с просительной ноткой. А сам подумал: «Вот идол, в сыновья мне годишься, а тыкаешь! Что мы с тобой, водку вместе пили?»

— Ну ладно, ладно. Закончим на этом. Но ты себе сделай заметку. Будут опять жаловаться — по-другому разговор пойдет.

Он расспросил Николая Ильича о том, как приживаются посадки, на какой площади сделана санитарная рубка. Не сохнет ли лес от подсочки, там, где берут живицу.

В конце разговора Николай Ильич, хитро улыбнувшись, сказал:

— У меня, товарищ директор, с осени берлога примечена. Лежит мишка — проверяю все время. Не выберетесь?

Анатолий Тарасович оживился.

— Берлога, говоришь? Это дело. Ох, хорошее дело! А не вспугнут? — с неожиданной тревогой спросил он.

— Не, не вспугнут. Я только один и знаю, даже с егерем не поделился. Приезжайте, дело верное, место глухое. По следу приметил я — большой мишка! Может, и с медвежонком. Только вы поспешите.

— Поспешу, поспешу, — директору явно пришлось по душе приглашение Зотова. — До берлоги-то далеко топтать?

— Да не так чтоб уж и далече, Анатолий Тарасыч. У меня и лыжи широкие есть. Для вас. Такую шкуру дома повесите!

Директор полистал календарь. Вдохнул.

— Все дела, дела... За приглашение спасибо. Как-нибудь выберусь. Лады, Зотов! — Анатолий Тарасович поднялся из-за стола. Крепко пожал леснику руку.

— Вы весточку только дайте, — прощаясь, сказал Николай Ильич. — Али я сам позвоню вам через пяток дней?

— Позвони. Выберусь обязательно.

...К Грише Зотов пришел улыбающийся, довольный.

— Ну и дела! — покачал головой Григорий. — Ты и впрямь никак жениться решил, жеребец? Тебя ведь такого стриженного и Дружок не узнает.

— Смотри! — развернул Николай Ильич журнал. — На мое Зайцово похоже. Как две капли!

Гришка взглянул на картинку. Сказал со вздохом:

— Было Зайцово твоим когда-то... Чего о нем вспоминать. Я уж думал, ты давно его из головы выбросил.

— Да ведь как выбросишь, — разочарованный реакцией друга, вяло протянул Николай Ильич. — Родные края.

— В краях этих родных мужички да бабы подумали о тебе, когда решили под суд отдать? Простить отказались! Вспомнил о тебе кто-нибудь, когда ты на Севере зону топтал? Родные края... Эх ты! Нету у нас с тобой родных краев. И родни нету, — в сердцах бросил Гриша.

— Да уж что верно, то верно, — прошептал лесник, — прости они мне тогда, вся жизнь у меня бы по-другому повернулась. — Он сложил журнал вчетверо и записал в мешок.

Весь вечер они провели в ресторане. Здесь было шумно, дымно от курева, пахло пережаренным мясом. У Николая Ильича с непривычки разболелась голова. А Гриша чувствовал себя здесь как дома. К их столику несколько раз подходили какие-то незнакомые Зотову люди, здоровались дружески с Гришей. Иных он усаживал рядом, приглашал выпить.

— Пятьдесят пять лет не каждый год человек справляет, — кричал он громко.

Николай Ильич с удивлением отметил, что Гришу здесь многие знают. И официант, молодой прилизанный парнишка с тонкими усиками, называл его почтительно по имени-отчеству: Григорий Иванович. «А говорит: «Как и ты, бирюком живу: ни друзей, ни знакомых». Николаю Ильичу было неприятно и немного грустно оттого, что у его старого друга Гриши есть какие-то иные, свои интересы, что он здесь бывает в ресторане, да и еще, наверное, в разных местах. «Может, даже поселится в компаниях, — подумал Николай Ильич, но тут же отогнал эту завистливую мысль. — Так ведь ему без этого не обойтись. Клиен-

тов на лес искать надо, застройщиков всяких. А такие дела где закрепляются? В ресторане».

— Коля, кореш ты мой. — Гриша уже изрядно захмелел, глаза у него сделались маленькими, блестящими. — Коля, старые мы с тобой хрычи. Окурки. Никому-то мы не нужны. Ну, ничего, сами за себя стоим... Годика через три займем домик на теплом море, участок свой. Заживем другим на зависть... Отогреем старые кости.

— Да уж ты-то чего в старики записываешься, — не соглашался Николай Ильич. — Пятьдесят пять лет для мужика — самый цвет! Вот только облысел ты изрядно. А помню, в колонии я тебя приметил... Молодой ты еще был. И злой. Ровно зверь. А вот приглянулся мне чем-то! И сам не знаю чем.

— Эх, Колюн! Не вспоминай, старик, не трави душу, друг ты мой меченый. Выпьем давай за дружбу... Тут опять станичник приезжал, — перешел он на шепот. — Нужно еще сто кубов. Документы в полном ажуре. Если эти кубики мы сварганим, считай, что полдома у нас в кармане. Отвесят они нам косуху.

— Много сто кубиков-то, — встревожился Николай Ильич. — Ведь это ж не воз ольхи, сколько я тебе твержу. Тарификация будет — и дурак заметит. Кончать надо с этим. Нету моей мочи.

— Документики, документики у станичника в ажуре, дурья голова, — буркнул Гриша. — Я все это проведу через лесхоз. Ну как ты понять не можешь: ведь законно все, законно.

— Чего же они тогда косуху отвалить обещают, — устало сказал Николай Ильич, — ежели законно! Ты мне-то не крути. Я и сам бухгалтерией занимался. А куда попал?

— Да ведь просто фондов у них нет, у этих станичников. Не отпущены фонды на этот год. Да и лес строевой не положено им продать. А мы оформим. Чудило! Это не то что в прошлые разы. Чистое дело. Я тебе, Коля, не зря толкую, будет у нас домик на теплом море. И на книжке деньжата будут...

Иметь домик на теплом море — это была давнишняя их мечта. В колонии, на лесоповале в Архангельской области, укрывшись износившимся, совсем не греющим одеялом, прижавшись друг к другу, мечтали они морозными ночами о том, как, закончив срок,

уедут в теплые края, на Черное или Азовское море, купят маленький домик, разведут огород и заживут теплой и сытой жизнью.

Когда Гриша из колонии выходил, сговорились они, что поедет он на Кубань, будет присматривать недорогой домик. Но вскоре Николай Ильич получил от него весточку из Гатчины. Друг звал туда. «Домики, Коля, нынче в цене, — писал он. — Да и поиздержался я в дороге. Надо подкопить деньжат, а там уж и двинем».

На Кубани обзавелся Гриша нужными знакомствами, обещал кое-кому помогать по части леса. Нужда в лесе всегда большая.

...Они пили много. Гриша заказал еще и шампанского, и Николай Ильич, прислушиваясь к звукам музыки, любясь на танцующих, вспоминал о своем лесе как о чем-то совсем-совсем далеком и почти нереальном. Он чувствовал себя молодым, сильным, уверенным в себе. «Пригласить потанцевать, что ли, кого?» — подумал он, приглядываясь к женщинам, сидящим за соседним столиком. Но не решился. Шутка ли — не танцевал лет двадцать пять.

— Что, старик? Мы еще гулять можем? — подливая себе в шампанское водки, бормотал Григорий. — Нас, Колюн, еще рано в расход пускать!

Он выпил залпом и вдруг, глянув в глаза Зотову тревожным взглядом, сказал:

— Эх, Колюн, пристань ты моя зимняя! И что я буду делать, когда ты загнешься? Ведь стар, скотина! — Лицо его сморщилось. Он весь напрягся, сжал кулаки и неожиданно завыл, закусив нижнюю губу: — У-у-у, гады...

Николай Ильич перепугался и судорожно вцепился Григорию в руку. Он еще по колонии знал, что в такие минуты от Мокригина добра не жди — того и гляди начнет драться и крушить все подряд.

— Гришуха, Гришуха, остынь! Замри! — увещевал Николай Ильич, ощущая, как набухла мускулами Гришина рука.

Люди за соседними столиками начали оглядываться.

Мокригин обмяк и навалился грудью на стол, сцепив руки на затылке.

— Эх, Колюн, гады кругом, гады, — зашептал он громко. — Так и рыщут, так и рыщут. Только ты, ста-

рик, и остался у меня. — Он поднял голову, налил водки и выпил залпом. — А ведь и мы, Колюн, в людях ходили! И у нас от кирюх отбою не было!

— Ладно, Гриша, ладно, — ласково уговаривал Мокригина Николай Ильич. — Плюнь ты, Гришуха. Чего ерепениться! Наше дело такое — возок-то с ярмарки. Откукарекали свое.

— Ты, может, и откукарекал, петух, а я еще своего не взял, понял?

Мокригин выпил еще рюмку и совсем запьянел. Глаза у него сделались бессмысленные, он начал приставать к соседям, и Николай Ильич с трудом увел его из ресторана.

12

Утром Николай Ильич едва встал. Во рту было горько, словно эскадрон казаков ночевал. Голова кружилась. Гриша уже ушел на работу. Оставил на столе записку: «Коля, шамовка в холодильнике. Забирай подчистую». Николай Ильич собрал свой вещмешок, вытащил из холодильника закупленные Гришей продукты. Есть ему не хотелось. Налил только водки из початой бутылки и, крикнув, выпил. Но легче не стало. Уже одевшись, он прошелся по комнате. Постоял у серванта, разглядывая фужеры, рюмки. «Эко накупил Гришка Собачник! Кто бы подумал». В колонии Мокригина звали Собачником за то, что однажды на лесосеке он подманил коркой хлеба собаку, видать, отставшую от охотников, и, убив ударом топора, варил в своем котелке целую неделю.

В вагоне Зотов вспомнил про журнал и с трудом разыскал его среди пакетов с продуктами. Теперь уж он повнимательнее рассмотрел все картинки. Их было четыре. И на одной была деревня, очень похожая на его Зайцево. Только подпись какая-то чудная: «Т. Алексеев. Воспоминание о прошлом». На других картинах были изображены незнакомые места — живописные домишки на песчаном берегу моря. А подпись под всеми одна — Т. Алексеев. Николай Ильич стал листать журнал и вдруг остолбенел: с маленькой фотографии на него смотрел сын, Тельман!

«Да как же это? — прошептал старик. — Тельман, сынок. Откуда?» Он хотел прочитать, что там было на-

писано, но глаза застилала пелена, и он ничего не мог разобрать. Буквы рассыпались, расплывались, и, как ни тер Николай Ильич глаза, ничего не мог разобрать. Наконец он немного успокоился, пришел в себя. Повернув журнал ближе к свету, начал медленно читать. Небольшая заметка называлась «Дороги художника Алексева», а речь шла о его Тельмане, о Тельмане Зотове! «Ну почему же здесь написано «Алексеев»? — недоумевал Николай Ильич. — Вот ведь даже и отчество — Николаевич. Да и под картинами тоже стоит: «Т. Алексеев». И вдруг понял: фамилию-то материну взял. Не захотел отцову носить. Не простил!..

Жгучая обида душила его. Не хотелось ни думать, ни двигаться — вот так бы все ехать и ехать, ни с кем не разговаривая. На Мшинской он вышел как в полусне. На платформе с ним кто-то поздоровался, Николай Ильич кивнул машинально, даже не посмотрел, кто это был.

Он шел по знакомой, тысячи раз исхоженной тропинке, не глядя под ноги, и то и дело оступался в глубокий снег. Ветер глухо гудел в вершинах елей. Постепенно привычный шум, и мерцающие снега вокруг, и поскрипывающая под ногами тропинка успокоили его. Обида его поутихла. А на место ее пришла горькая мысль: а не сам ли он виноват в том, что разошлись они, разлетелись они с сыном по разным дорогам? Ну поссорились, крепко поссорились они в августе сорок первого. Да что из того? Разве это на всю жизнь — ссора отца с подростком-сыном? Ведь добра же, добра хотел он Тельману. От смерти уберечь хотел!

Что было, то прошло. Так почему же потом, после войны, не разыскал он сына, единственного во всем белом свете родного ему человека? Не разыскал, не посмотрел ему в глаза, не попросил у него прощения. Ведь сын простил бы. Простил бы, это Николай Ильич твердо знал. Родная кровь!

Как много могло измениться тогда! И жизнь могла пойти совсем не так, как пошла. Да разве попал бы он в тюрьму, если сын стоял бы рядом? Сын — опора, надежда. Смысл жизни. Николай Ильич вдруг опять вспомнил, как провожал Тельмана в пионерлагерь. Он уж тогда был ему помощником! Нет, не зря они с матерью называли его в честь Эрнста Тельмана!

«А может быть, и не со зла поменял Тельман фа-

милию, может, жизнь заставила? В жизни каких только передрыг не случается — можно и имя свое забыть, не только фамилию. Отчество ведь сын не сменил? Николаич ведь, Николаич!»

Эта мысль успокоила его и утвердила в решении узнать в справочном бюро адрес и послать ему письмо.

Ответ из адресного бюро пришел быстро: «Алексеев Тельман Николаевич проживает постоянно в городе Ленинграде, улица профессора Попова, дом тридцать восемь, квартира 14».

13

Через несколько дней неожиданно приехал Гриша Мокригин.

«Что-то случилось, — испугался Николай Ильич, вглядываясь в хмурое лицо друга. — Ох, не ровен час, о продаже леса дознались?! Не собирался ведь он так скоро».

А Гриша болтал о разных лесхозовских мелочах и сплетнях как ни в чем не бывало, будто только ради этого и приехал. Но глаза смотрели тревожно. Так тревожно смотрели глаза, что Николай Ильич не выдержал и, сам заражаясь тревогой, спросил:

— Да не тяни ты, черт! Чего стряслось-то?

— Чего у нас может стрястись? Соскучал — вот и прикатил. Невмоготу мне. С утра до вечера только и слышишь: рубли, проценты, выполним — перевыполним. Тошно. К тебе в лес приеду — душу отвожу. Будто снова родился. — Он подмигнул Зотову, вытащил из мешка бутылку водки. Но Николай Ильич чувствовал: беспокойно у друга на душе. Хорохорится для вида. Уж он-то Гришу знает — не первый год знакомы. «Ну да ладно, поиграйся, надоест — сам расскажешь», — подумал он. Достал из подпола грибков, поставил картошку варить.

Они сидели допоздна, балагурили о том, о сем. Вспомнили свою жизнь в колонии. Колония была строгого режима, магазин — один раз в месяц. Посылки ни Зотову, ни Мокригину никто не присылал. Бывало, раскурят одну на двоих самокрутку, сядут на поваленную сосну да размечтаются: «Эх, сюда бы картошечки горячей рассыпушечки да кусок хлеба...» — «Да шмат

сала», — подскажет кто-нибудь. А уж если совсем разойдутся, то и соленые грибы помянут. Это уж вышший смак. Предел мечтаний. Домечтаются до спазм в желудке, пока не крикнет бригадир: «Кончай ночевать. Нава-а-лись!»

Николай Ильич постепенно успокоился, а может, водка подействовала. Только решил: знать, и вправду ничего не приключилось. Мало ли чем Григорий был расстроен поначалу.

Когда они легли спать и Зотов задул лампу, Мокригин сказал мечтательно:

— Хорошо тут у тебя, Коля, ей-богу, хорошо. Так сердце успокаивается. А ты Зайцово вспомнил! Картинки увидел! Да разве ты жил в Зайцове в таком спокойе?

Николай Ильич вдруг спохватился: «Что же это я про Тельмана Грише ничего не сказал? Вот ведь гусь! Все думаю, дай скажу, дай скажу, а не сказал».

Сказать-то он хотел, сразу хотел сказать, едва Григорий порог переступил, да медлил. Словно кто оставливал его.

Николай Ильич поворочался на кровати и, наконец решившись, сказал:

— Гриша, а ведь те картинки, ну что в журнале я тебе показывал, — их Тельман рисовал. Сын.

Мокригин молчал.

— Ты слышь, Григорий, — позвал Николай Ильич.

— Слышу, — как-то отрешенно ответил Мокригин. — Сыскался, значит.

— Вот ведь как жизнь-то распорядилась, — сказал задумчиво Николай Ильич. — Я думал, загинул он. С войны ведь, с сорок первого, ни одной весточки не было, а он в художники вышел. Недаром мальчонкой рисовать любил. Только фамилия у него другая, Гриша. Не Зотов он.

Гриша вдруг расхохотался.

— Да с чего ты, старик, взял, что это твой сын? Мало ли Тельманов на свете. И почудней имена есть! А ты заладил: сын, сын! Рассусоливаешь мне про него...

Николаю Ильичу было обидно слушать Гришин смех. Он сказал:

— Мой это Тельман, Гриша. Портретик там есть. Точно мой. Да и написано: Тельман Николаевич.

Только Алексеев. Материну фамилию взял. Может, чего случилось? Пятнадцать ему было, когда с пленными солдатами от немцев бежал. — Зотов тяжело вздохнул. Воспоминания его одолевали. Горькие старческие воспоминания. Он долго ворочался, потом снова заговорил:

— Вот что мне интересно — женат он или нет? Да уж, конечно! — сам же себе ответил Зотов. — Сорок пять в нонешнем мае будет. Дак ведь я, Григорий, наверняка дед! — оживился он. — Дед я, Григорий. А может быть, и прадед даже. А что? Ежели он, как и я, в девятнадцать поженился. Тельман-то у нас с Василисой рано появился, ой как рано. Ой, гуси-лебеди, прадед! Слышь, Гриша? Прадед.

Мокригин молчал.

— Я, Гриша, решил написать ему и адрес уже разузнал. Что старое вспоминать? Жить-то всего ничего осталось. Заснешь когда-нито и не проснешься.

— Забыл, значит, ты все обиды, забыл, как тебя из-за сына твоего, щенка, фрицы чуть в расход не пустили? — неожиданно зло рявкнул Мокригин. — Он от тебя убег, на смерть оставил, а ты... Он тридцать лет о себе знать не давал! Сам ведь мне столько раз плакался. Ты что думаешь, не знал он, что папаша у него по тюрьмам да колониям восемь лет от звонка до звонка отыщачил? Держи карман шире! Как миленький знал. Уж он-то в Зайцово твое распроклятое не раз, видать, съездил. И не хотел бы, дак землячки твои все ему рассказали. В лучшем виде.

«Чего он так злится? — удивился Николай Ильич. — Чудак человек!»

Словно спохватившись, Мокригин смолк. Потом сказал уже спокойно:

— Я, Коля, тебе и вчера говорил: выбрось из головы эти фокусы-мокусы. Деревенька моя — ах, ах!.. Сынок теперь сыскался... Прожил полжизни без земляков и без сына — и еще проживешь. Без друга — никогда. Нет жизни без верного кореша. Нет опоры. А землячки, детки — фить, разлетелись в разные стороны, кричи — охрипнешь! — Он заворочался в кровати так, что пружины застонали. Достал со стула папиросы. Закурил.

— Я вот, Коля, в детдоме вырос. А где родился — не знаю. И не интересуюсь. Без роду, Коля, я и без

племени. Сколько себя помню — все с места на место кочевал. Из детдома в детдом. И никуда меня не тянет. Знаешь, как говорится, рос мал, вырос пьян, ничего не знал. — Григорий громко, натужно захохотал. — А спросят меня, откуда я, — «Отовсюду», — отвечу.

Потом они долго лежали молча. Николай Ильич курил, думал. И, уже совсем засыпая, сказал мечтательно:

— Нет, Гриша, что ты ни говори, а напишу я сыну письмо.

Мокригин не ответил. «Наверное, уже спит, — подумал Николай Ильич. — Ну да бог с ним. Проспится — отойдет. И чего он разошелся?»

Но утром Григорий встал хмурый. Молча поел картошки, поджаренной с лосятиной, выпил полстакана водки. А когда оделся и собрался уходить, сказал:

— Ты вот что, Коля, поступай как знаешь. Только я тебя родным считал. Надеялся, что друг за друга держаться будем. А ты... — Он посмотрел на Зотова долгим тяжелым взглядом. — Смотри, Колюн, не прогадай. Ты меня знаешь... Пошлю письмо прокурору, а сам слиняю. Я-то крышу везде найду. А вот как ты с сынком встретишься? Сдохнешь в тюрьге. Тебе и трех лет хватит.

Повернулся и ушел, хлопнув дверью и пнув в сених подбежавшего приласкаться пса.

— У-у, разбойная рожа, — прошептал Николай Ильич, глядя из оконца на удаляющуюся фигуру Мокригина. «Сдурел мужик. Будто белены объелся. «Я тебе друг, я тебе друг!» А как поперек что скажешь, того и гляди в рожу заедет. И откуда он свалился на мою голову? И чего ярится?»

Зотов долго сидел не двигаясь, тяжело навалиясь на стол. Глядел пустыми глазами сквозь замерзающее оконце на темный ельник, где только что скрылся Григорий. Ледяные мохнатые веточки незаметно, будто сами собой, рисовались на стекле, сплетались в причудливые узоры, постепенно закрывая от Николая Ильича белую поляну с небольшим стожком и синеющий в рассветной мгле лес.

«Не доведут меня до добра мои думы, — вздохнул Зотов, оторвав наконец взгляд от заледеневшего

окна. — Делом надо заняться». Он убрал со стола и сел подшивать валенки: давно собирался, да все было недосуг. Николай Ильич принес из кладовки кусок войлока, вар, дратву. Сапожный нож оказался туповат, и старик долго точил его на бруске. Ему вспомнилось, как он познакомился в колонии под Архангельском с Гришей. Гриша только что прибыл из пересыльной тюрьмы и сразу же проигрался в карты. Наутро он отправился на работу в лес, напялив на себя несусветное тряпье. На ногах у него болтались голенища от валенок, а на ступни были намотаны прикрученные веревкой тряпки. Вечером Николай Ильич стал свидетелем того, как, прижав в углу барака совсем молоденького плачущего паренька, Мокригин сдрючивал с него старенькие валенки. Зотову стало жаль мальчишку, и он сказал Грише:

— На что позарился? Через два дня будешь голыми пятками сверкать... А из твоих голенищ я фартовые валеночки слеплю. Сноса не будет.

Мокригин глянул на него зверем. Спросил:

— Сколько паек?

— За так сделаю, — махнул рукою Зотов и за вечер смастерил Грише из голенищ приличную обувь. Батина школа пригодилась — Илья Куприянович Зотов был лучшим сапожником на всю волость.

Николай Ильич подшивал валенки и вспоминал про колонию, про то, как сошлись они с Гришей. Тогда разница в годах была особенно заметна. Это сейчас она почти стерлась, не чувствуется. А в то время Мокригин против Николая Ильича совсем мальчишкой выглядел. Зотов подумал о том, что в первое время их знакомства, глядя на Гришу, все сына вспоминал. И нет-нет да рождалась тревожная мысль: «Ну как и сын по кривой дорожке пошел? Так же, как этот Гриша Собачник, сидевший за грабеж». Только раньше злость на Тельмана все другие мысли пересиливала. Вспомнит, погорюет, да и снова забудет надолго.

Чего уж стал покровительствовать ему Гриша, Николай Ильич в толк взять не мог. Да и задумываться не хотелось. Сдружились — и ладно. Может, оттого, что родителей Мокригин не знал? А может, из-за того, что Николай Ильич всегда был ровным, спокойным, не обижался на злые Гришины выходки.

Он подумал об этом, и сейчас жалость к Мокригину

шевелинулась в нем, но тут же погасла. «Женился бы и жил спокойно», — подумал Николай Ильич, хотя раньше любая мысль об этом вызывала в нем легкое чувство ревности.

Николай Ильич всю ночь не находил себе места. Вставал, закуривал и, накинув на плечи телогрейку, ходил бесконечно по комнате, вздрагивая от скрипа половиц. Дружок, чувствуя, что хозяин не спит, жалобно повизгивал в сенях.

Под утро он затопил печь, чтобы хоть как-то занять время, отвлечься. И долго сидел у огня, глядя, как пожирает пламя сухие березовые поленья, машинально подбирая отскочившие угольки и бросая их снова в топку.

«Ну что же делать? Что делать? — никак не мог решить он. — Писать Тельману или нет? Ведь Гриша такой — на все способен!»

Чуть занялся рассвет, Николай Ильич надел лыжи и отправился в Пехенец, на почту. Купив конверт с маркой, он уселся за маленький столик, забрызганный чернилами и замазанный клеем, и долго сидел над чистым листом бумаги, пока наконец не вывел: «Здравствуйте, Тельман Николаевич...» Он написал письмо, заклеил конверт и поинтересовался у почтальонши, когда отправка. Оказалось, что через полчаса машина увезет почту на Мшинскую. «Что ж, завтра-послезавтра, должно быть, получит Тельман», — прикинул Зотов и подумал: а не позвонить ли Грише? Может, отмяк его друг-приятель?

Николай Ильич заказал разговор с Гатчиной и долго ждал, пока соединят. Кроме него, на почте не было ни одного посетителя. Сонная тишина стояла в комнате. Время от времени начинал стрекотать телеграф, да вполголоса обсуждали какую-то Люську телефонистка и еще одна востроносая очкастая девица, наверное, завпочтой. Резкий звонок заставил Николая Ильича вздрогнуть. Телефонистка молча протянула ему из-за барьера трубку.

— Кто? — отрывисто прозвучало в трубке. Это был голос Мокригина. Он всегда говорил по телефону деловито и важно. Николай Ильич никак не мог привыкнуть к этому и молчал, растерянно соображая, чего бы

ему ответить. Вот и сейчас он помолчал чуток, потом спросил, сдержанно кашлянув:

— Григорий?

— Говорите, — буркнул Мокригин. Видать, не признал Зотова.

— Григорий, это я, Николай.

— А-а, Колюн! — наконец узнал Мокригин. — Здравствуй!

Он сказал это с растяжкой, и Николай Ильич уловил недобрые нотки в голосе друга. «Сердится», — подумал Зотов и вздохнул.

— Ты чего молчишь, Колюн? — спросил Мокригин. — Как дела?

— Да все нормально, — скучным голосом ответил Николай Ильич. Он уже жалел, что позвонил. — Сыну вот письмо отправил...

Мокригин несколько секунд молчал, будто собирался с духом, наконец выдавил сиплым голосом:

— Не послушал, значит, друга. Я тебя предупреждал, Колюн. Спокойной жизни не жди! Сыночку расскажу про твоё жите-бытие: откудова денежки у бати завелись под старость. И ещё кой-куда стукнуть могу. За мной не задолжится... — Он вдруг осекся. Видать, кто-то вошел в комнату. И продолжал уже спокойным, даже веселым голосом. — Так нам, дружище, есть о чем поговорить. Ты меня послезавтра жди с трехчасового. Жди! Погутаим.

И повесил трубку.

Николай Ильич грустный поплелся к себе на кордон.

Эти дни он делал все машинально, словно в полусне. Отвел двух лужских мужиков на делянку, поместил, что рубить. У мужиков был выписан наряд на строевой лес. Потом спохватился: а вдруг приедет Тельман, а на кордоне запустение, разор. И так в холостяцком доме никогда порядку не было, а последнее время он и вовсе не занимался своим хозяйством: на кухне грязь, гора неделями не мытой посуды. В комнате все валяется как попало, пол грязный, заплесанный. Николай Ильич согрел ведро воды, вымыл, выскреб ножом полы, убрал всю лишнюю, накопившуюся годами рухлядь в кладовку. В доме стало сразу уютнее, и у Николая Ильича посветлело на душе.

Он снова и снова думал о сыне. Представил, как

сядут они с Тельманом за стол и будут говорить о врозь прожитых годах. Сколько же им надо вспомнить! А потом он поведет сына в лес, покажет самые заповедные, самые красивые уголки. И на медведя они сходят вместе. Подумаешь, директору пообещал! Обойдется. Поводит его по лесу, поводит — нету, ушел мишка. Мало ли кто вспугнул?! А уж с сыном-то они достанут косолапого. Весной отвезет он Тельмана на Вялье озеро, где на маленьком островке токуют тяжелые сторожкие глухари, покажет Орелью Гриву и тетеревиные тока за Владычкином. Как они бурлят ранним весенним утром, когда лес и поляны еще скрыты густым туманом! Полюбится здесь сыну, ей-богу, полюбится! Эх, только бы он ответил на письмо. Только бы не держал на сердце зло. Отец же он ему, родная кровь! Получил ли сын письмо? И о чем подумал?..

А может быть, Тельман женат и у него дети, семья? Ну и что же, что семья? И внукам нужен дед. Он был бы добрым, заботливым дедом. Как весело стало бы летом у него на кордоне, поселись здесь Тельман с детьми! Он, Николай Ильич, водил бы ребят в лес, а Тельман сидел где-нибудь в самом заветном местечке, рисовал. Вон какие красивые его картины напечатали в журнале! Заглядишься. Да и не всякого небось печатают в журнале. Наверняка не всякого.

Ну и зачем им старое вспоминать? Зачем? Кто старое вспомянет... Да и жизнь прошла, и Тельман не мальчик, время ли в прошлом копаться?

Думал так Николай Ильич, и на душе у него теплело. Но потом вдруг вставало перед ним злое лицо Мокригина, и все светлые мечты расплывались, и оставалась одна горечь и тревога. И тревога эта с каждым часом усиливалась и усиливалась.

В тот день, когда обещал приехать Мокригин, Николай Ильич совсем упал духом. Временами он чувствовал такую слабость, что мутилось в голове. Хотелось лечь, закрыть голову подушкой и не шевелиться, не вставать, не думать ни о чем.

Ну что ему, Гришке, Тельман? В дом, что ли, просятся? Что плохого, если у твоего друга нашелся вдруг сын? Почему не радоваться вместе? Ведь у них-то ничего не изменится. Почему, спрашивается, Гришка так разозлился, когда узнал, что Николай Ильич хочет разыскать сына и помириться с ним? Может,

думает, что не смогут они теперь лес на сторону продавать? Так ведь давно уже сказал Николай Ильич: последний раз уступил ему — и амба. Не тот возраст, чтобы снова в тюрьму.

«Ах, Гришка, Гришка! — вздыхал Николай Ильич. — Неужели решил ты, что наши общие денежки делить я с тобой буду? Тьфу, денежки. Если бы Тельман весточку прислал, если бы выпало такое счастье — зачем мне эти денежки? Прожил бы я вместе с сыном и без них. Да и о чем разговор — вилами еще все на воде писано, не откликнулся сын и, может так стать-ся, не откликнется. — Но тут же он себя одергивал: — Нет, нет, такого быть не может! Разве оттолкнет он старого, больного отца?

А Гришка-то хорош: «Все твоему сыну выложу, все. И про то, что сидел, и про то, как сидел! И о том, что лес воруеть долгие годы». Ну, положим, что сидел — зачем скрывать? От тюрьмы да от сумы грех зарекаться. А коли и вправду он про лес скажет? Нужен Тельману такой отец? Сын человек известный, уважаемый, ему грехи отцовы не медаль на грудь. Да ведь Гришка-то окаанный, лихой человек, он и прокурору заявит. Подкинет письмишко, а самого ищи-свищи. Денежки наши общие в карман, а сам в края далекие.

И откуда этот цепной пес на мою голову свалился? Бухгалтер чертов! У него небось и четырех классов не кончено. А сумел пристроиться. Меня так ближе сто первого к Питеру не подпустили, а Гришка в Гатчине осел, — со злостью думал Николай Ильич. — Чего он всех ненавидит? Чего таким злым уродился? Жизнь с ним зло поступила? Несправедливо? Ну, рос без отца, без матки... Да ведь мало ли сиротства на белом свете?! Вон после войны сколько сирот осталось! А ведь людьми выросли... Нет, тут что-то другое у Гришки. Может, оттого, что слабый в детстве был и каждый им помыкал? А потом нож в руки взял и увидел, что бояться? Силу почувал. Эх-ха-ха! Вот она, жизнь, что с человеком делает. И ведь отмяк он нынче, отмяк. Поглаже стал. А тут снова! Ну что ему Тельман? Ровно как кость в горле».

Голова раскалывалась от этих дум. Временами ему казалось, что он напрасно послал письмо сыну. Может быть, и впрямь не стоило писать? Прожил же он столь-

ко лет без Тельмана. Скоротал бы с Гришей Мокригиным и те немногие годы, что остались. Вон сам Гриша — один как перст. А не горюет. И не зря говорит ему, Николаю Ильичу, что ни друзей, ни близких, кроме него, нет. Но такие мысли приходили и уходили, а осталась одна жгучая боль под сердцем. Да зрела злость на того, кто встал на пути к сыну.

В полдень, когда до приезда Мокригина оставались считанные часы, Николай Ильич вдруг понял, что Гришка не отступит от задуманного. Он вспоминал долгие годы своего знакомства с ним, мелкие, на первый взгляд ничего не значащие случаи из их житухи в колонии, всю их последующую вольную жизнь, и чувство незащитности перед Мокригиным охватило все его существо. Нет, Гришка никогда не отступался от задуманного. Что-то в нем было такое, что заставляло людей подчиняться ему. Николай Ильич считал, что только ему повезло на дружбу с этим суровым, может быть, даже жестоким человеком, но сейчас ему показалось, что и его дружба с Мокригиным была лишь щепочкой уступок, уступок его воле, его желаниям. Он опять вспомнил историю с собакой, и ему стало страшно, оттого что не послушался, поступил, может быть, в первый раз по-своему. Да ведь как иначе-то поступить? Сын же, сын родной отыскался!

...Николай Ильич посмотрел на часы. Половина второго. Мокригин приедет трехчасовым поездом. Он всегда был верен своему слову.

Николай Ильич надел телогрейку, вышел в сарай. Там, в ловко выдолбленном трухлявом бревне, он прятал старенький трофейный карабин, купленный по случаю несколько лет тому назад у одного заезжего мужика. Он даже и не купил его, а поменял на десяток добрых бревен. Изредка, лишь в самых крайних случаях, он доставал карабин, чтобы завалить лося. Да и то когда был уверен, что егерь в отъезде. Вот только с патронами последнее время было плохо. Негде достать. Николай Ильич проверил обойму — оставалась последняя.

Начиналась метель. Низкие белесые тучи медленно разворачивались над лесом, а за ними темнели другие. На небе не было видно ни одного просвета. Холодный ветер пронизывал насквозь, и Николай Ильич почувствовал, что его начинает бить мелкая дрожь. Он при-

бавил шаг, но лыжи утопали глубоко, и идти было трудно. Зато он скоро согрелся. Николай Ильич не беспокоился сейчас о том, что будет. Ему казалось, что теперь все образуется. И Мокригина ему было не жаль, совсем не жаль. И хорошо, что метель. Небось к ночи такая разыграется, что никаких следов не останется. Но он не пошел напрямик к той тропе, что вела со станции к Владычкину и по которой всегда ходил Мокригин. Время еще имелось в запасе, и от кордона он уклонился в сторону, старался идти по открытым местам: быстрее занесет следы. Делал он это не задумываясь, как будто даже ненамеренно. Шел и шел, останавливаясь передохнуть, и минута от минуты росла в нем злость на Мокригина, из-за которого приходится вот тащиться по глубокому снегу, вместо того чтобы ждать письма от сына, сидя в тепло натопленном доме...

Впереди, метрах в пятистах, чуть заметной серой полоской выбегала из лесу тропинка, ведущая со станции во Владычино. Ходили по ней редко. Да и кому ходить-то? В деревне осталось всего несколько домов, и только две-три владыччинские бабы торили тропинку к станции. Да и то не всегда. Когда повезет, предпочитали добираться с попутной машиной, что приезжала то за сеном, то еще по каким делам.

Времени было без пятнадцати четыре. Мокригин ходил быстро, Николай Ильич со своей короткой ногой с трудом поспевал за ним, когда они ходили вместе.

Он стал за маленькой елкой, осторожно отвел затвор, загнал патрон в патронник. Он был уверен в себе — стрелял всегда без промаха. А там пусть думают-гадают. Мало ли по лесу охотников шастает. Пуля — дура.

Николай Ильич почувствовал, сердцем почувствовал, что Мокригин вот-вот появится из бора. Перехватило дыхание и чуть дрогнула рука, когда он поднял карабин примериться. Но справился с охватившим его ознобом, глубоко вздохнул и тут же увидел идущего, Гришину мохнатую рыжую шапку. Еловый подрост почти скрывал фигуру Мокригина. Николай Ильич видел только голову да успел разглядеть вещевой мешок за спиной. «Небось продуктов несет своему дружку Коле», — мелькнула злорадная мысль, и он нажал на курок.

...Он пришел из лесу в потемках, совсем обессиленный. Спрятал карабин. Но на душе у него было спокойно. словно стрелял не сам он, а кто-то другой: понял его страдания и горе и сжалился над стариком, открыл ему дорогу к сыну. И он, спаситель, и грех на душу взял.

Николай Ильич не сомневался в том, что Гриша Мокригин мертв. Ну и что ж, что он не видел его мертвым. Случись это, ему, может быть, и тошно стало, и совесть его начала бы мучить. А так — был Гриша, и нету. Только выстрел отдался эхом по перелескам. А что Тельман еще не написал, так это не страшно. Еще напишет. Да и сам он, Николай Ильич, съездит к сыну. Непременно съездит. Завтра же. У него теперь время есть. Уж они-то вдвоем разберутся во всем, уж они-то найдут дорожку друг к другу. А Гриша теперь не помешает.

Впервые за несколько дней Николай Ильич хорошо спал.

На следующее утро он зашел в Пехенец на почту. Письма опять не было, и Николай Ильич отправился на Мшинскую, на электричку. О Грише он и не вспоминал, только, когда проезжал Гатчину, кольнуло сердце тревогой. Но он успокоил себя. Вот и в Пехенце никто ничего пока не знает: где-где, а на почте-то уж наверняка знали бы.

Он ехал к сыну с твердой уверенностью, что все у него устроится. Нет, хватит терзаться в одиночестве. Что он за размазня такая? Надо же решиться! Не может такого произойти, чтобы не признал его сын. Не может.

15

...Тельмана дома не оказалось. Сколько ни звонил Николай Ильич, за дверью было тихо. Он решил где-нибудь перекусить и зайти позже. «В крайнем случае с последней электричкой уеду. К ночи-то небось вернется, — успокаивал он себя. — Мало ли какие дела! На службе задержался».

Он долго ходил по городу, останавливаясь у красивых витрин магазинов. Нарочно оттягивал время, чтобы прийти уж наверняка, обязательно застать сына. На Неве, у Петропавловской крепости, Николай Ильич

приметил художника с мольбертом и долго стоял поодаль, разглядывая, чего он там рисует. Город был затянут сырым, противным туманом, и на холсте у художника слоился туман, а в просветах намечались зыбкие контуры Зимнего дворца. Николай Ильич стоял молча, затаив дыхание, боясь привлечь внимание художника и рассердить его. Он с какой-то затаенной гордостью думал: «Вот и мой Тельман художник и так же, наверное, стоит где-нибудь, рисует, а люди почти-точно рассматривают его картины. И наверное, Тельман хороший художник, коль пропечатали его картины в журнале да еще написали такие теплые слова».

Николай Ильич вздрогнул, когда у него за спиной, где-то за Кировским мостом, запела звонко труба. «Опять дудит! Ну что за наваждение?» Но здесь песня трубы была иной, не такой отрывистой и хриплой, как у пионерского горниста в лесу. Она лилась над Невой красиво и раздольно. И оборвалась так же неожиданно, как и началась.

На крейсере «Аврора» играли вечернюю зорю. Но Николай Ильич этого не знал.

Уже совсем стемнело, когда художник сложил мольберт и краски и, искоса взглянув на Николая Ильича, пошел прочь. Николай Ильич тоже пошагал по Кировскому проспекту. Он продрог и, найдя маленькое кафе, где не надо было раздеваться, взял чай с пирожками и сидел там до самого закрытия.

К дому он подошел около десяти часов. И опять много раз звонил, но опять никто не отзывался. Из квартиры напротив высунулся какой-то всклокоченный старик и подозрительно поглядел на Николая Ильича. Николай Ильич хотел спросить старика, не знает ли тот, где его сын, но не успел — старик быстро захлопнул дверь и долго гремел запорами. Николай Ильич сел на ступеньки. Ему стало до слез жаль себя, так обидно было, что не сбылась надежда сегодня же увидеть сына. Надо было возвращаться к себе на кордон, ждать следующего дня и опять волноваться. Николай Ильич устал, ему даже двигаться не хотелось. «Вот если бы в Гатчине остановиться!» — подумал он по привычке и вдруг вздрогнул от внезапной мысли, что Гришу Мокригина он больше уже не увидит.

Электричка была почти пустая. Николай Ильич, усталый, намерзшийся, всю дорогу продремал. Когда,

сойдя с перрона на Мшинской и поеживаясь от ночного мороза, он свернул на лесную тропу, его окликнули.

— Ильич, нешто ты? Погодь, догоню.

Он оглянулся и разглядел, несмотря на темноту, что его догоняет женщина.

Это была молодая баба из Владычкина, Верка Усольцева.

— Вот подвезло-то мне, вот подвезло, — весело затараторила она. — А я смотрю, наших-то никогошеньки. Одной боязно. Дай, думаю, ленинградскую электричку подожду. Может, кто придет.

— Дождалась, значит. Тебе бы кого помоложе, — с усмешкой сказал Николай Ильич.

— Скажешь тоже, старый черт! — хохотнула Усольцева. — Не до жиру... Тут у нас такие страсти! Хоть на Мшинской ночуй. Мужика-то вчера убили. Прямо перед деревней.

Николай Ильич насторожился. Сказал, стараясь быть равнодушным:

— Небось опять сбrehнул кто!

— Слово тебе даю! — горячась, ответила Верка. — Убили, убили. Настя Акимова и еще ктой-то из наших баб утром наткнулись. Да и снегом уже замело. Милиции понаехало! Сашку Иванова забрали. Клавкиного хахаля. Да он вовсе и не Ивановым оказался, а еще какой-то. Не запомнила фамилию. Только Клавка говорит: Сашка-то ни при чем. Ей так и в милиции сказали. Его по другому какому-то делу. — Усольцева передохнула и, все время оборачиваясь к Николаю Ильичу, шедшему следом, сказала: — Милиция всех спрашивает, интересуется. Я вот у егеря была, долг отдавала, так сама слышала, милиционер обо всем расспрашивал. И про тебя, дядя Коля, интересовался. Ружье у тебя какое-то там навроде есть.

Николай Ильич похолодел:

— Да не путайся ты под ногами, Верка! — прикрикнул он на Усольцеву. — И так все слышно.

Некоторое время они шли молча. «Как же так, как же так, — лихорадочно думал Зотов. — Почему они про меня расспрашивали? Оно конечно, знают в деревне, что Гриша ко мне заезживал. Да ведь он и в Пензенце бывал по делам. Мало ли? Но при чем тут ружье? Неужели егеря знал, что у меня винтовка?»

Верка не выдержала и снова стала рассказывать.

— А убитый-то не наш, чужой. Его никто и не признал. Настюха говорит — симпатичный, светленький. Молодой мужик...

— Симпатичный? Светленький? — тревожно переспросил Николай Ильич.

И вдруг понял, что вовсе и не Гришу Мокригина застрелил он вчера, а какого-то случайного прохожего. Не Гришу, не Гришу! Он шел будто во сне, не понимая, о чем еще толкует ему Верка Усольцева, и только повторял про себя: «Не Гришу, не Гришу!..»

В конце леса, уже на подходе к владычкинскому полю, он нашел свои лыжи, спрятанные в елках, и, буркнув Усольцевой «до свидания», медленно пошел через перелески в сторону кордона. Выглянула неяркая луна с бледным, чуть заметным венцом. Тени от елей легли на белые снежные поля.

«Вот так, значит, все обернулось, — шептал Николай Ильич, — жив мой дружок, живехонек, а человека я зазря положил, убивец».

Странно, но его совсем не мучила совесть, пока он считал, что убил Григория, своего давнего друга. И только узнав, что застрелил чужого человека, почувствовал себя убийцей.

К прошлому, к сыну, пути теперь не было. Занесло, занесло этот путь метелями и невзгодами, ни пройти, ни проехать.

Залаял пес, услышав хозяина, и вдруг издалека, от Вяля озера, послышался протяжный волчий вой. Но Николай Ильич не обратил на вой внимания. Не услышал.

16

Корнилов шел на работу, уже отчетливо сознавая, что в деле об убийстве художника Тельмана Алексеева есть обстоятельства, которые во что бы то ни стало следует выяснить. Прежде всего мотивы, извечный вопрос: зачем? Старуха Кашина говорила, со слов некой тети Поли, что у отца с сыном была давным-давно ссора. Отношений друг с другом, судя по всему, не поддерживают. Местные жители никогда не слышали от Зотова, что у него есть сын.

А самоубийство лесника? Разве нет в нем ничего странного? Почему, например, повесился он лишь на третий день после убийства?

А сами обстоятельства убийства? Кто-то ведь шел по тропинке от станции следом за Алексеевым, кто-то потоптался вокруг него. В то время, когда Алексеев, может быть, был еще жив... Кто?

«Нет, нет, не так все просто. В архив дело еще рано отправлять!»

Все утро Корнилову хотелось хоть на час остаться одному и еще раз обдумать события вчерашнего дня, но, как назло, надо было проводить совещание, выслушивать сотрудников, принимать решения. А без пятнадцати одиннадцать словно что-то кольнуло его — он вспомнил про обещание быть на репетиции. Подосадовав, что опрометчиво пообещал Грановскому обязательно приехать, он вызвал машину.

...Впервые в жизни он шел по пустому театру, по сумрачному холодному фойе. Два-три бра отбрасывали тусклые блики на портреты актеров, развешанные по стенам. Было совсем тихо, только откуда-то издали неслось приглушенное гудение пылесоса. Корнилов в нерешительности остановился, не зная, куда идти, потом решил заглянуть в зрительный зал. В зале тоже стоял полумрак, лишь сцена была ярко освещена. В первых рядах сидело несколько человек. Среди них — Грановский. Он оглянулся на скрип двери, узнал Корнилова.

— А вот и товарищ Пинкертон! — радостно закричал он. — Давайте сюда, дорогой!

Сидевшие рядом с режиссером люди тоже обернулись и бесцеремонно рассматривали приближавшегося Корнилова. Ему было неловко от этой бесцеремонности.

Грановский познакомил его со всеми, но Корнилов даже не запомнил фамилий. Кроме одной. Фамилию актрисы Разумовой он знал еще раньше: недавно у нее была украдена «Волга», и работники уголовного розыска довольно быстро отыскивали ее в Прибалтике.

— Продолжим, мальчики, — сказал Грановский. — Танцульки в квартире Алочки... Все занятые — на сцену!

Корнилов следил за всем, что происходило и на сцене, и в зале. Ему было интересно не то, как разворачивались действия по ходу пьесы, а поведение режиссера,

его реплики актерам, бурная реакция по какому-то незначительному поводу. Некоторые сцены Грановский заставлял повторять по два, по три раза.

Внимательно приглядываясь ко всему, что происходило вокруг него, Корнилов подсознательно, помимо своего желания, все время возвращался и возвращался ко вчерашнему дню. Каких только преступлений не приходилось ему раскрывать за время работы в угрозыске! Но убийство художника Тельмана задело его очень сильно. Прежде всего потому, что он не мог его объяснить. Он не верил — сердцем не мог принять! — что убийцей был отец. А ведь всего несколько дней назад он, именно он, Корнилов, вывел работников лужского уголовного розыска на лесника Зотова!

Еще в мастерской Алексева, когда подполковник рассматривал картины художника, у него появилось смутное ощущение того, что между старым отшельником, коротавшим свои дни в глухих мшинских лесах, и ленинградским художником существует какая-то связь. Почему возникло это ощущение, Корнилов не смог бы объяснить. Может быть, потому, что пейзажи, развешанные на стенах мастерской, чем-то напомнили ему окрестности Владычкина? Но они, эти пейзажи, были так типичны для юга Ленинградской области!

...На сцене произошла заминка. Актер Борис Стрельников, игравший молодого парня со смешной кличкой Варезка, слишком взволнованно, с некоторым надрывом объяснялся со своей подружкой Леной, которую играла Разумова. А всего час или два назад этот же Варезка всадил нож в живот другой своей приятельнице. Таясь и замечая следы, Варезка прибежал в квартиру Лены, надеясь отсидеться у нее, а заодно и «закрутить любовь».

Метания Стрельникова прервал Грановский, громко захлопав в ладоши.

— Нет, нет! Что вы делаете, Боря? — Грановский сорвался с места, легко взбежал на сцену: — Ну что вы делаете, миленький? — плачущим голосом сказал он. — Вы же не рефлектирующий Раскольников, а тупой убийца... Откуда такой разумный взгляд? Ваша совесть глуха, никаких сожалений, никаких раскаяний. Ткнуть человека ножичком для вас — раз плюнуть!

Грановский сморщился, словно вспомнил что-то очень неприятное:

— Сначала, повторим эту сцену сначала.

Актеры медленно, словно нехотя, занимали свои места.

Борис Стрельников взял со столика рюмку и подошел к дивану, на котором полулежала Леночка. Лицо у него было сумрачным, растерянным.

— Начали! — сказал Грановский.

Стало тихо. Только из фойе доносилось приглушенное бархатными шторами гудение пылесоса. Уборщицы готовили театр к вечернему спектаклю.

— Нет, не могу, — сказал Стрельников и поставил рюмку на столик. — Андрей Илларионович, мне нужен еще день... Я не готов играть равнодушного убийцу.

Грановский смешно надул губы, совсем как обиженный мальчик, и минуту стоял в нерешительности.

— Андрей Илларионович, — тихо сказала Разумова. — Ну дайте ему денек, он с ножичком порепетирует.

Все засмеялись, а Стрельников зло посмотрел на актрису.

— Ладно, ладно. — Грановский поднял успокаивающим жестом руки к груди. — Я тебя понимаю, Боря. Отложим эту сцену. Нечего смеяться, Разумова! Я буду рад, если ты станешь так же серьезно думать о своих ролях. На сегодня все кончено.

Он сделал несколько шагов, но внезапно круто развернулся и быстро подошел к Стрельникову.

— Ты, Боря, в суд ходил бы, что ли. На убийцу поглядеть... — начал он энергично, но вдруг замолчал, словно какая-то новая мысль, не согласная с высказанной, пришла ему в голову. Досадливо сморщившись, Грановский махнул рукой и оглянулся по сторонам. Увидев Корнилова, он спустился со сцены, подхватил его под руку и провел к себе.

В кабинете главного режиссера было тепло и уютно. Большая бронзовая нимфа грациозно держала над головой светильник. На стенах висели потускневшие от времени афиши.

— По рюмке коньячку? — спросил Грановский, открывая старинный, красного дерева бар.

— Спасибо. Я должен в управление ехать, — отказался Корнилов.

— А я выпью с вашего разрешения. Что-то раз-

волновался сегодня. — Он налил себе в маленькую хрустальную рюмочку, сел напротив подполковника. — Ну что вы скажете, дружок? Недовольны? У вас такой хмурый вид...

Корнилов улыбнулся.

— Не обращайтесь внимания. Дела заели. Да и человек я скучный. Улыбаюсь редко.

— А ваше мнение о пьесе, об актерах, товарищ скучный человек?

— О пьесе мы с вами уже говорили, Андрей Илларионович, — ответил Корнилов. — С точки зрения уголовного розыска — все в ажуре.

— Ох и хитрец же вы, товарищ подполковник! — Грановский выпил коньяк и поставил рюмку на стол. — А если серьезно?

— Если серьезно, то пока говорить еще рано. — Корнилов виновато улыбнулся. — Мне время на раздумья требуется. Театрал-то я аховский.

— Ну а все же? — настаивал Грановский.

Корнилов молчал, внимательно разглядывая афиши.

Андрей Илларионович ждал, нервно сцепляя и расцепляя ладони.

— Пьеса неплохая, — неторопливо начал подполковник. — Сюжет лихо закручен. Публика у нас такое любит. Аншлаг на год обеспечен...

Грановский хотел что-то возразить, но Корнилов предостерегающе поднял руку. Режиссер улыбнулся и промолчал.

— Неплохая пьеса, Андрей Илларионович, — продолжал Корнилов. — Идея нужная: сколь веревочка ни вьется... Но таких пьес можно сотни сострять. Сотни! И сюжеты еще закрученнее придумать. Да вы к нам в уголовный розыск приходите — мы вам такого порасскажем.

— Так за чем дело стало? — весело спросил Грановский.

— Ну а дальше-то что? — как-то вяло отозвался Корнилов.

— То есть как это: дальше что? — удивился режиссер.

— А так... Посмотрел я эту пьесу — ничего нового. С чем пришел, с тем и ушел.

— Да чего вы хотите от театра, от пьесы? Како-

го нового? — В голосе Грановского чувствовалось легкое раздражение. Корнилов уловил это и засмеялся.

— Вы, Андрей Илларионович, не обращайтесь на мои умствования. Я предупреждал о своей некомпетентности. Но знаете, когда идешь в театр или книжку раскрываешь, всегда хочется что-то новенькое о себе узнать... А в общем-то пьеса нормальная. Мне показалось только, что герои в ней слишком одноцветные...

— Ну давайте, давайте! Топчите, — уже незлобиво проворчал Грановский. — Сам напросился.

— Правда, одноцветные. А ведь в каждом человеке и доброе и злое уживается.

— Это уж достоевщина пошла.

— А достоевщина — это плохо или хорошо? Молчите? Я вам, Андрей Илларионович, хочу засвидетельствовать: мой опыт общения с людьми подтверждает, что в одном человеке могут соседствовать и доброе и недоброе...

— Перед вашим опытом я снимаю шляпу, — сказал Грановский. — Вы бы рассказали про свои дела.

— Наши дела как сажа бела.

— Да уж это-то воистину так! С такими подонками небось приходится дело иметь! Я одного не понимаю, — горячо заговорил Грановский. — Ну что мы нянчимся с ними? Читаешь в газете: человек убийство совершил, а ему восемь лет. Что же это такое, дружок? Где же карающая рука закона?

Корнилов молчал.

— Ну что вы молчите? Сказать нечего? Вот то-то же! — словно бы обрадовался режиссер. — По глазам вижу: согласны со мной.

— Согласен, согласен, — поднял руки Игорь Васильевич. — Законы наши нуждаются в совершенствовании. Не всегда, правда, в сторону ужесточения наказаний...

— Вы мне скажите, Игорь Васильевич, как на духу скажите, — спросил вдруг режиссер, внимательно заглядывая в глаза Корнилову, — какое преступление вам лично, вам как человеку, наиболее омерзительно?

— Взятничество, — твердо сказал Корнилов. — Лихоимство всех мастей...

— Взятничество? — разочарованно переспросил Грановский. — Но есть же более мерзкие вещи.

— Самое мерзкое — лихоимство, — горячо запротестовал Игорь Васильевич. — Вот — чудище обло, огромно... Это чудище может прикинуться самой невинностью, а заражает все вокруг. Ученые провели недавно такое исследование: предложили большой группе людей оценить по степени тяжести десять преступлений. И знаете, какой результат? У всех опрошенных групп дача взятки оказалась на последнем месте... А ведь это порождает двойную мораль...

— Так! — Грановский сделал энергичный жест рукой, нацелив длинный палец на Корнилова.

— Но если говорить вообще, то меня больше пугает не само преступление, — сказал Игорь Васильевич, — а готовность некоторых людей совершить его... — Заметив недоуменный взгляд Грановского, Корнилов добавил извиняющимся тоном: — Может быть, это я слишком упрощенно? — Он прищурился, будто пытался разглядеть что-то далекое. — Да нет, пожалуй, именно это я и хотел сказать. Меня пугает, что некоторые люди больше боятся карающего меча закона, чем голоса собственной совести, собственного разума. — Он заговорил с необыкновенной горячностью: — Вот представляете себе — иное существо может прожить долгую жизнь, не совершив ни разу не то что преступления — проступка не совершив. Всю свою долгую жизнь такое существо аккуратно покупало в трамвае билет, не брало чужого. А почему? Только из-за страха быть пойманным! Человечишка этот не украл ни разу только потому, что боялся — посадят! И не убил поэтому! Понимаете?

Грановский протестующе поднял руку, но Корнилов опять остановил его:

— Понимаете, понимаете! Только согласиться не можете, потому что привыкли думать по-другому. Привычка вам мешает. И вот живет такой человечишка, вечно готовый к подлости, к преступлению. Ждет своего часа. И час этот может прийти. Такой час, когда наконец он увидит, почувствует: бери, никто никогда не увидит, убей — не дознаются! И украдет, и убьет, и предаст! Вот кого я боюсь больше всего. С таким человечишкой я, может быть, годы бок о бок живу, и он меня в любое время предаст, совершит ка-

кую-нибудь пакость. Когда почувствует, что останется безнаказанным.

— Вы это все всерьез? — удивленно спросил Грановский. — Или на вас полемический стих нашел?

— Всерьез, — Корнилов сел в кресло, устало откинулся на спинку. — А вы, конечно, со мной не согласны?

— Нет, я не могу утверждать, что не согласен, — растерялся режиссер и развел руками. — Все, что вы говорите, очень занято.

— Занято?

— Простите, ради бога. Слово не к случаю, — Грановский улыбнулся смущенно. — А как же «души прекрасные порывы»? Ум, сердце, чувство долга, наконец! Уже не считаете ли вы, что чувство долга — подневольное чувство? Продиктовано страхом перед ответственностью.

— Что за привычка укоренилась в нашей жизни! — раздражаясь, сказал Корнилов. — Все толкуется, как говорит наш брат юрист, расширительно! Андрей Илларионович, я лишь одно хочу сказать... Нет, нет, я просто утверждаю: существуют в нашей жизни человеки, не совершившие преступления только из страха расплаты. Даже нет! Они не столько боятся расплаты, сколько быть узванными. С преступниками мы справимся. Рано или поздно мы их вылавливаем всех. Но как распознать человекишку с ограниченной совестью? Молчите? А я так думаю, что в некоторых случаях не распознать! — Он замолчал и несколько секунд сидел задумавшись. Грановский тоже молчал. Неторопливо набивал трубку, уминая табак большим пальцем.

— Расскажу вам один страшный случай, — снова заговорил Корнилов. — Страшный не самим преступлением, а тем, какой человек это преступление совершил. Представьте себе: март сорок второго года. Ленинград только-только начал оправляться от страшной зимы. Очищают улицы. Добровольцы-сандружинницы ходят по квартирам, помогают больным, увозят мертвых. И одна из этих немолодых женщин, пока подруги уносят мертвую старушку, раскрывает стоявшую на столике металлическую коробку из-под чая и находит в ней драгоценности. И кладет их в карман. Кладет, потому что никто не видит, кладет,

потому что знает: из всех обитателей квартиры в живых никого не осталось — старушка была последней...

А эта женщина слыла добропорядочной, ее уважали друзья и сослуживцы, почитали ученики... У нее были ученики! И она их, наверное, добрым делам учила.

— Вот что делает с людьми жадность, — подал голос Грановский.

— Жадность-то жадность... Но не все жадные — воры. И не все злые — хулиганы. И не все лгуны — лжесвидетели. Правда?

Режиссер промолчал.

— Если человека с раннего детства воспитали так, что честность и неприятие всякого зла стали главными чертами его натуры, никакие соблазны ему не страшны, — продолжал Корнилов. — Поступки этого человека продиктованы его пониманием добра и зла, а не боязнью наказания. Такие люди умирают, ни разу в жизни не взяв в руки уголовный кодекс. А эта женщина... Ну что ж, вот вам пример человека с двоякой моралью. Не подвернись ей тогда случай, жила бы честно. До следующего. Но искушений-то в жизни много!

— А как же ее поймали? — удивился Грановский.

— Это уже дело десятое... Через пятнадцать лет пришла продавать золотой браслет. А браслет уникальный, еще до войны был взят на учет государством. Его старушка завещала музею.

— Судили?

— Нет. Срок давности истек. Да разве только в этом дело? Кем она к старости пришла? Воровкой... Я на каждом углу кричу: профилактика, профилактика! Но не такая, как ее понимают некоторые: имеет подросток пять приводов в милицию — закрепляют за ним шефа с завода, и на этом все кончается. Нет, братцы! Профилактика начинается с родителей. У них еще и ребенок не родился, а мы должны знать: смогут ли они правильно свое дитя воспитать? И научить их этому искусству. И вмешаться, когда увидим, что не смогут родители настоящего гражданина вырастить. И вмешаться не тогда, когда парень попробует чужие велосипеды угонять, а раньше, когда

он в ползунковом возрасте каждый день пьяного отца или мать будет видеть.

— А у вас дети есть? — улыбаясь, поинтересовался Грановский.

— Нету, — помрачнев, ответил Корнилов. — Я вдовец. Вот женюсь снова — обязательно заведу. Вы не смотрите, что я старый. Еще и пятидесяти нету. — Он помолчал немного. — Ну что вы на меня так смотрите? Я кажусь вам скептиком? Наверное, даже мизантропом? Нет, «дружочек», — Корнилов досадливо махнул рукой. — Ваш лексикон!

Он закурил сигарету. Грановский, зажав в зубах свою потухшую трубку, задумался.

— Это страшно. То, о чем вы сейчас говорили, — заговорил он после некоторого молчания. — Но я чувствую, что вы правы. Среди честных, великодушных, чистых душой живут и подлецы...

— Нет, не о подлецах я, — перебил Корнилов.

— Да, да. Я понимаю. Вы говорите о людях, которые способны совершать подлость. Это не одно и то же. Да. Но оттого, что именно они рядом, особенно страшно.

Они помолчали.

— Андрей Илларионович, — лениво-ласково сказал Корнилов. — А ведь ваш Боря Стрельников никогда не сыграет бандита Варежку.

— Что? Не сыграет? — удивился Грановский. — Почему это не сыграет? — повторил он недовольно.

— Он человек, видать, очень чистый. Наивный чуть-чуть. Ему просто характер этого персонажа, с позволения сказать, будет не понять.

— Но ведь он актер! Вы упрощенно мыслите, дружочек! Для того чтобы сыграть леди Макбет, совсем не надо быть чудовищем.

— Но Стрельников все-таки не сыграет. Хорошо не сыграет. Он еще слишком молод и неопытен, чтобы понять характер Варежки, а чтобы интуитивно почувствовать, у него консистенция другая. А про леди Макбет — это вы зря...

Грановский стал сердито раскуривать трубку. Спички у него ломались, и он ожесточенно бросал их на пушистый ковер. Раскурив наконец, режиссер ворчливо сказал:

— Ну и подсунули мне консультанта. Не приведи господи. Спектакль сорвет. — Он налил в свою рюмку коньяка, о котором за разговором совсем забыл, и подмигнул Корнилову: — Ну уж дудки. Я из Бори Стрельникова сделаю этого бандюгу. — Грановский выпил и тихо добавил: — А потом посмотрим...

Когда Корнилов уходил, Грановский задержал его руку в своей и спросил строго:

— Значит, заветный ключик — дети?

— Да, дети, — сказал Корнилов. — Надо с раннего детства воспитывать в человеке отвращение к разной мерзости. А вы разве с этим не согласны?

Корнилов ушел, а Грановский долго ходил по кабинету, попыхивая трубкой. «Хм, как это я так легко согласился с этим ершистым подполковником, — думал он. — Станный человек, немолодой, угрюмоват, и вдруг такой задор! Мыслит он интересно, но спорно, спорно... Целая философская система. Нет, нет! Уж, во всяком случае, спорно его утверждение, что не совершивший преступления, но способный его совершить опаснее, чем настоящий преступник... Нет, дружок!» И вдруг почему-то подумал о своем бывшем приятеле Пастухове... «Тьфу, черт! — выругался Андрей Илларионович. — Так можно далеко зайти!»

17

— Послушай, Игорь Васильевич, ну что ты маешься? — спросил Белянчиков, глядя в упор на Корнилова своими черными немигающими глазами. Разговаривали они в кабинете Корнилова после того, как из Луги позвонил Белозеров и сообщил, что следовательно дело об убийстве Алексеева и самоубийстве лесника Зотова собирается закрывать.

— А мне непонятно, Юра, почему ты не маешься, — ответил тот. Он встал, прошелся по кабинету, глядя себе под ноги, хмурый, сутулый больше, чем всегда, словно его придавила эта история на станции Мшинская.

Белянчиков молчал, сосредоточенно барабанил пальцами по столу. Он в общем-то чувствовал, почему мается шеф. Слава богу, за четырнадцать лет он изучил его характер! Но ему было досадно, что Игорь Васильевич не может успокоиться из-за этого дела.

Уж здесь-то все точки расставлены... Художника Тельмана Алексеева убил его родной отец, старик Зотов. Зачем? Кто теперь сможет ответить на этот праздный вопрос? Нет, не праздный, конечно... Но ответить-то на него некому! Отец убил сына и повесился сам. Страшно. Господи, каких только не бывает на свете трагедий! Но они-то, они, работники розыска, что еще могут сделать? Заняться поисками мотивов? Ах-ах, мы не простые сыщики, мы глубокие психологи! Смотрите, мы не только нашли преступника, но докопались еще, почему он стал убийцей да еще и сам повесился! Мы и до этого докопались. Месяц потратили, но докопались. А кто будет в это время Витю Паршина, по кличке Кочан, искать? Взломщика и бандита. А участников ограбления в Приморском парке?

— Ты, Игорь Васильевич, лучше меня знаешь, что мы сделали все, что положено по закону нам сделать, — твердо сказал Белянчиков. — Был бы Зотов жив, суд выяснил бы мотивы убийства. А так... Следователь дело собирается прекратить. Прокурор, думаю, утвердит его решение.

— Утвердит, утвердит, — говорил недовольно Корнилов. Он подошел к Белянчикову и спросил: — А ты можешь мне ответить, кто шел вместе с художником со станции? Кто топтался возле его тела? Участковый-то видел следы?! И почему этот кто-то не попытался оказать ему помощь? Ведь Алексеев не сразу умер! И тебя не грызли сомнения, когда ты узнал, что отец убил сына, которого не видел почти тридцать лет?

— Откуда нам знать, виделись они или нет? Может, и встречались?

— Ну, во-первых, мы кое-что все-таки знаем, — начиная раздражаться, сказал Корнилов. — Участковый инспектор не зря пороги обивал по всем окрестным деревням. А обыск у отца и сына тебя ни в чем не убедил? Ни одного письма, ни одной строки переписки... — Он вдруг заметил, как Белянчиков подтянул брюки на коленях и осторожно расправил складку. Белянчиков всегда так делал. Но сейчас этот машинальный жест капитана вывел Корнилова из равновесия. С трудом сдерживаясь, чтобы не вспылить, он сказал: — Да и вообще, Юра, голова и сердце на

то и даны человеку, чтобы сомневаться. Хотя бы время от времени. Хотя бы в таких трагических случаях.

— У тебя есть сомнения в том, что Алексеева убил отец? — с вызовом спросил Белянчиков, уловив раздражение и укор в словах Корнилова.

— Известные нам факты говорят, что лесник Зотов убил Алексеева, — сказал Корнилов, упирая на слово «известные». — Но прежде чем подвести черту под этим делом, я должен найти ответы на некоторые известные и тебе вопросы. Ты не допускаешь, что произошла какая-то трагическая случайность?

— Даже если ты ответишь на все свои вопросы, ничего не изменится! Убийцей как был лесник, так он и останется, сообщников ты не выявишь — их нет. Во имя чего же затевать новые поиски? Виновный на свободе не гуляет.

— Истина гуляет где-то, — почти крикнул Игорь Васильевич. «Ну чего я горячусь? Белянчикова все равно не переубедишь. Сомнения не в его характере», — подумал он и добавил устало: — Сухой ты человек, Юра!

— Ну-ну, — обиженно протянул Белянчиков и встал. — Я, пожалуй, пойду. Нам с Семеном Бугаевым надо на Острова ехать. Там третье ограбление подряд. Что-то райотдел медленно раскачивается.

Он подошел к двери, но не открыл ее, а обернулся к Корнилову:

— Знаешь, Игорь, даже если ты узнаешь что-то новое, какую-то новую истину установишь, она бесплодной будет. Ты ее практически никак не сможешь использовать. Не в каждом колодце воду найдешь, как глубоко ни копай. Это, между прочим, народная мудрость. — И вышел, осторожно прикрыв дверь.

«А не напрасно я маюсь? — оставшись один, с горечью подумал Корнилов. — Вечно пытаюсь все точки расставить. «Не в каждом колодце воду найдешь...» Эх, Белянчиков, и поговорки-то по своему размеру подбираешь! Теоретик. «Бесплодная истина». Что за чушь! Не может быть истина бесплодной».

Корнилов закурил. Неприятный осадок от разговора с Юрием Евгеньевичем мешал сосредоточиться. «Ладно, потом обдумаю слова Белянчикова. Сейчас не время собственными комплексами заниматься. Даже если не выясню ничего нового, найду подтверждение

тому, что известно. А этого разве мало? Ошибка следствия очевидна — они отнеслись к этому делу как к рядовому убийству. А произошла трагедия, из ряда вон выходящая!»

Он подошел к столу, снял телефонную трубку: хотел позвонить матери, сказать, что едет. Но передумал. Машинально крутанул ручку сейфа: закрыт ли. Оделся. Погода выдалась промозглая. Прошлой ночью подул южный ветер, распустил снег, и люди шагали по жидкой снежной каше, шарахаясь от автомашин, из-под которых веером разлетался снег с водой. Над городом висел туман, и свет от фонарей был тусклым и безжизненным. Корнилов вышел на Кутузовскую набережную и зашагал к Кировскому мосту. Этот путь был чуть длиннее, но он специально выбрал его: хотел до прихода домой успокоиться, привести в порядок мысли. У него сразу же промокли хваленые финские ботинки, и он пошел не разбивая дороги.

Стоял конец января, а Корнилову вдруг почудился в воздухе легкий запах корюшки, маленькой невской рыбешки, которую так любят ленинградцы и которой в конце апреля пахнет на улицах, когда ее продают на каждом углу. Ее запах нельзя спутать с запахом другой рыбы. Ленинградская весна всегда пахнет корюшкой.

«Ну откуда корюшка, просто от воды пахло свежестью, — подумал Корнилов. — Но все равно весной пахнет. Весной». Он стал думать о весне, о том, как поедет отдыхать в Крым. Он решил ехать в отпуск в апреле. И обязательно в Крым, когда все там цветет. Думать об этом было приятно, и Корнилов пришел домой повеселевший, с румянцем на лице.

Но утром он проснулся очень рано — еще шести не было. И проснулся с мыслью об этой проклятой бесплодной истине. Он долго лежал и думал о Белянчикове. Сначала думал о нем с некоторой даже завистью. Позавидовал его умению быстро переключаться на новые дела, не выматывать себе душу сожалениями о чем-то ускользнувшем, не выясненном до конца. Потом вдруг вспомнил, что Белянчиков никогда не брался за дела о самоубийствах. Говорил неприязненно: пустая трата времени. Живыми надо заниматься. Корнилов вспомнил об этом и осудил Белянчикова.

Выяснить, что привело человека к трагедии, — ведь это так важно! Для будущего важно. А значит, и для живых. И не всегда предсмертная записка, даже если она и была, правильно объясняла мотивы. Ну разве мог человек, находясь в таком состоянии, логично оценить поступок, который готовился совершить? А сколько раз бывало, что причина самоубийства — живые, здравствующие люди, заниматься которыми и призывал Белянчиков. Нет, не все так просто!

Корнилов знал, что Белянчиков, его старый сослуживец и друг, — честный и умный человек. И добросовестный. Он никогда не позволял себе верхоглядства. И умел быстро отключаться от прошедших дел и отдавать все свои силы новым. А Корнилов не умел. Прошрое всегда цепко сидело в нем.

...Придя на работу, он провел ежедневную оперативку — начальник уголовного розыска был в командировке, а в его отсутствие оперативки всегда вел Корнилов. Сводка была беспокойной: несколько краж в новостройках, изнасилование в Парголове.

— Семен, через полчаса зайди ко мне. Расскажешь, что вы там собираетесь делать в Невском районе, — сказал Корнилов Бугаеву, заканчивая оперативку.

— Я бы хотел доложить тебе по вчерашнему ограблению, — попросил Белянчиков. — Есть кое-что новое... Преступников взяли.

— Я к тебе загляну сам... Попозже, — Корнилов нетерпеливо постучал по столу пальцами.

Когда все разошлись, он снял трубку прямого телефона к начальнику управления. Тот не отвечал. «Вроде бы с утра был на месте», — подумал Корнилов. Положил трубку, поднялся и нервно заходил по кабинету. В это время загудел зуммер телефона.

— Вы звонили, товарищ Корнилов? — спросил Владимир Степанович. — Я по смольнинскому телефону разговаривал.

— Да, товарищ генерал. Разрешите зайти? По одному делу...

— Заходите.

Когда Корнилов открыл дверь в кабинет, генерал опять разговаривал по телефону. Игорь Васильевич хотел было подождать, но генерал увидел его, махнул рукой, показав на кресло.

— Ну что, товарищ Корнилов? — спросил Владимир Степанович, закончив разговор и положив трубку. — Как поживают сыщики? Уж не хотите ли вы сказать о том, что задержаны вчерашние грабители?

— Задержаны. Мне только что доложил капитан Белянчиков, сегодня их взяли.

— Этот ваш Белянчиков опытный работник. Быстро умеет закрутить розыск, — уважительно сказал генерал.

— Да, способный сыщик. Очень организованный человек.

Генерал согласно покивал головой, сказал уже буднично:

— Так что ж, какие дела?

— Товарищ генерал, — Корнилов на мгновение замаялся, подумав: «А не зря ли все-таки я затеваюсь?» — Владимир Степанович, дело об убийстве на станции Мшинская прокуратура собирается закрыть из-за смерти убийцы... Я вам докладывал, помните, отец и сын?

Генерал кивнул. Он слушал внимательно, давно уже привыкнув к тому, что подполковник, один из лучших специалистов уголовного розыска, по пустякам не тревожит.

— Но есть в этом деле несколько белых пятен, — продолжал Корнилов. — Ну, как бы сказать поточнее? — Он помедлил секунду. — Дополнительный розыск может и не оказать никакого влияния на конечный результат уже проведенного расследования. Все останется по-прежнему... Я очень путано говорю? — Корнилов виновато улыбнулся.

Генерал улыбнулся тоже:

— Не путано, Игорь Васильевич. Мне только непонятно пока, к чему вы клоните.

— Владимир Степанович, из-за того, что лесник Зотов покончил с собой, сложилась необычная ситуация. — Корнилов вдруг нашел нужные слова. — Знаете, как у экспериментаторов иногда бывает: открытие сделали, конечный результат есть. Но ведь надо еще обосновать это открытие, исследовательскую работу провести, которая дала бы ключ к пониманию первопричин открытия...

— Причинно-следственные связи не выявлены?

Корнилов кивнул:

— Вот именно. Причинно-следственные связи! Они ведь в первую очередь для нас важны. И я только тогда окончательно поверю в то, что Зотов сына убил, когда эти самые причинно-следственные связи выясню...

— Вы что же, не уверены в том, что Алексеева убил отец? — спросил Владимир Степанович. В его словах чувствовались нотки недоумения.

Корнилов непроизвольно поморщился. Словно услышал, как по стеклу ножом поскребли.

— Я знаю, что лесник Зотов застрелил художника Алексеева, — ответил он. — И следствие располагает серьезными доказательствами. Они так и посчитали: главное, дескать, сделано, убийца найден, он на свободе не гуляет. Но ведь мы ничего не знаем о причинах...

— Эх, кабы нам всегда причины знать! — задумчиво проговорил генерал.

— Случай, Владимир Степанович, уж больно серьезный. Надо попытаться ясность внести. Правда, один мой товарищ сказал: даже если до истины ты докопаешься, она будет бесплодной, твоя истина. Ты ее никуда не приложишь. Только собственное любопытство удовлетворишь. Но я с этим не согласен.

— Ну и что же, хотите собственное любопытство удовлетворить? — спросил генерал, и Корнилов не понял, то ли он пошутил, то ли осудил его.

— Нет, я хочу только, чтобы в каждом деле была полная ясность, — твердо ответил Корнилов. — Нельзя считать дело закрытым, если есть вопросы без ответов...

— Я тоже за полную ясность. — Владимир Степанович задумался, глядя куда-то мимо Корнилова. Лицо его стало пасмурным, озабоченным, словно он вспомнил что-то тревожное и досадное. — Я тоже за полную ясность... — Он хотел еще что-то добавить, но не добавил, а откинулся на спинку кресла и неожиданно улыбнулся доброй, какой-то простодушной улыбкой: — Вот еще с флота помню штурманскую мудрость: всякий случай должен быть изложен в сжатой, но ясной форме, не допускающей каких-либо сомнений или неправильного толкования! — отчека-

нивая каждое слово, продекламировал он. — Так в капитанском справочнике записано.

Все в управлении знали, что генерал в молодые годы был штурманом, ходил в загранку. Видно, с той поры осталось в нем пристрастие к четкости и порядку, удивительный лаконизм, так полюбившийся всем сотрудникам. И легкий налет франтоватости, какого-то едва уловимого морского шика, которому многие стремились подражать.

— Так зачем же вы ко мне пришли? Обсудить теоретические вопросы? Судя по всему, вы для себя их давно решили. Значит, хотите получить от меня разрешение самому заняться этим делом?

Корнилов кивнул.

— А вы, подполковник, сегодняшнюю сводку видели?

— Я уже проводил в своем управлении оперативку.

— Ленинградцев хвалят и хвалят на всех совещаниях... И за то, что преступность среди подростков снижается, и за связь со школой, и за опорные пункты. А в те минуты, когда вы сводку читаете, у вас не создается впечатление, что нас перехваливают?

— Нет, Владимир Степанович.

Генерал покачал головой:

— Однако с самокритикой в уголовном розыске явно не все в порядке. — Потом подумал и сказал: — Игорь Васильевич, я разрешаю лично вам заняться машинским делом. Три дня. Но не скрою, у меня уже не первый раз появляются сомнения: а не слишком ли часто вы берете на себя конкретные операции, вместо того чтобы решать вопросы общего руководства? Вы ведь заместитель начальника управления розыска. Ваш опыт и знания надо более рационально использовать...

Корнилов вспыхнул. Сказал тихо:

— Я обдумаю ваше замечание, товарищ генерал. Разрешите идти?

Владимир Степанович добродушно рассмеялся:

— До чего у вас в уголовном розыске народ обидчивый! Это что, Игорь Васильевич, профессиональная болезнь? Идите, идите! И можете ничего не обдумывать — я ведь знаю, что вы потом без ложной скромности скажете мне: я сыщик, у меня это получается

лучше, чем общее руководство, прошу вас... и так далее.

Генерал говорил это так весело и добродушно, что и Корнилов не выдержал, улыбнулся.

Придя к себе в кабинет, он позвонил в Лугу, попросил начальника уголовного розыска Белозерова срочно прислать в управление подробную справку по делу об убийстве Тельмана Алексеева. Потом зашел к Белянчикову.

Тот сидел и читал какие-то бумаги. На столе у него лежал новенький стартовый пистолет и небольшой изящный наган с ручкой, отделанной перламутром.

— Ого! — удивился Корнилов. — Целый арсенал. Откуда?

— Вчерашние грабители. Я тебе и хотел рассказать после оперативки...

— Я ходил по начальству.

— У Владимира Степановича был? Ну что? Разрешил заняться мшинским делом?

— Разрешил. Дал три дня. — Корнилов вздохнул. Лицо его сделалось замкнутым. — Короче говоря, это дело я доведу до конца, — сказал он. — Или, как ты считаешь, до середины.

— Белозерову звонить? — спросил Белянчиков.

— Нет, не надо. Я уже позвонил. — Корнилов взял со стола наган. — Что-то я такой модели не припомню.

— Вот-вот! Даже ты не припомнишь, а тут и припоминать нечего, ведь это пугач. Но сделан-то как! И представь себе старушку, когда из кустов на нее с таким шутильником парни выходят! Везут папеньки своим деткам из зарубежных вояжей!

— Быстро ты вышел на грабителей.

— Да разве это грабители? Сопляки! — сказал Белянчиков с ненавистью. — Оба потерпевшие рассказали, что у парней пистолеты... А мальчишки молодые — откуда у них настоящее оружие? Вот мы и опросили во всем районе ребят, дворников, не видели ли у кого пугачи, стартовые пистолеты... — И добавил без перехода: — Упорный ты, Игорь Васильевич! Всегда на своем поставишь.

— Осуждаешь? — поинтересовался Корнилов.

Белянчиков пожал плечами. Несколько мгновений

сидел молча, сосредоточенно разглядывая бумаги, разложенные на столе. Потом сказал:

— Я к обеду закончу оформление. Могу подключиться.

— Не-е-ет! — покачал головой Корнилов. — Когда берешься за дело, надо иметь представление, ради чего. А для тебя уже все ясно. Ты считаешь, что дело пора в архив. — И добавил: — Бесплодными-то, Юра, истины от людского равнодушия становятся.

Корнилов произнес это зло и тут же пожалел о резкости. Белянчиков вскочил со стула, глаза его недобро сузились. Стало заметно, как краска проступила на его смуглом лице.

— Ты сиди, сиди, Юрий Евгеньевич! Не скажи. Закончишь свои дела, займись наконец подготовкой совещания по профилактике. Тебе поручили готовить, а ты пока палец о палец не ударил... А Бугаев! Дал мне свою справку для доклада — стыдно читать. Ни анализа, ни одной свежей мысли. Окрошка из газетных статей. А язык!.. Я сейчас уезжаю, — добавил он уже спокойнее. — Буду через два-три дня. Чтобы к этому времени с совещанием была полная ясность. Понял?

— Слушаюсь, — тихо ответил Белянчиков, глядя в сторону.

18

Первое, с чего начал Игорь Васильевич, — съездил на улицу Герцена, в Союз художников, расспросил об Алексееве. Здесь, однако, о личной жизни Тельмана Николаевича не знали почти ничего.

— Кажется, женат, — сказал секретарь правления. — Да ведь к нам уже приезжали от вас. — И, пожав плечами, словно извиняясь за свою неосведомленность, грустно добавил: — А про отца ничего не знаю. Алексеев работягой был — в союзе редко появлялся. Не то что некоторые, — он неопределенно кивнул на дверь и пренебрежительно усмехнулся. — Провивальщики. — Он замолчал и некоторое время сидел задумавшись, хмурясь. Будто вспомнил о чем-то неприятном и неизбежном. Потом сказал строго: — Тельман вкалывал... Несколько лет на Севере пропадал. С весны до поздней осени. Да вы, наверное, знае-

те — мы в прошлом году его персональную выставку устраивали. В газетах о ней много писали.

Потом Корнилов зашел в отдел кадров, полистал личное дело Алексеева. Кроме пожелтевшего листка по учету кадров да старой характеристики, выданной для поездки в Италию, там ничего не было. И в анкете, и в характеристике значилось, что отец Тельмана Николаевича Алексева — Николай Ильич Зотов — пропал без вести в годы оккупации...

«Неужели Алексеев только сейчас узнал о том, что отец жив?» — подумал Игорь Васильевич. Это было похоже на правду. Судя по свидетельству жителей Владычкина, сын никогда к леснику не приезжал. Никто даже не знал о его существовании! Никто, кроме старухи Кашиной. Да и она слышала лишь о том, что когда-то у Зотова был сын... Был!

А тринадцатого января 1971 года Тельман Алексеев, писавший в листке по учету кадров, что его отец пропал без вести, поспешно собрался, схватил лыжи и сел в поезд, отправившись на свидание к отцу! «И был убит!» — сверлила навязчивая мысль, но Корнилов сказал себе: «Не торопись! Разберись по порядку... Кто кого разыскал? Сын отца или отец сына? Это важно? Наверное, важно».

Прямо из отдела кадров союза он позвонил в городское справочное бюро. Попросил выяснить, не разыскивал ли кто-нибудь за последний месяц Алексева Тельмана Николаевича.

Ему ответили через пятнадцать минут. Да, адрес Алексева запрашивали в начале января.

Корнилов попросил у прокурора разрешение еще раз осмотреть квартиру Алексева. Он уже уверился в том, что найдет там письмо или телеграмму от отца. Ведь в карманах убитого ничего подобного не обнаружили.

В квартире Алексева царил запустение. Вид после обыска был такой, словно хозяин второпях собирался куда-то уезжать и никак не мог найти что-то очень нужное ему в дорогу: вещи лежали в беспорядке, ящики у письменного стола выдвинуты. Повсюду валялись книги, какие-то папки.

Игорь Васильевич вдруг представил, как возвращается из командировки жена Алексева, и сокрушенно покачал головой. Понятые, снова приглашен-

ные им, сидели, тихо переговариваясь о каких-то своих делах.

Прежде всего Корнилов не торопясь, дотошно осмотрел костюмы и пальто. Ничего интересного он там не нашел, кроме небольшого блокнота с беглыми зарисовками. Игорь Васильевич перелистал его страница за страницей — никаких записей: головы девушек, ребят, контуры каких-то причудливых пейзажей...

Книги. Теперь следовало внимательно перелистать книги. Художник мог сунуть письмо в книгу. Книг было много, и Игорь Васильевич начал с тех, что лежали на письменном столе. Его поразило обилие богато иллюстрированных книг по истории средневековья. Все они были часто переложены закладками, но писем среди этих закладок не было. Но зато уже в первой из книг, взятых с дивана, Корнилов нашел свернутый вдвое тетрадный листок в косую линейку. Это было письмо.

«Здравствуйте, Тельман Николаевич. Пишет Вам отец Николай Ильич Зотов. Сколько годы прошли, а мы не свиделись, не судьба. Я уже старик, скоро время мое придет. Хотел бы повидать Вас, просить прощения, коли виновен в чем. Живу я на кордоне Замостье за деревней Владычкино, от Мшинской двенадцать верст. Лесникую. Хоть и возраст мой вышел, а пенсии нет, не заработал. Но живу исправно. Грибы, ягоды. И места у нас, красивше не найти. Хотел бы только повидать тебя, сынок, слов нет, как хотел. Может, напишете старику?

Ваш отец Николай Зотов».

Игорь Васильевич спрятал письмо в карман и рассеянно посмотрел на книгу, в которой оно лежало. Это были письма Ван-Гога. Корнилов прочитал на раскрытой странице подчеркнутые строки: «Движение вперед напоминает работу шахтера: она не идет так быстро, как ему хотелось бы и как того ожидают другие, но, когда принимаешься за подобную работу, нужно запастись терпением и добросовестностью».

Когда он приехал в Лужскую прокуратуру, чтобы рассказать о своих сомнениях следователю, то застал Каликова в растерянности: прокурор возвратил дело

на следствие. Не заезжая в управление, Корнилов отправился в Зайцово, к «зайцёвской Поле», которая, по рассказам Надежды Григорьевны Кашиной, знала про какую-то давнюю ссору лесника Зотова с сыном. Отыскать эту женщину было делом совсем нетрудным. В Зайцове жила всего одна Поля — Полина Степановна Аверьянова, и в правлении колхоза Игоря Васильевича отправили в школу: Аверьянова работала там нянечкой. Она оказалась высокой костистой женщиной с крупными чертами лица, с большими руками. В школе была перемена, и Аверьянова рассказывала по коридору, наполненному бегающими, кричащими, дерущимися ребятами, то и дело кого-то останавливала, заправляла мальчишкам рубахи, выехавшие из штанов. Вот она заметила, как один из мальчишек хочет кинуть в урну бутерброд. Схватила за руку, приперла в уголке и, поставив рядом с собой большой колокольчик, заставила немедленно съесть бутерброд. Толстый паренек с трудом жевал, набив рот, и умоляюще смотрел на нянечку.

Корнилов стал в сторонке, облокотившись о подоконник большого окна, ждал, когда закончится перемена. «А у этой Поли добрый характер. Ребятишки ее любят», — подумал он, наблюдая за Аверьяновой.

Нянечка посмотрела на часы и пошла по коридору, названивая в колокольчик, больше похожий, правда, на коровье ботало. И звук у него был глухой. Ребята нехотя разошлись по классам. Полина Степановна, ворча что-то под нос, с трудом наклоняясь, начала собирать оставшиеся в коридоре после ребятни бумажки, огрызки яблок.

Корнилов подошел к ней.

— Полина Степановна, мне бы надо поговорить с вами...

Женщина медленно распрямилась, посмотрела на него внимательно.

— Я из милиции...

В ее глазах мелькнул испуг:

— Ай набедакурил кто?

Он поспешил успокоить женщину:

— Нет, нет, ваши питомцы в порядке. Я по другому делу. Где бы нам присесть?

— Идемте в учительскую. Там сейчас никого.

Они уселись за маленький письменный стол, на котором лежали груды тетрадок, и Корнилов спросил без всяких предисловий:

— Полина Степановна, что вы мне можете рассказать о Зотове?

— О Николке Зотове? — В голосе Аверьяновой он уловил заинтересованность.

— О нем, Полина Степановна.

— Ай, бедолага! Опять небось что-то приключилось. Вот уж невезучая судьба у мужика.

— Невезучая?

Нянечка скорбно поджала губы:

— А как еще назвать-то? Женка рано умерла. Чахоточная, упокой господи рабу божью. — Она перекрестилась. — Приятели подвернулись пропивущие. А он и так от рождения малахольный какой-то. Убитый горем... Кто громче позовет, к тому и победит. Покойница-то держала его в порядке, а тут — покотился. — Аверьянова тяжело вздохнула. — Признали и у него чахотку. А может, доктор только пристращал. Только перестал пить Николка. Перестал.

— Кем он работал? — спросил Корнилов.

— В молодости на стекольном заводе. На ванной белого стекла. Стеклодув. У них легкие-то у всех больные. А перед войной бухгалтером работал у нас в колхозе.

— А с сыном что у них приключилось? Почему рассорились?

Полина Степановна задумалась. Большая костистая рука ее машинально перебирала кисточки черной косынки, завязанной на груди узлом.

— С сыном-то? — повторила она, собираясь с мыслями. — Что-то такое случилось. Имя у него немцам не понравилось. А уж почему — и не помню. Хотели они мальчонку перекрестить. А ведь он упрямый рос — не приведи господи. Уперся — и ни тпру, ни ну. Отец его и порол, сказывали... А сын стрекача дал — уж как Николку фрицы мордовали, как мордовали! Да вы к Тельманову дружку, к Алехе Мариичеву, зайдите. На чугушке путевым обходчиком работает. Там и живет. Тоже бузила был, не приведи господи. Его и нынче Алеха Буйная Головушка кличут. Они были дружки с Тельманом. А я не помню, как тогда все повернулось.

— Николай Ильич почему из деревни уехал?

— Нужда заставила. Не по своей воле. Связался с какой-то бабой. С города на сенокос ее прислали. Молодая. Пустил Коля денежки колхозные на гулянку. Мало ему своих зайцовских баб? Ведь какие бабы вдовыми остались! Ну а как отсидел — носа не кажет. Видать, совесть осталась. Нонесь я в поезде с ним встрелась. Поколотила его жисть, поколотила, — с сочувствием сказала нянечка. — Еле признала я Колю Зотова.

«Уж не имела ли ты сама, Полина Степановна, виды на Николая Ильича? — мелькнула мысль у Корнилова. — Больно жалеешь его. — Но тут же отогнал ее, взглянув на доброе лицо женщины. — Такая для любого хорошие слова найдет, любого пожалеет».

— Полина Степановна, а как вы думаете, если бы Зотов с сыном сейчас встретился да поссорились они снова, мог бы Николай Ильич, ну, к примеру, выстрелить в Тельмана?

— Ну что ты, хороший человек! Зотов, он на такое зло неспособный, — она покачала головой. — Нет, неспособный он на это...

Он попросил Аверьянову рассказать, как найти Алексея Маричева. Полина Степановна вызвалась показать ему дорогу.

— До перемены еще успею, — сказала, взглянув на часы.

Корнилов чувствовал, что ей очень хочется узнать, отчего это он все спрашивал про Зотова, но спросить, видать, стеснялась. «Судя по всему, в деревне еще не знают о смерти Зотова», — подумал он.

19

Машину пришлось оставить в деревне: к домику путевого обходчика вела лишь узенькая тропинка — двоим не разминуться. Полина Степановна вывела Корнилова на деревенские задворки, к длинному, под черепичной крышей зданию скотного двора.

— По этой вот тропке пойдете, не заблудитесь. Как раз к чугунке приведет, к Лехиному домику. Это он и протоптал. В лавку часто бегают.

Поблагодарив Полину Степановну, Корнилов пошел по тропе, петлявшей среди стылых кустов по

краю глубокого оврага. Потом кончились и кусты, и овраг, и тропинка пошла по полю. Корнилов увидел маленький, желтого цвета домик путевого обходчика. Слева от тропы у большого стога стояла лошадь, запряженная в сани. Две женщины укладывали на воз сено.

Спокойный тихий день, безмолвные поля, какая-то умиротворенность, словно пропитавшая морозный воздух, вдруг напомнили ему детство. Светлые и наивные мечты о будущем. Неужели эти мечты ни у кого так и не сбываются? На всю жизнь остаются лишь несбывшимися мечтами, придающими минутам воспоминаний легкий привкус горечи? Неужели никогда уже не ощутить вновь того, что было? Того, что когда-то уже пережил в детстве?

Вот этот снег... Корнилов смотрел на белые поля, на одиноко торчавшие среди снегов столбы и чувствовал, как холодок начинает проникать под одежду. Всюду холодный колющий снег. И только. А Корнилова временами беспокоило непонятное, тревожное чувство — нестерпимо хотелось вновь пережить одно, пожалуй, самое яркое, детское ощущение: только что выпал на теплую еще землю парной снег. Мать везет его на санках, и он, лежа на животе, смотрит на этот снег, такой свежий, такой белый, и земля, проступающая кое-где, кажется теплой и чистой. И пахнет чем-то свежий снег, и земля пахнет. А чем пахнет, Корнилову сейчас не вспомнить. И это самое мучительное. Кажется, что все такое же, как и в детстве: и земля, и снег, и погода. А сладостное чувство, тогда испытанное, вновь не приходит. Оно неуловимо. Корнилову часто снится этот сон из детства. Он просыпается с радостным ощущением — ну вот теперь-то, вот сейчас он поймет, почувствует и запах снега, и запах земли. Но это не возвращается.

«С годами мы не только приобретаем, — думал Корнилов, — но и утрачиваем многое. Приобретаем опыт, знания, характер. Утрачиваем что-то тоже очень важное, утрачиваем особое, не детское, нет, свежее восприятие мира. Между «было» и «есть» такая лежит граница, такая преграда, которую перейти невозможно. А наши воспоминания лишены плоти. В них солнце светит, но ты не можешь ощутить его тепла. Видишь заросшее кувшинками озеро, но не

слышишь, как всплеснула рыба. Ветер воспоминаний не принесет с полей запахов свежескошенной травы...

Это прошлое. А будущее?

Ну что же мы можем сказать о своем будущем? Оно тоже без звуков, без запахов, всего лишь плоская умозрительная схема, словно макет нового города, запечатленный на черно-белой фотографии».

...Яростный лай собаки вывел Корнилова из задумчивости. Большой черный пес метался на снегу около дома. «Ну и псина, — подумал он. — Хорошо еще, что на цепи». Из комнаты сквозь подмороженное окошко глянул мужчина. Через минуту он уже стоял на крыльце и, прикрикнув на собаку, с интересом поглядывал на приближавшегося Корнилова. Был он крепкого сложения, круглолиц. На голове непокорный вихор рыжеватых волос.

«Вот он какой, Алеха Буйная Головушка», — вспомнив, как назвала Алексея Маричева Полина Степановна, усмехнулся Корнилов. Алеха был в одной тельняшке.

— Здравствуйте, хозяин, — поприветствовал его Игорь Васильевич, остановившись у крыльца.

— И вам здравствуйте, — весело отозвался Маричев. — Вы ко мне? Заходите, гостем будете.

Он провел его через крошечные сени в комнату, предложил раздеться.

Корнилов сел на большую лавку около печки, огляделся. Комната была просторной, светлой, но совсем неубранной, неухоженной. На столе ералаш из грязной посуды, закопченная кастрюля.

Перехватив взгляд Корнилова, Маричев засмеялся:

— Ох, извиняйте! Приборочку не успел сделать. Не сдогадался, что гость из города пожалует. Своих-то зайцовских не робею...

Продолжая похохатывать, Леха достал из шкафа новенький пиджак, надел его прямо на тельняшку. Посмотрев на себя в зеркало, поплевал на ладонь и дурашливо пригладил вихры. Потом сел на стул напротив Корнилова и, нагнав на лицо сосредоточенность и строгость, сказал:

— Ну что, товарищ хороший, дело есть?

— Если нет возражений — поговорим?

Ему этот Леха понравился с первого взгляда. Та-

кие у него были чистые, ничем не замутненные голубые глаза с какой-то дьявольской смешинкой, что Корнилов сразу подумал: «Недаром зовут его Леха Буйная Головушка. Вот уж, наверное, доставил он забот своим родителям. Да и деревенским девчонкам!»

— Я из Ленинграда к вам, из уголовного розыска, — начал Игорь Васильевич.

— Во! Была охота ездить! — неожиданно завопил Маричев и, вскочив со стула, забегал по комнате. — Ну дура баба! Совсем спятила, старая карга! Такую дорогу человека заставила проехать!

— Алексей Павлович! — сказал Корнилов, удивленно глядя на всполошившегося хозяина. — Чегой-то вы разбегались! Никто меня не заставлял к вам ехать, никто не жаловался на вас.

Леха моментально смолк и остановился около Корнилова:

— Не жаловались? А Лампадка Маричева, тетка моя, не жаловалась?

— Да не знаю я никакой Лампадки! — пожал плечами Корнилов. — Успокойтесь вы, ради бога. Чем вы ей досадили?

— Ха! Чем? — вздохнул Маричев и снова сел. — Эта Олимпиада — трехнутая совсем. Вам в деревне каждый скажет. Вбила себе в голову, что я у ней осенью все яблоки в саду слямзил. На машине ночью приехал и снял. «Чужой бы кто крал, — говорит, — так Полкан бы залаял. А раз не лаял, значит, Леха. Боле некому!» А мне эти яблоки — тьфу! Оскомина от них, — он улыбнулся. — Я их в детстве переел. Сейчас больше огурчики соленные уважаю. А что собака не лаяла — так откуда мне знать? Такая же старая, как тетка. — Он совсем успокоился, махнул рукой, будто отогнал все эти неприятные воспоминания. — Собаки-то меня и правда никогда не трогают. Даже незнакомые. Аж смешно... Вот выдумала Лампадка! Скоро новые яблоки вырастут, а она все грозит. — И без перехода спросил: — Так вы-то по каковскому делу ко мне?

— Алексей Павлович, вы Тельмана Зотова знали?

— Ну а как же! Знал. Корешили с ним в детстве. Не разлей вода были.

— А когда вы его видели в последний раз?

— И-и! В последний-то раз? — Алексей задумал-

ся. — Да, пожалуй, сразу после войны. В конце сорок пятого.

— Говорили с ним?

— Да так... «Жив, здоров Иван Петров!» Все на ходу. Встретиться сговорились. Ну и концы в воду... Ведь он теперь художник известный. Знаменит! В деревню нашу не заглядывает. Чего ж я набиваться буду? Приедет — приму как родного.

«Значит, и он не знает, что произошло, — подумал Корнилов. — Может быть, это и хорошо, расскажет все беспристрастно».

— Алексей Павлович, я вас очень прошу подробно рассказать мне все, что вы знаете о Тельмане и о его отце. О том, что произошло между ними в первые месяцы войны. Это очень важно...

Маричев пожал плечами:

— Столько времени прошло... — Потом вдруг забеспокоился: — А что случилось? Не секрет? Мужик-то он добрый. Мухи не обидит, не то что я...

Игорь Васильевич положил ему руку на колени и тихо, но настойчиво попросил:

— Расскажите, Алексей Павлович. По порядку... Я вам все объясню.

— Какой уж там порядок, — Леха как-то странно улыбнулся. — Прямо не знаю, с чего и начать. — Он встал со стула и заходил по комнате.

Корнилов не торопил. Сидел, приглядывался к Маричеву. Ему, видать, уже немало лет — много за сорок, а он подвижный, словно ртуть, энергичный. Удаль чувствуется во всех его движениях, в беспокойных глазах.

Леха вытащил из шкафа чекушку водки, два стакана. Поставил на стол. Виновато посмотрел на Корнилова:

— Эх, товарищ начальник, как вспомню то время, аж вот тут жжет. — Он стукнул себя кулаком в грудь. — Не откажитесь! У меня такие огурчики...

Корнилов нерешительно пожал плечами.

Леха вихрем метнулся в кухню. Там загремели кастрюли, что-то упало, а через минуту он уже ставил на стол тарелку с огурцами, хлебом, толсто нарезанным салом.

— Вы мне только самую малость, — попросил

Корнилов, увидев, как решительно взялся за чекушку Маричев.

— Понятно! — весело сказал Алексей. — Это мы понимаем. И что ломаться не стали, за то уважаем.

— Все в общем-то из-за его имени тогда началось, — сказал Маричев после того, как они выпили. — Назвали Тельманом. Отец и назвал-то. В честь Эрнста Тельмана. Ну, мы, мальчишки, его все Телем звали. Тель да Тель. Я ведь с Телем в одном классе учился. Корешки. Тель без матери рос. Умерла его matka еще до войны от какой-то болезни. Вот такие дела... А фрицы пришли, едри их в корень, тут и началось. — Леха сморщился, будто от зубной боли, и начал со злостью тереть себе затылок. — Да ведь мы и не ждали их так рано! Все думали — пока сквозь наши леса продерутся! А они туточки. Да еще не с той стороны, откуда должны были, — от Сиверской припылили. Я с Телем как раз на прогоне, на бревнах сидел: все советовались, куда податься. Мой батя служил, а Николка Зотов, Тельманов отец, — хромоножка, его в армию не взяли. Так он никуда уходить из деревни не хотел. Все баял: не задержатся фрицы до зимы. Ну а мы с Телем хотели в Питер рвануть. Одни...

Сидим. Вдруг на прогон мотоцикл с коляской вылетает. Как дал на тормоза, аж занесло, только пыль столбом. Я гляжу: какие-то странные солдаты, головы будто приклепнутые, ну прямо вровень с плечами. Ничего понять не могу, а Тель мне как саданет в бок. «Немцы, — говорит, — тикаем». Брык с бревен. Я за ним, да в бузину и напролом. А фрицы чегой-то заорали и с пулемета садить!

Какой кросс мы выдали! Куда там Валерию Борзову!

Отсиделись в гумне за деревней. Все боялись домой возвращаться, думали: а вдруг приметили нас фрицы. А ведь дома и корзинки со жратвой были собраны в дорогу.

К вечеру потихоньку огородами пришли в дом к Телю, а там немцы. Ну, угодили! Дядя Коля в кухне стоял, а рядом офицер. Как сейчас помню, держал он в одной руке бутылку. С вином, наверное, а в другой — тарелку с горячей картошкой. Пар от нее шел. Мы, как немца увидели, с порога назад. А отец возъ-

ми и крикни: «Тельман, сынок!» — Маричев закурил папиросу, глубоко затянулся. — Мы бы удрали, да наткнулись в сених на солдата.

Привел он нас в горницу, поставил посередке. А офицер рассказывает по горенке. За половики чепляет. Лицом-то добрый, улыбается. И шпарит по-русски: «Вы, — говорит, — мальчики или зайчики?» Шкура! «Зачем, — говорит, — так быстро бегаєте, боитесь немецкого офицера?»

Мы стоим сопим. Ну прямо как во сне! Свалился этот шпендрик на нашу голову! Хоть и ждали, а все же поверить было трудно.

Дядя Коля тут же стоит. Бледнющий — лица на нем нет. А немец говорит: «Кого это из вас Тельманом зовут? Или мне послышалось?» Дядя Коля тихо отвечает: «Послышалось, господин офицер. Сынка моего Тишей звать». Быстро он, однако, его в господа произвел.

Офицер как захохочет! Чего уж ему смешно стало? Пальцем показал на Теля: «Этот? — И спрашивает: — Как зовут тебя, мальчик? Тишей?» А Тель как зыркнул на отца, ровно волчонок, и отрезал: «Тельман!» — Маричев вздохнул тяжело и задумчиво сказал: — Нас ведь, товарищ начальник, весной в комсомол приняли!

Ну и понесло офицера. Чего он только не говорил! И о том, что Тельман — имя плохое, не русское и не немецкое. Что это и не имя совсем. Да все с улыбочкой. Я стою, смотрю на стол, где картошка дымится, — жрать охота! Думаю, черт лысый, картошка остынет, отпустил бы поскорей. Шиша с два! Спрашивает он дядю Колю: «Поп у вас в деревне есть?» Тот кивает, есть, мол. Отец Никифор. «Вот, — говорит, — по русскому обычаю мы и перекрестим вашего сынка в Тишу. Нельзя, чтобы с таким именем мальчишка жил». Так, дескать, зовут врага всех немцев и русских.

А Тель возьми да брякни: «Я в церкви не крестился».

А я-то знаю, что в церкви крестили его родители. Нас, деревенских, почти всех в те годы крестили. Мне мать рассказывала. Офицер смеется пуще прежнего: «Ну вот и хорошо. Будешь крещеным». А Тель знай твердит: не буду да не буду, Тельман я.

Офицер посмотрел на свою остывшую картошку и уже зло говорит дяде Коле: «Не должно быть мальчика с таким именем. Это непорядок. Вас я накажу особо за то, что его так называли, но вдвойне накажу, если вы сына не перекрестите в Тишу, — и повторил, скосорылившись: — Мальчика с таким именем быть не должно! — Отчеканил и посмотрел на дядю Колю так, что у того руки затряслись. — Забирайте его и порите, пока не скажет: «Я — Тиша».

Ох, что было потом! Вспоминать неохота, — виновато улыбнувшись, сказал Маричев.

Завел дядя Коля в кладовку Теля. Сначала уговаривал: «Застрелит ведь немец и тебя и меня. Хорошо, — говорит, — этот еще добрый попался. Другой бы и чикаться не стал». Но Тель уперся. Ревел. Тогда дядя Коля сказал ему: «Сейчас пороть буду. Ты, сынок, кричи погромче». А меня вытурил. Ну да я все равно никуда не ушел. Во дворе на сеновал залез. Слышал возню в кладовке. Отец ему, видать, крепко поддал, а Тельман не пикнул.

— Ну а потом-то что? — спросил Игорь Васильевич. — Чем все кончилось? — Рассказ Маричева потряс его.

— Потом мы все-таки драпанули, — с удовлетворением ответил Маричев. — Тель ночью, а я утром. Немцы вечером деревню прочесали, всех мужиков и мальчишек в церковь согнали и заперли на ночь. Видать, дюже боялись. А дядю Колю оставили. Понадобился он им зачем-то.

Посадили для начала всех нас на каменный пол, велели снять кепки, у кого были. Троих стриженных сразу забрали. Два красноармейца были. Попали в окружение. Бабы их переодели. А третий — Витя-китаец. Наш, зайцовский. С лужской тюрьмы пришел. Так и пропал с тех пор. Может, расстреляли...

Потом закрыли немцы двери. Часового поставили. Тот всю ночь постреливал с автомата да пел гнусавым голосом. Чтоб не заснуть, наверное. Вот и куковали мы в этой церквухе. Я так и остался без жратвы. Злой был — страсть! Ну, думаю, выйти бы только — я им такую козу устрою!

Корнилов засмеялся. Столько злости и удалства было в словах Лехи Маричева, что он не удержался, спросил:

— Ну и устроили?

— Э-э! — весело отозвался Маричев. — Отлились волку овечьи слезы! Я ведь потом к партизанам попал. Ну да это все другой сказ. А уж раз вы про Тельмана интересуетесь, так я доскажу. Сидим мы в церкви, кукуем. Мне даже страшно стало. А тут еще поп с нами. Немцы и его заперли. Отца Никифора. Зажег он лампаду перед иконами, стал на колени, молится. На иконах святые будто живые. Глядят со всех сторон. Огонек у лампадки мечется. Да еще ветер на улице поднялся. И слышно, как на колокольне колокола позванивают. А отец Никифор антихриста на все корки разносит. Жуть. Тут один из мужиков ему говорит: «Ты бы, батя, не рвал душу, кончил бы причитать».

Поп и вправду молиться перестал, подошел к Телю, голову ему потрогал: «Крепись, — говорит, — свистулька». Принес откуда-то мокрую тряпку, положил ему на фингал, сел рядом. «Каяться, — спрашивает, — будешь?» Тель брыкается. А отец Никифор все пристает с покаянием. «Яблочки с церковного сада таскал? Покаялся бы. — И смеется. — Хороши яблочки? Ничего, свистулька. Не переживай. Сказано в священном писании: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы».

Вот ведь как наш поп сказанул тогда. Я до сих пор помню! Наверное, придумал. По ходу дела, — усмехнулся Маричев. — Не может быть, чтобы в священном писании так сказано было. Правда ведь?

— Не знаю, — ответил Игорь Васильевич. — Мне такого не попадалось.

Они закурили, посидели, помолчали. Потом Маричев продолжил:

— Отец Никифор Телю сказал: «Как, — говорит, — я твоего отца отговаривал, чтоб не называл тебя Тельманом. Нету такого имени в святцах! Настоял, упрямый козел. И согрешил я — записал тебя Тельманом. Мне потом отец благочинный выволочку делал. Да я и сам хотел уйти. «Пишша плохая, лапти сносились — давай рашшот!» — пропел он дурашливо. Все рассмеялись, и Тель улыбнулся. Понял, что шутит поп.

А отец Никифор говорит: «Тут среди нас, заметил я, чужих двое. Думаю, что переодетые. Завтра

фрицы уже не по волосам проверять будут. Дознаются, кто вы такие. Не зря же вы переодевались. Надо бы вам тикать отсюда. Да и мальчика с собой прихватить. Не ровен час...»

Все молчат. Потом тот мужик, что молиться попу не дал, говорит зло: «Ты что же, смеешься, что ли? Как из твоей церквухи выберешься? Ровно тюрьма. Сам-то небось тоже сидишь!»

«Раз господу угодно, чтобы вас от пули спасти, найдет он путь праведный, — проворчал отец Никифор. — Церковь эта со словцом поставлена».

Подошел он к мужику, пошептались они о чем-то. Потом еще с одним мужичком пошептались. Прихватили Теля и ушли куда-то за иконостас. Через маленькую дверцу. А поп вернулся. Хотел и я с ними рвануть, да не взяли. «Сиди, — говорят, — тебе бояться нечего».

Ну вот и вся история. А Теля я потом только после войны встретил.

— А священник? — спросил Корнилов.

Маричев нахмурился:

— Попа немцы повесили. На колокольне. Недельку висел рядом с колоколами.

С нами пастух колхозный сидел. Дурачок. Он и проболтался... Да и его потом немцы застрелили. Они всех юродивых стреляли, как собак. Неполноценные, мол.

— А чего ж он с теми не пошел? — Корнилов никак не мог понять, почему поп остался.

— Я его тоже спросил об этом, — как-то нехотя ответил Маричев. Сказал он мне: «Сердце мудрых в доме плача, сын мой». Не очень-то я это понял. А жалко мужика.

— Алексей Павлович, не угостите ли чайком? — попросил Корнилов. — Вы никуда не торопитесь?

— Не, у меня «отгулы за прогулы». Выходной я. Сей момент чайку сварганим.

Он ушел на кухню и опять загремел там кастрюлями. Корнилов сидел и думал о том, что услышал от Маричева.

Леха принес две чашки с блюдами и варенье в маленькой эмалированной мисочке. Сказал гордо:

— Черноплодка с яблоками. Хозяйкина гордость.

Корнилов посмотрел на часы и спохватился: он сидел у Маричева уже около трех часов и даже не заметил, как потемнело на улице.

— Алексей Павлович, — сказал он. — Еще несколько вопросов, да бежать надо. Время подгоняет. А что ж Зотов-то? Отец? Ему немцы ничего не сделали?

— Сделали, — ворчливо ответил Алексей. — Двое суток мутузили. И мне малехонький отлуп по утрянке дали. За дружбу, наверное. Еле выкарабкался.

— А потом?

— Потом? — рассеянно отозвался Маричев. — Потом, когда фрицев туранули, они полдеревни за собой угнали. И дядю Колю. Он, пожалуй, самый последний и вернулся в конце сорок шестого. Думали, уж совсем сгинул. Кто-то из зайцовских его в Германии чуть не при смерти видал.

— Алексей Павлович, а с сыном Зотов не встречался?

— Не знаю. Когда Тель в Зайцово после войны приезжал, ничего не известно было об отце. Все считали, что погиб в Германии дядя Коля. Тельман и уехал. Да и жить было негде. Дом-то сгорел...

— А если бы Тельман с ним встретился?

— Ну и что? — удивился Алексей.

— Не мог он ему грозить? Ударить, например?

— Кто? Тельман? Ну что вы! — отмахнулся Маричев. — Простить, может, и не простил бы, но чтоб руку поднять?! Нет! — И, чуть подумав, добавил: — Да, наверное, и простил бы... Я бы простил. Отец все-таки.

— А почему Тельман потом отца не разыскал?

— Откуда я знаю? Наверное, думал, что погиб. А может, уже и разыскал.

— Ну а Зотов?

— А он-то что? Не-ет. Когда со мной говорил, плакал. «Нет, — говорит, — мне прощения». Еще бы. А почему вы все про это спрашиваете?

— Да потому, что Тельмана нашли убитым недалеко от того места, где жил старик.

Маричев вскочил, бледнея:

— Тельмана убили? Какая же падла?

«Нет, не буду говорить, что отец. Всей правды ведь не объяснишь», — подумал Корнилов.

— Вот хочу докопаться, как это все произошло.

— Такое выдюжил парень, а тут... — Маричев замолк, растерянно глядя на Корнилова.

20

С тревожным чувством отправился на следующий день Корнилов в дирекцию лесхоза, чтобы повидать бухгалтера Мокригина. Он уже не сомневался в том, что именно Мокригин шел вслед за художником в день убийства. Дежурный на станции Мшинская опознал на одной из предъявленных ему Белозеровым фотографий человека, приехавшего пятнадцатичасовой электричкой. Этим человеком был Григорий Мокригин. Но нет, не признается бухгалтер, что ездил на Мшинскую. Не захочет отвечать на опасный вопрос, почему убежал из леса, оставив на произвол судьбы истекавшего кровью Алексева. Ведь не обмолвился он ни словом об этой поездке, когда беседовал с работниками уголовного розыска, узнавшими о его дружбе с лесником.

Но, несмотря на все свои сомнения, Корнилов шел в лесхоз и надеялся на успех. Он специально не стал приглашать Мокригина в райотдел — ему хотелось заставить бухгалтера врасплох, неподготовленным. Поставленный перед необходимостью отвечать сразу же, немедленно, он может допустить промах, неточность, может растеряться.

«Почему этот Мокригин не пошел за помощью в деревню? — думал Корнилов. — Испугался, что могут и его убить? Взор! Тогда бы он прибежал хоть в милицию. Побоялся, что могут заподозрить в убийстве его самого? Нет, честный человек сначала окажет помощь раненому, а уж потом подумает о себе. Честный человек... Но ведь бухгалтер в прошлом уголовник. Мог подумать: «Первое подозрение — на меня. Попробуй потом отмойся». И повернул домой, даже к дружку своему не пошел в тот день. А почему же не был потом? Почему не пришел на похороны лесника? Они же были друзьями. Об этом и в лесхозе знают, и во Владычкине. Что-то за всем этим кроется более серьезное... Знал ли Мокригин, кто идет вместе

с ним по лесной тропе? Нет, скорее всего не знал. Ведь и лесник не встречался с сыном тридцать лет...»

Дирекция размещалась недалеко от вокзала в старом, видать, купеческом доме. Первый этаж у него был каменный, обшарпанный, с обвалившейся кое-где штукатуркой, второй — деревянный, из темных, тронутых трухлявинкой мощных бревен. Около дома стояло несколько «газиков» и «Победа». В ней было битком набито людей, из-за приспущенного стекла валил дым, слышался смех — похоже, шоферы обсуждали какую-то веселую историю.

Корнилов вошел в дом. В коридоре, стены которого были густо заклеены объявлениями, приказами, сводками, курили двое мужчин. У обоих поверх пиджаков были надеты меховые безрукавки.

— Где мне найти бухгалтера? — спросил Корнилов. — Григория Ивановича Мокригина.

Один из мужчин молча показал на лестницу в конце коридора. Корнилов поднялся на второй этаж и отыскал дверь с надписью «Бухгалтерия». «Если там будут посетители, я подожду», — решил он. Вообщето в бухгалтерии работали двое: старший бухгалтер Мокригин и еще одна женщина. Еще накануне Корнилов уговорился с работниками ОБХСС, и они вызвали ее в это время на беседу.

Корнилов приоткрыл дверь и сразу увидел Мокригина. Бухгалтер сидел за большим столом и сосредоточенно считал на арифмометре. На вошедшего не обратил никакого внимания, даже лысой головы не поднял. Корнилов подошел к его столу и сел, положив на колени шапку. Мокригин продолжал крутить ручку, беззвучно шевеля губами. Верхняя губа у него была тонкая, злая, а нижняя — пухлая и отвислая. Закончив считать, он записал на бумажке какие-то цифры и только тогда поднял голову.

— Вы ко мне?

Бровей у него почти совсем не было, и оттого лицо казалось каким-то бесцветным, блеклым.

— Да, я к вам, Григорий Иванович. — Корнилов достал удостоверение, представился.

Мокригин хотел что-то сказать, но только облизнул вдруг свою толстую нижнюю губу. В лице у него ничего не изменилось, не дрогнуло. Он замер.

— Григорий Иванович, я пришел к вам погово-

рить о леснике Зотове. Мне сказали, что вы были с ним друзьями...

Бухгалтер по-прежнему был спокоен. Никаких признаков паники. Только сузились глаза, стали маленькими точками зрачки. «Он давно ждал, что к нему придут, — подумал Корнилов. — Успел приготовить себя».

— А что бы вы хотели узнать о Зотове? — Мокригин явно не собирался распространяться о своей дружбе с лесником.

— Вы, наверное, знаете, Григорий Иванович, что Зотов убил сына и сам повесился, — Корнилов сказал это нарочито спокойно, буднично. — Мне хотелось бы знать об их отношениях.

Мокригин неопределенно пожал плечами.

— Что ж рассказывать? Я не знаю. — Он посмотрел на Корнилова, чуть-чуть прищурившись. — Вы лучше задавайте вопросы. Я отвечу.

«Ого, да он тертый калач, — подумал Корнилов. — Школа видна. Такого голыми руками не возьмешь», — и спросил: — С Зотовым вы давно знакомы?

— Давно.

— А вы неразговорчивы, Григорий Иванович. С вами трудно, — улыбнулся Корнилов. Бухгалтер пожал плечами, машинально крутанул ручку арифмометра.

«Так мы будем разговаривать неделю, — подумал Корнилов. — Интересно, надолго ли ему хватит выдержки?»

— Вы были знакомы с Тельманом Алексеевым, сыном Зотова?

— Нет.

«Отвечает не задумываясь. На лице ни один мускул не дрогнет».

— А знали о его существовании?

— Знал.

— Они были в ссоре?

Мокригин усмехнулся:

— Так... расплевались однажды. Сын-то тогда от горшка два вершка был! Они же с войны не виделись. О покойниках плохо не говорят, но сынок его свинья свиньей оказался. Даже не подумал разыскать старика, помочь ему... — Лицо бухгалтера стало злым.

— А Зотов просил его о помощи?

— С какой стати?! Он и не искал сына. Случайно узнал о нем, — неожиданно выкрикнул Мокригин. — Чего ему унижаться перед «чистеньким» сыном! Я, я только и помогал старику, — сказал он с необычной горячностью. — И деньгами, и по хозяйству. Да мало ли! — Он с какой-то безнадежностью махнул рукой и замолк, словно испугался своего порыва.

— А как узнал старик о сыне?

— В журнале портрет увидел. В «Огоньке».

— И решил его разыскать?

— Откуда я знаю? — проворчал бухгалтер. — Он мне не докладывал.

«Наверняка знает, что старик разыскивал сына, — решил Корнилов. — Только зачем скрывает?»

— А где вы познакомились с Зотовым, Григорий Иванович?

Бухгалтер вдруг посмотрел на Корнилова с откровенной ненавистью:

— Там и познакомился. Будто не справились... — И сказал с вызовом: — Кто еще у бывшего зека другом может быть? Такой же зек, как и он. Вот мы со стариком и держались друг друга.

— Вы правы. Я наводил справки: в одной колонии отбывали наказание.

«Старый друг лучше новых двух, — вдруг вспомнилась Корнилову поговорка. — Старый друг лучше новых двух...» — И какая-то совсем смутная догадка мелькнула у него, скорее не догадка, а предчувствие того, что за этой неожиданной горячностью бухгалтера, за его словами о старой дружбе отверженных обществом людей и кроется разгадка к трагедии.

— Вы, Григорий Иванович, не женаты? — спросил Корнилов. Он всегда так вел беседы, перескакивал с одного вопроса на другой, лишая своего собеседника возможности понять, что же интересует подполковника больше всего.

— Нет, — отчужденно ответил Мокригин.

— А у вас есть родные?

— Какое это имеет значение? Вы ведь хотели узнать о Зотове, а не обо мне?

— Простите, если задал неприятный вопрос, — дружелюбно сказал Игорь Васильевич. — Я не хотел вас обидеть.

Бухгалтер смотрел на Корнилова с ненавистью.

— Да, да! Нет у меня родных! Не знал никогда о них и знать не хочу!

— А друзья?

— Что вы ко мне в душу лезете?

«Одиночество, одиночество его мучает!» — подумал Корнилов.

— А зачем Зотов убил сына?

— Откуда я знаю? — закричал бухгалтер. Веко на правом глазу у него задергалось. От его несокрушимого спокойствия не осталось и следа. — Что вы не даете покоя старику? Он умер! Умер! И никто не узнает, зачем он убил сына.

Корнилов подождал, пока бухгалтер успокоится, и примирительно сказал:

— Ладно, оставим в покое Зотова, начнем с другой стороны...

Он достал из папки стопку бумаги, авторучку. И вдруг почувствовал, как напрягся Мокригин. Лицо у него стало каменным, только зрачки еще больше сузились.

— Григорий Иванович, — сказал Корнилов. — У меня есть поручение следователя допросить вас по делу об убийстве Тельмана Алексеева. По вновь открывшимся обстоятельствам...

Мокригин молчал.

— Когда вы виделись с Зотовым в последний раз?

— Пятого января... На день рождения он ко мне приезжал.

— А вы?

— Что я? — не понял бухгалтер.

— Вы когда у него были? У Зотова.

— Сразу после Нового года. Съездил, по хозяйству помог.

— Как вы праздновали день рождения? Много было гостей?

— Нет, никого не было, кроме Коли. Посидели в ресторане — и домой.

— В каком ресторане?

Мокригин осклабился:

— И этим интересуетесь? В «Радуге».

— Где вы были тринадцатого января с часу дня и до двенадцати?

— Ездил в Ленинград, — нехотя процедил Мокригин. — На электричке в тринадцать тридцать.

— Расскажите мне последовательно, где вы были в Ленинграде?

Бухгалтер недобро усмехнулся:

— Если это так необходимо... Попробую вспомнить. — И начал перечислять магазины. Он врал умно, с оглядкой. Корнилов мысленно проследил его путь по городу — все магазины выстраивались по маршруту третьего трамвая.

— Ни один из этих магазинов не был закрыт на переучет? — Корнилов заметил, как на скулах Мокригина вздулись желваки.

— Нет, на переучет закрыты не были, — медленно ответил он. — Правда, в каком-то из них отдел не работал... Только не помню в каком.

«Интересно, почему Мокригин не спрашивает меня, для чего этот допрос и в чем он провинился? — подумал Корнилов. — Хочет показать свое безразличие».

— Вы что-нибудь купили себе?

— Нет. Искал пальто на меховой подкладке, да не повезло...

«Еще бы! Такое пальто и летом по большому благу не достанешь. А уж то, что его зимой в магазинах не бывает, в этом-то, голубчик, ты уверен. Беспрочно играешь».

— Значит, ничего не купили?

— Ничего.

— Когда вы приехали в Ленинград, какая там была погода?

— Пасмурно. Снежок шел, — сказал Мокригин, и Корнилов вдруг увидел, как его лоб внезапно покрылся мелкими капельками пота. Бухгалтер заерзал, стал вдруг перекладывать с места на место бумаги, лежащие перед ним на столе.

Корнилов помнил, что по сводке метеобюро пасмурная погода со снегом была на Мшинской, а в Ленинграде днем было ясно. Светило солнце. Он почувствовал резкий запах мужского пота и непроизвольно поморщился.

— Григорий Иванович, а когда вы уезжали из Ленинграда? Время? Погода?

— Не помню, — отрывисто бросил Мокригин. Похоже, что нервы у него совсем сдали.

— Когда пришли домой?

— В двенадцать.

— Это вы на фото? — Корнилов вынул из кармана фотографию Мокригина, которую по его просьбе сделали гатчинские оперативники.

— А вы что, не видите? — огрызнулся бухгалтер. — И что это за допрос?! Я в чем-то виноват? Вы даже не потрудились мне объяснить!

— Служащие станции Мшинская, Григорий Иванович, опознали в этом мужчине пассажира, который сошел с трехчасового поезда и направился по лесной тропе в сторону деревни Владычкино...

— Я был в Ленинграде, — упрямо сказал бухгалтер.

— С этого же поезда сошел и Алексеев, — продолжал Корнилов. — У него были лыжи. Он ушел вперед, но на одной сломалось крепление. — Мокригин уже не мог справиться с собой, лицо его перекосила какая-то странная гримаса. Он весь подался к Корнилову, впился в него взглядом. — Да, забыл одну деталь — у Тельмана Алексеева была такая же шапка, как у вас. — Он повернулся к вешалке, на которой висели пальто и рыжая мохнатая шапка бухгалтера. И тут его обожгла шальная мысль: «А не бухгалтеру ли предназначалась пуля? Ведь у него и у художника не только шапки похожие. И фигуры тоже одинаковые. Оба широкоплечие, высокие...»

Мокригин молчал.

Тогда Корнилов наклонился к нему и сказал, положив свою руку на руку бухгалтера:

— А ведь это вам приготовил старик пулю, Григорий Иванович. За что?

Мокригин резко вскочил, уронил стул. Несколько секунд он молча смотрел на Корнилова, словно не зная, что предпринять, а потом вдруг громко, горячечно зашептал:

— Не докажете, не докажете! Не мог он в меня. У него и был-то один друг на свете — Гриша Мокригин! Один! Все от него отвернулись, все! И Тельман этот тридцать лет не знался, а тут нате, поперся к папочке. Кому он нужен, Павлик Морозов! Говорил я деду: доживай свой век без чистеньких. Не послу-

шал — умереть ему прощеным захотелось! Тьфу! — Мокригин плюнул и, будто опомнившись, спросил, пристально глядя в глаза Корнилову: — А я-то, я в чем виноват, товарищ хороший? Мне-то вы зачем о прошлом напоминаете? Мало ли в кого стрелял старик. Он и расчелся. Не я ведь стрелял! — И снова закричал: — Что вы мне душу терзаете, все старых грехов забыть не можете? Вам дай волю — клеймо бы на лбу выжгли!

Дверь в комнату приоткрылась, и заглянула испуганная женщина. Мокригин посмотрел на нее со злостью, и женщина моментально исчезла.

— Вы садитесь, — спокойно, но настойчиво попросил Корнилов. Так мучивший его все последние дни вопрос, зачем убил старый лесник своего сына, перестал быть вопросом. — Я не о старом пришел напоминать. — Мокригин сел. Веко у него все дергалось, а руки не находили покоя. Он хватался то за лицо, то за шею. — Дело ведь вот в чем, Григорий Иванович: бросили вы Тельмана Алексеева в беспомощном состоянии. Умирать в лесу. А его спасти можно было, если бы вы сходили за помощью.

— Мертвый он был, мертвый, — упавшим голосом пробормотал бухгалтер. — Старик без промаха бил. — Мокригина передернуло, словно от холода.

— Экспертиза свидетельствует — несколько часов жил. Вот за это преступление вам отвечать придется. Оно доказуемо...

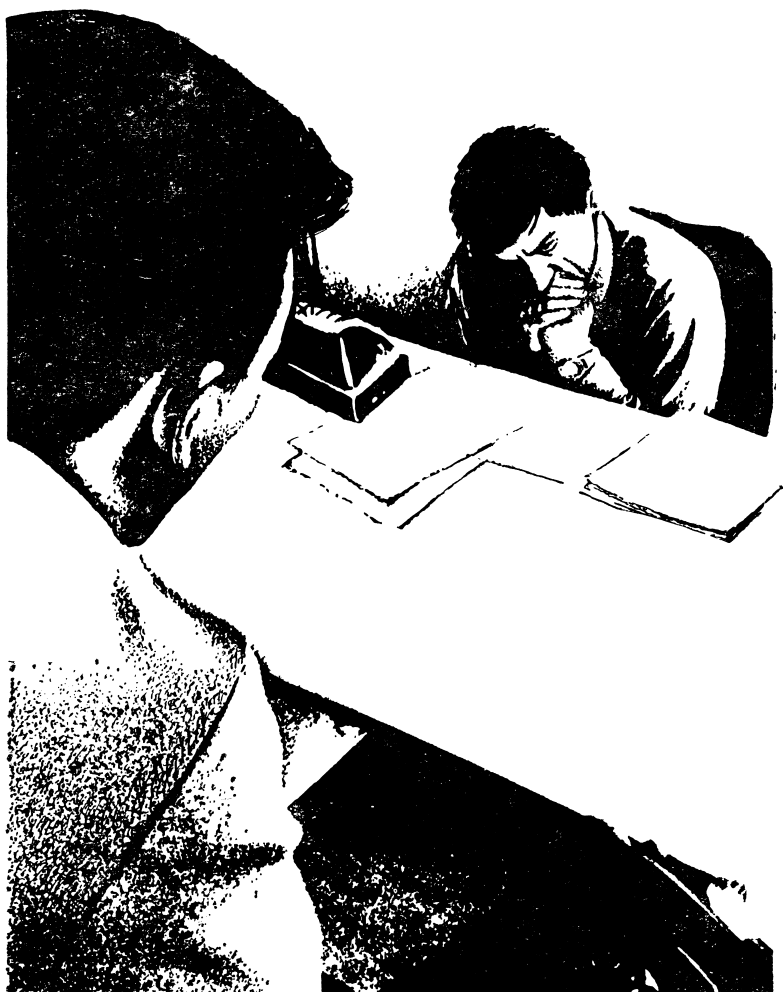
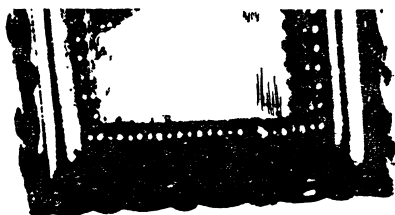
— Мертвый он был, — опять сказал Мокригин. Вид у него был затравленный.

«Опытный дядя, — думал Корнилов, разглядывая бухгалтера, — а нервишки подводят. Эх он распахивался, когда я сказал, что пуля ему предназначалась!» И быстро спросил еще раз:

— Григорий Иванович, а за что все-таки хотел убить вас лесник? Неужели не догадываетесь?

Мокригин шумно набрал в легкие воздуха, лицо его сделалось таким багровым, что Корнилов испугался, не хватит ли бухгалтера удар.

— А если и догадываюсь, — наконец выдохнул он, — вам-то какая с этого корысть? К делу не пришьете! — Мокригин неожиданно улыбнулся, улыбнулся дико и зловеще. Глаза у него блеснули. Корнилову даже показалось, что как-то гордо блеснули.

— Боялся меня Николка, — сказал бухгалтер. — Своего прошлого боялся. Сыну хотел чистеньким представиться. А меня, значит, побоку?! Рылом в чистенькие не вышел? Курва! — Он так же внезапно погасил свою жуткую улыбку и замолк.

Остальная часть допроса пошла спокойно. На все вопросы Мокригин отвечал безучастно и односложно: «да», «нет». Он подтвердил, что услышал выстрел перед тем, как выйти из леса на поляну, и через несколько минут наткнулся на тело лыжника. Думал якобы сначала, что выстрел случайный, что поблизости охотники. Боясь, что могут выстрелить еще, он спрятался за ель и только тогда увидел справа на горке спину удалявшегося человека. Это был Зотов.

О лыжнике Мокригин все время твердил: «Он был мертвый, лыжник-то. Мертвый. Я ничем не мог помочь». О том, что это был Тельман Алексеев, сын лесника, Мокригин узнал только вчера от директора лесхоза.

Но когда Корнилов снова спросил бухгалтера, за что все-таки хотел его убить лесник, он заложил руки за спину и молчал, стиснув зубы. Корнилов понял: на этот вопрос ответа не получить.

Он сел за соседний столик, где стояла большая пишущая машинка, и начал печатать протокол допроса. Бухгалтер сидел понурый, время от времени исподлобья поглядывая на него. Когда протокол был готов, Корнилов мельком перечитал его и дал Мокригину. Ознакомиться и подписать. Бухгалтер спокойно взял листки и, глядя прямо в глаза Корнилову, разорвал протокол на мелкие кусочки. В лице у него ничего не дрогнуло, ни один мускул.

— Ничего не докажете. Можете хоть сто опознаний делать. — И бросил бумажки на пол.

Корнилову стоило большого труда, чтобы не показать бешенства, которое им овладело. «Ох какой подонок, какой зрелый подонок», — подумал он, ощущая нестерпимое желание ударить.

— Вы можете сколько угодно рвать бумажки, но от ответа вам не уйти, Мокригин!

Возвращаясь в райотдел, Корнилов думал о том, что же могло связывать этого злобного бухгалтера и лесника Зотова? Бухгалтера и лесника. Сидели вместе. Верно, сидели. Но раскаявшиеся-то преступники

на свободе избегают друг друга. А уж если объединяются, то закоренелые. На дурное. Наперекор пословице «В счастье — вместе, в горе — врозь».

Бухгалтер и лесник. Правил без исключений нет, но не обязательно ведь эта пара — исключение. Нет, недаром держались они вместе столько лет. Лесник и бухгалтер лесхоза. Что же их связывало? Лес? Воровали лес? Слишком на поверхности...

В райотделе Игорь Васильевич рассказал обо всем начальнику уголовного розыска Финогенову.

— Берите дело в свои руки. Свяжитесь с лужской прокуратурой. У них делом об убийстве следователь Каликов занимается. Но стерегите бухгалтера. Сбежать может. Сердцем чую. Попросите обэхээссовцев — пусть займутся лесхозом. Что-то тут нечисто. Бухгалтер и лесник — улавливаете? Сидели вместе. Я вам свою точку зрения не навязываю, но посмотрите, разберитесь. Я так думаю, что, если человек мог одну подлость совершить, он и на другую способен. У подленького за душой не один грешок найдется.

...Дня через два после всех этих событий Корнилов а остановил в коридоре управления Белянчиков:

— Все забываю тебя спросить, Игорь. Когда ты понял, что лесник не в сына стрелял, а в своего дружка, в Мокригина? — Белянчиков немножко слухавил — они с Корниловым встречались постоянно, на дню по несколько раз. И давно бы он мог спросить, да просто дулся за тот разговор. Белянчиков обиды долго помнил.

— На репетиции в театре.

— При чем здесь театр? — удивился Белянчиков.

— Да как тебе сказать, — задумчиво начал Корнилов. — В двух словах не расскажешь.

Они подошли к окну, Корнилов закурил.

— Пригласили меня проконсультировать одну пьесу. На нашу тему. Там в третьем действии молодой парень убивает свою знакомую. Бежит к другой подружке и в любви ей объясняется, пьют вместе вино как ни в чем не бывало. А на репетиции заминка произошла: не получается эта сцена у молодого актера, и все тут. «Дайте, — говорит, — мне еще время в образ вжиться».

Я сначала решил — не под силу актеру роль. А потом, когда подумал всерьез да всю пьесу вспо-

мнил, другое понял. Это не актера вина. Он-то молодчина. Фальшь уловил. Интуитивно почувствовал, что его герой не мог совершить это преднамеренное убийство, да еще тут же с новой милашкой объясняться!

— Что значит «не мог»? — спросил Белянчиков.

— Ну конечно, в жизни все бывает: случай, пьянка, вспышка гнева. А чтобы преднамеренно — нет! Этот герой не мог, понимаешь? Логика характера не позволяет. Уж таким сотворил его автор. А потом ссамовольничал.

Белянчиков засмеялся:

— Ну ты чудишь, Игорь! Это уж дело автора, как повернуть...

— Ничего смешного не вижу. Я с тобой как с другом... — Корнилов сердито поглядел на Белянчикова. — Не могу я тебе объяснить, что уж там автор думал...

— Ну а к чему ты мне всю эту историю рассказал? Я ж тебя о другом спросил.

— С логикой у тебя слабовато, Юра. Логикой тебе подзаняться не мешало бы. Да, наверное, поздно. Чему Ваня не выучился, тому Ивана не обучишь... А если говорить серьезно, то слишком уж страшное это преступление — сыноубийство. Да особенно если совершено оно так расчетливо, обдуманно. Для этого ох какие основания иметь надо! А Зотов полжизни врозь с сыном прожил, даже не встречался.

— Ну и довод у тебя, — тихо сказал Белянчиков. — Не слишком профессиональный.

— Логичный довод, — сказал Корнилов. — Простой, человеческий. Да ведь еще и шапки у Мокригина и у Тельмана Алексеева одинаковые были. Мне это сразу в глаза бросилось. Вот так-то, товарищ капитан. А все-таки бесплодных истин не бывает!

ПРОПАВШИЕ СРЕДИ ЖИВЫХ

Корнилов подошел к открытому окну. Ветер трепал занавеску, доносил голоса мальчишек, игравших на набережной, и легкое постукивание маленького буксирчика, выгребавшего против течения.

Солнце садилось. Его лучи расплескались вместе с мелкой невской рябью, тронули розовыми отсветами гранит набережной. В окнах Зимнего полыхнуло багряное пламя и тут же погасло. На фоне золотисто-фиолетового неба четко прорисовывался силуэт города с портовыми кранами, Исаакием, стрельчатыми луковницами Спаса-на-крови. Над рябой бесконечностью остывающих крыш стояло марево. Протяжный, ясный и чистый звук трубы раздался с улицы. На «Авроре» труба играла вечернюю зорю. Ее песня продолжалась минуты две и растаяла в вечернем небе. И, словно повинувшись сигналу трубы, исчезла позолота с невской глади, и вода сразу стала серой и грязной.

Корнилов любил слушать, как поет труба на «Авроре». И хотя крейсер был совсем рядом, за

углом дома, в котором жил он с детства, не так уж часто удавалось Игорю Васильевичу застать прекрасный, на грани дня и вечера, момент, обозначенный песней горниста. Обычно в это время Корнилов еще работал.

А сейчас он смотрел в окно: вот-вот должна была подойти машина — к девяти надо было успеть к начальству. Генерал весь день был на бюро горкома партии, а теперь вот ночным поездом уезжал в Москву. Секретарша предупредила Корнилова, что «сам» звонил с бюро, просил к девяти быть у него.

Из окна были видны Кировский и Литейный мосты. Корнилову иногда казалось, что, не будь этих мостов, — разойдутся, расплывутся в разные стороны гранитные невские берега. Особенно если весной сильней поднапрут звонкие ладожские льдины.

Сколько помнил себя Корнилов, он всегда жил в этом большом красивом доме номер восемь на Петровской набережной. Их и всего-то на набережной было три, но какие это были дома! Массивный, добротный, довоенной постройки, в котором жил Корнилов, называли морским. Отец Корнилова служил на флоте водолазом. Здесь, под шатром древних лип и дубов, на просторной набережной, прошли детство и юность Корнилова. Рядом с семизэтажной громадой морского дома, упрятанный в густой куще деревьев, стоял одноэтажный старинный краснокирпичной кладки с большими светлыми окнами домик Петра Великого. А чуть поодаль, ближе к Кировскому мосту, торцом к Петровской набережной — несуразный и унылый дом политкаторжан, построенный для ветеранов революции в 30-е годы по проекту то ли Корбюзье, то ли кого-то из его учеников. Удобный и комфортабельный внутри, он выглядел здесь случайным и убогим.

Многое здесь связано с именем Петра. И этот легкий красный дом из далекого прошлого, и набережная, носящая его имя, и летний домик царя напротив, за рекой, в Летнем саду... И на фронтоне нахимовского училища его чугунный бюст с надписью «Отцу отечества». Взгляд у царя властен и мудр. И когда Корнилов проходит мимо, вглядываясь в чугунный лик, ему всегда кажется, что Петр смотрит на него требовательно и сурово.

А около «Авроры» зимой и летом автобусы с кры-

латой эмблемой «Интуриста» и толпы экскурсантов. Молодые морячки с карабином и повязкой дежурного у полосатой караульной будки всегда строги и чуточку франтоваты. Дотошные и шумные экскурсанты не мешают «Авроре» жить размеренной флотской жизнью. Легкие струйки пара клубятся у бортов, время от времени по судовому радио подаются команды. Утром и вечером — подъем и спуск флага. И зовущая, протяжная песня трубы...

Вишневая «Волга» со знакомым номером резко затормозила у скверика напротив дома. Корнилов закрыл окно и быстро спустился вниз. До управления — десять минут езды — Игорь Васильевич обычно ходил пешком.

Поднимаясь по лестнице на четвертый этаж, он прикидывал, что могло случиться и зачем он потребовался начальству. Оперативная сводка за день была на удивление спокойной: две мелкие кражи, несколько транспортных происшествий... Да и в последние часы никаких тревожных сигналов не поступило. Была, правда, одна заноза, которая вот уже несколько месяцев не давала покоя работникам уголовного розыска, — участвовавшие кражи автомашин. Но вряд ли генерал вызывает по этому поводу — дней десять назад начальник управления уголовного розыска Селиванов докладывал ему о ходе поисков.

В кабинете у генерала сидели Селиванов и начальник горотдела ГАИ Седиков. «Кажется, я ошибся, — подумал Игорь Васильевич, увидев Седикова. — Как раз за машины нас и будут сечь».

Никогда еще он не видел генерала таким раздраженным, как сегодня. Даже в самых критических ситуациях Владимир Степанович не повышал голоса, не иронизировал зло по поводу чьей-то нерасторопности или неудачи, хоть и слыл он человеком острым на язык. В самых критических ситуациях генерал мрачнел и старался не смотреть на провинившегося, словно боялся, что тот прочтет в его глазах нечто обидное для себя.

Но сегодня Владимир Степанович даже не старался сдерживаться.

— Что ж получается, голубчики? За последний год четырнадцать случаев кражи автомашин остались нераскрытыми... Сегодня уже бюро горкома обратило на

это внимание! Четырнадцать автомашин! Шутка ли! Да что они, иголки, что ли?

— Товарищ генерал, но количество автомобильных краж-то не возросло, — не поднимая головы от разложенных перед ним на столе бумажек, вставил Селиванов. — А даже уменьшилось.

— И вас это радует, Михаил Иванович? — спросил генерал.

Зажужжал зуммер. Владимир Степанович торопливо снял трубку, почти не глядя, нажал одну из кнопок аппарата. Но, видать, ошибся, потому что зуммер продолжал жужжать. Генерал нажал еще одну кнопку, снова ошибся и с досадой бросил трубку на рычажок.

— Только за последние два месяца не раскрыты четыре автомобильные кражи... — Владимир Степанович стукнул ладонью о подлокотник кресла. — В горькоме уже лежит несколько жалоб на нашу нерасторопность. От одного инженера и от администратора Дворца культуры...

— Этот администратор тоже хорош жук, — запальчиво сказал Селиванов. — «Волгу» купил по спекулятивной цене у торговца, пользовался ею по доверенности. Еще неизвестно, откуда у него такие средства...

— Ну вот, договорились, — недобро усмехнулся генерал. — Вместо того чтобы преступников искать, будем проводить расследование, на какие средства куплены украденные машины?

В полураскрытое окно доносился грохот трамваев, шум толпы. Веяло раскаленным за день асфальтом. А здесь, в кабинете начальника управления, было мрачновато из-за темной мебели и табачного дыма, растекавшегося слоистыми облаками.

— Вы, товарищ полковник, расскажите лучше, какие меры приняты к розыску в последние дни?

Селиванов поднялся, машинально одергивая светлый пиджак.

— Сидите, Михаил Иванович, — сказал генерал.

— Усилено наблюдение на контрольных пунктах ГАИ, — начал Селиванов. — Установили дополнительные посты ГАИ в точках пересечения выездных магистралей. Ночное патрулирование усилили, выделены дополнительные наряды. Комиссионный магазин под контролем... Проверяем идущие из города рефрижераторы. В Москве в прошлом году были случаи: вывози-

ли краденые машины в запломбированных рефрижераторах... Взяли на учет все мастерские, где можно было бы перекрашивать машины. Создали оперативную группу...

— Кто возглавляет?

— Подполковник Корнилов, товарищ генерал, — ответил Селиванов.

Генерал посмотрел на Корнилова.

— Изучаете возможные маршруты перегона?

— Да, товарищ генерал, — ответил Игорь Васильевич.

— Ваши выводы?

Корнилов по привычке потер подбородок, чуть слышно откашлялся:

— Случай сложный, товарищ генерал. Можно предположить, что действует группа. Одному было бы не под силу: и красть, и сбывать...

— А может быть, это разные, не связанные друг с другом люди? — перебил Корнилова генерал. — Откуда у вас такая уверенность, что группа?

— Мы провели анализ... Из четырнадцати похищенных и найденных машин двенадцать угнаны в одно и то же время — между двумя ночи и пятью утра. Лишь две украдены в другие часы. Я думаю, о них разговор отдельный. — Он помедлил секунду, собираясь с мыслями. — Значит, первое: время угона машин приблизительно одно и то же. И очень удачно выбранное — самое глухое. Посудите сами: транспорта почти нет. Такси редки, автобусы и трамваи еще не вышли на линию. Даже «подкидыши», те, что возят шоферов к паркам, и они только в пять начинают. Дворников тоже еще нет. Второе: почти на всех похищенных машинах были установлены сложные секретки... И ни у одной машины сигнал не сработал. Ни хозяева, ни соседи не слышали. Все украденные машины — «Волги». Только «Волги». И все в отличном состоянии...

Корнилов помолчал несколько секунд, глядя на генерала. Владимир Степанович что-то записывал на листке бумаги...

— И еще одно предположение: группа похитителей располагает государственными номерными знаками и техталонами... Мы просили бы вашего разрешения провести проверку подразделений Госавтоинспекции.

— Ну здесь ты перегибаешь, Игорь Васильевич, — сказал недовольно Селиванов, — так недолго и людей обидеть. Что ж мы, всем не доверяем?

Начальник горотдела ГАИ Седиков возмущенно крутил головой и с удивлением смотрел на Корнилова, словно ожидая, что он еще выкинет.

— Да что вы, товарищи, как красны девицы... — удивился Корнилов, обводя взглядом участников совещания. — Я никого из ГАИ не подозреваю. Но ведь факт — машины уплывают из города... Не на самолетах же их вывозят. Мы все каналы перекрыли. Каждая машина на выезде проверяется... Зачем же нам гадать, откуда техталоны?

— Подполковник прав, — сказал генерал, вздохнув. — Проверка нужна. Пусть Седиков сам и организует ее. И в подразделениях, и даже у себя в горотделе... — Он подумал и добавил: — И тщательно проверьте, не обращались ли в ГАИ с просьбой выдать дубликаты утерянных или украденных технических паспортов и техталонов.

Корнилов кивнул.

— Ну а какие еще меры вы разработали? — спросил Владимир Степанович. — Ведь этого мало. Результатов-то пока нет. Кстати, у вас есть график разведения мостов?

— Он, кажется, есть и у похитителей, — грустно ответил Корнилов. — Наши дежурства у мостов пока ничего не дали...

— Ну вот что, — сказал генерал, посмотрев на часы. — Мне времени осталось только-только домой заехать на пятнадцать минут. Даю вам два дня сроку. Вернусь из министерства, доложите о реализации этих мероприятий. Если они не сработают, надо продумать дополнительные меры. А пока — до свидания!

Все встали, пошли было к дверям, но Владимир Степанович вдруг спросил:

— Корнилов, вы вот докладывали, что машины крадут ночью. Улицы пустые, но такси-то гоняют? Есть ведь дежурные таксисты. А они народ наблюдательный, все примечают. Не пробовали опрашивать?

— Нет еще, товарищ генерал, — смущенно ответил Корнилов.

— Используйте их. Используйте.

Весь следующий день Игорь Васильевич сидел,

уткнувшись в бумаги, читал дела об угоне, вместе с Седиковым внимательно изучал атлас автомобильных дорог. Все имело значение: и наиболее удобные дороги от Ленинграда в те города, где можно было продать машину, и где на дорогах больше постов ГАИ. Преступники скорее всего старались держаться от них подальше...

Зайди кто-нибудь посторонний в это время в кабинет Корнилова, наверняка удивился бы занятиям его хозяина. Листочки с цифрами, схемы, справочники... Какое-то делопроизводство, а не уголовный розыск!

— И надумили же тебя черти, Игорь Васильевич, предложить эту проверку с техталонами, — ворчал Седиков. — И мороки много, и ведь спугнуть можем преступников, если они узнают об этой проверке... Если от нас все-таки утекали техталоны...

Корнилов только посмеивался. Им овладело так хорошо знакомое ему состояние возбуждения, нетерпеливости, стремления действовать как можно скорее. Это состояние он переживал всегда, когда после томительных, изнуряющих часов, а иногда и дней, проведенных в поисках правильного решения, у него в голове наконец зарождался четкий план действий...

— Вы, товарищ полковник, не бойтесь спугнуть преступников, — говорил он Седикову, — напуганный, он больше глупостей наделает. Скорее себя обнаружит... Я вот, например, глубоко убежден, что преступник всегда сам себя выдает.

— Тебя послушаешь, так вроде бы и милиция ни к чему. Значит, нам и делать уж нечего? Что-то я этого не замечал.

— Вы меня правильно поймите, — Корнилов отложил в сторону из стопки бумажек оперативное сообщение о работе комиссионного магазина. — Вы же не будете возражать, что в поведении преступника есть много такого, что отличает его от честного человека? Даже в обыденной жизни. Каждую минуту, каждый миг он насторожен, всегда подозрителен. Правда ведь? А если вдобавок его что-то напугало? Да он таких глупостей может наделать! Тут и смотри внимательно...

— Да-а-а, — усмехнулся Седиков, — весь вопрос только в том, куда смотреть.

— А вы, например, замечали, — продолжал Корнилов, — что частенько закоренелые преступники, напившись, выбалтывают все свои секреты? Почему? А попробуйте-ка месяцы, годы носить в себе свою тайну? Никакая психика не выдерживает. Вот и срыв.

А кстати, как ты думаешь, Виктор Иванович, если нам товарищей из Псковского и Новгородского ГАИ попросить в течение месяца повнимательнее смотреть все «Волги» с ленинградскими номерами? Беседовать с водителями, проверять права, техпаспорта. Записывать фамилии водителей. Пусть раз в три дня сообщают нам эти данные и номера всех ленинградских машин, проследовавших через их посты из Ленинграда. А мы здесь — проверочку. И представляешь себе такую картину: двести номеров проверили, все в порядке, а стали проверять двести первый — небольшая загвоздочка — машины под таким номером в Ленинграде не значится. В природе не существует. Номер липовый! Или месяца три назад похищенный с другого автомобиля. И мы тогда можем отыскать машину с этим номером. Второй раз-то менять номер они не догадаются...

Сидиков сидел несколько минут молча, нещадно дымя сигаретой. Потом сказал:

— Это ты неплохо придумал. Если в ближайшее время опять будет хищение, можем и засечь машину. Но где гарантия, что краденые машины уходят из города с ленинградскими номерами?

— Ну насчет гарантии — пустой разговор... — нахмурился Корнилов. — Но я думаю, номера у них ленинградские. Пока здесь они из города выбираются, ленинградские номера все-таки меньше внимания привлекают...

Зазвонил телефон. Игорь Васильевич снял трубку.

— Корнилов слушает. Что? Нашли?

Он сделал несколько пометок на листке бумаги и положил трубку.

— Нашли те две «Волги», которые в мою схему не укладывались... — Заметив недоуменный взгляд Сидикова, он сказал: — Ну те, что угнали в неурочное время... Одну днем, другую в двенадцать ночи. На одной просто «покатались». В лесу за Гатчиной бросили. А другую размонтировали. Скаты сняли, приборную доску. Хулиганье обычное... Ну так как, будем просить соседей?

— Будем, — кивнул Седиков. — Впиши в оперативный план. Но по этому вопросу надо будет докладывать в министерство.

— Ну если генерал утвердит, он и будет докладывать, — сказал Корнилов, — где наша не пропадала! И вот еще что надо нам сделать, гражданин начальник, — проверить все частные гаражи, платные стоянки, мелкие автохозяйства... Понимаешь? Не стоят ли там до лучших времен некоторые краденые машинки.

Еще на прошлой неделе, получив задание, Корнилов решил начать с потерпевших.

Следователь Красиков дал ему почитать заявления тех, у кого были украдены автомашины.

Потерпевший Медков В. П. писал:

«...У меня имеется автомашина «Волга» цвета «белая ночь» ЛЕО 21-76, выпуск — май 1968 года, № шасси 501918, № кузова 200633, № двигателя 917906, которую купил за 5600 рублей... Машину я оставлял обычно у своего дома, против парадной. 18 января я поехал на работу городским транспортом и в тот же день собирался поставить машину в гараж. Я вымыл ее, привел в порядок, снял аккумулятор. 19 января я вернулся домой в 3 часа ночи. Проходя по улице, я видел, что машина стояла на месте. Утром в 7 часов, идя на работу, я обнаружил, что машины моей нет...»

И дальше все в таком же духе. Только номера отличались да машины были разного цвета. А время угона приблизительно одно и то же... И никто не видел, как это происходило.

Корнилов запросил райотделы, не обращались ли в милицию с жалобами на попытки украсть «Волги». На неудачные попытки... На это почему-то не обратили внимания, а ведь чем черт не шутит... Может быть, кто-то из владельцев видел, как хотели украсть его машину.

Сведения, поступившие из райотделов, были малоутешительными. Да и откуда взять такую статистику? Ведь не каждый и заявляет. Машина-то на месте! «Непорядок, — подумал Корнилов. — Мы же теряем многих свидетелей...»

Но на второй день Игорю Васильевичу повезло.

Из Московского райотдела прислали заявление гражданки Тамириной:

«...Около 3 часов ночи 30 марта 1973 года я проснулась и посмотрела в окно, чтобы проверить, села ли автомашина, и увидела, что у левой дверцы стоял мужчина в большой шапке и что-то ковырял металлическим предметом у ветрового стекла. Когда я выбежала во двор дома, возле машины уже никого не было. Я испугала вора тем, что когда увидела его еще из дому, то не вытерпела и закричала, что вызову милицию. Когда я выбежала за угол нашего дома, то увидела на подъездной дорожке, метрах в двадцати от магазина, легковую автомашину «Волга», у которой захлопнулась дверца, и она быстро уехала. Цвета автомашины и номера я не заметила, так как была сильно взволнована».

«Что ж, не густо, но кое-что, — подумал Корнилов. — Надо бы уточнить — может, она еще что интересное заметила — сколько в машине было народу, не помята ли?» Он позвонил в Московский райотдел и предложил еще раз опросить Тамирину. А сам начал беседы с потерпевшими, которых пригласил на разное время в управление. Среди них были молчаливые и словоохотливые, унылые и сердитые... Но всех их объединял священный гнев на милицию, до сих пор не отыскавшую украденные автомобили. Все в один голос подтверждали, что на машинах были установлены секретки или хитроумные замки на рулевом управлении. На одной даже какое-то электронное реле. Впрочем, Корнилов так и не понял устройства этого реле, несмотря на подробные объяснения владельца машины инженера Гусарова с инструментального завода. Он только спросил у инженера, выслушав объяснения:

— Ну а как же с таким хитроумным предохранительным устройством воры все-таки завели машину?

Инженер пожал плечами:

— Вы милиция, вам лучше знать уровень технической подготовки современных жуликов.

Игорь Васильевич обратил внимание и на показания Медкова о том, что аккумулятор с машины был снят. Это могло означать только одно — преступники и сами были на машине. Не таскали же они аккумулятор под мышкой. И второе — скорее всего это люди, хорошо знающие автомобили, профессионалы.

Вечером приехал сотрудник, беседовавший с Тамариной. «Волга», на которой уехали воры, была таксомотором. И сидели в ней трое...

К восьми часам, переговорив с десятком потерпевших, Игорь Васильевич почувствовал себя разбитым. Окончательно вывел его из равновесия молодой цепкий хлюст, работавший администратором во Дворце культуры. Звали его Валерий Фомич Морозов.

Пожаловавшись на нерасторопность милиции, Валерий Фомич вдруг вынул из кармана бумажку и протянул Корнилову. Это было заявление с просьбой взыскать с похитителей автомашины, когда они будут пойманы, деньги за амортизацию...

— Да ведь степень амортизации должны будут определять эксперты, когда машина отыщется, — сказал Корнилов. — И отдать ваш иск надо следователю, который ведет дело. Вы же были у следователя Красикова?

— Но ведь вы тоже из милиции, — сердито бросил Валерий Фомич. — Что вам, трудно взять мой иск? И пусть он лежит пока у вас. Отыщется машина — уточнится цифра. Главное — не упустить момент.

— Не возьму я вашу бумагу. Нет у меня на то полномочий, — сказал Корнилов.

Глядя на очень крупную фигуру Морозова, на серый с отливом костюм, хорошо сидевший на администраторе, ему вдруг подумалось, сколько же метров материала пошло на него. Не меньше пяти, наверное.

— Вызывать меня в милицию, отрывать от дела у вас есть полномочия, — обиделся администратор.

«Ну и человек, — подумал Корнилов. — Своего не упустит». И спросил, сдерживая усмешку, не думает ли Валерий Фомич взыскать с похитителей средства, израсходованные на такси и метро, пока машина находится «в бегах».

— А вы считаете это реальным? — Глаза Валерия Фомича блеснули, лицо напряглось и приобрело выражение острой заинтересованности, он потянулся было к своему иску, но Корнилов перехватил его и положил в папку.

— Нет, Валерий Фомич, — сказал он, — я не считаю это реальным. Я просто шучу. А ваш иск передам следователю.

— Но, по-моему, это неплохая мысль, ведь убытки я все-таки несу большие...

Он принял было развивать эту теорию дальше, но Корнилов, подписав ему пропуск, уже совсем недипломатично сказал:

— У меня нет больше времени изыскивать для вас финансы, Валерий Фомич. Если суд удовлетворит ваш иск, это будет и так чересчур большим подарком.

Валерий Фомич обалдело посмотрел на Корнилова и, не попрощавшись, выскочил из кабинета.

«Черт возьми! Такой непростительный срыв... И чего я взбеленился? — с горечью подумал Корнилов. — Надо бы мне отвлечься, порыбачить. Съезжу-ка я в субботу к матери в деревню...»

От этой мысли ему стало веселее, и он снова взялся просматривать дела об угоне. И снова: номер шасси, номер кузова, номер двигателя... И хоть бы какие дополнительные сведения, хоть какие-нибудь свидетельства очевидца! Номера, номера... А эти заводские номера, конечно, давно перебиты, машины перекрашены. Попробуй доберись до них. Через комиссионные магазины машины проходят уже с новыми, перебитыми номерами. Не будешь же каждую посылать на экспертизу! А если... Игорь Васильевич откинулся на спинку стула. А если взять комиссионный магазин?.. Даже не один — несколько и выписать заводские номера всех проданных автомашин?! Всех «Волг», проданных, допустим, за полгода? Номер кузова, номер шасси, номер мотора... А потом приехать с этим списком на завод и проверить, сходили или нет с таким именно сочетанием номеров автомобиля с конвейера. Номер кузова, номер шасси, номер мотора — новенькая, сверкающая лаком «Волга»!.. Проверили одну машину — сошлись все три номера, вторую — тоже сошлись. «Волги» с такими номерами выезжали из заводских ворот. Но вот дошли еще до одной... И что же! С таким сочетанием номеров завод машину не выпускал! Возможен такой вариант? Конечно!

Корнилов волновался все больше и больше. Неужели он нащупал закономерность, метод? «Спокойно, спокойно... — остановил он себя. — Пройдемся еще раз. Допустим, преступники — люди умные. Перебивая заводской номер, к примеру — один только номер шасси, — лишней цифры не поставят, сделают все акку-

ратненько. Внешне настоящий заводской номер — без квалифицированной экспертизы подлога не обнаружишь. Но цифру изменили — и уже твердо можно сказать, что машина с таким сочетанием номеров шасси, мотора и кузова из заводских ворот не выезжала!

В заводских документах, может быть, и останется память о «Волге», у которой номер шасси совпадает с фальшивым. Но ведь рядом с ним будут значиться совсем другие номера мотора и кузова... Совсем другие! Строго определенные. И соответствовать им должен только один, тоже строго определенный, номер шасси — вот в чем соль!»

Мотор, кузов и шасси однажды сошлись на сборочном конвейере, чтобы дать жизнь новому автомобилю, и стали неразлучны, а сочетание их номеров — случайное сочетание, неповторимое сочетание — стало формулой единства. Формулой автомобиля, его кодом. Изменится хоть одна цифра в любом из трех номеров — труби тревогу, с машиной что-то произошло...

«А что же могло произойти, если не совпали номера?»

Не присаживаясь, Корнилов написал на листке: «Первое: сменили кузов, шасси или мотор после аварии». Это легко установить.

«Второе: «Волга» сборная, из запчастей или размонтированных машин». Это уже криминал.

«Третье: номера перебиты». Вот тут-то мы и делаем себе ма-аленькую пометочку в блокноте. И смотрим, кто эту машину купил. И едем к нему. И делаем экспертизу. И выясняем, что эта «Волга», цвета «морской волны» полгода разыскиваемая уголовным розыском, принадлежала товарищу инженеру, поставившему на нее электронный сигнал. И новый ее собственник рассказывает нам, торопясь и нервничая (как же, денежки плакали!), у кого он этот автомобиль купил.

Корнилов еще и еще раз проверял себя — на первый взгляд все сходилось. Он сравнивал номера украденных машин — все они были разные — на моторе, кузове и шасси... «Они, может быть, и порядковые, для каждого из узлов, но при сборке-то не подгоняют мотор № 000071 к шасси и кузову с таким же номером?!»

Игорь Васильевич позвонил сотруднику своего отдела Белянчикову. Попросил его зайти. Юрий Евгенье-

вич был хмур и не улыбочив. «Переживает, — подумал Корнилов. — Радоваться-то нечему». Рассказал Белянчикову о своих предположениях. Тот долго молчал, хмурился. Потом сказал:

— А если краденые машины демонтируют и продают по частям? Бывало ведь и так?

— Бывало. Чего вообще в жизни не бывало, — философски заметил Корнилов. Он уже успокоился. Схема казалась ему верной, и он чувствовал, всем своим существом чувствовал, что нашел правильный ход.

— Не бывало, чтобы четырнадцать машин свистнули, а мы найти не могли, — с горечью сказал Белянчиков.

Игорь Васильевич только вздохнул.

— Надо в Апраксином дворе, около автомагазина контроль усилить. За теми, кто запчасти из-под полы продает...

— Все-то ты, Белянчиков, знаешь. Скажи мне вот, почему у машины все три заводских номера — на моторе, на шасси и на кузове — разные?

— Не знаю.

— Вот видишь — значит, не все ты знаешь. Значит, не зря тебе очередное звание до сих пор не присвоили...

— У меня еще срок не вышел, — вдруг улыбнувшись, сказал Белянчиков.

— А если бы знал — присвоили внеочередное.

— Игорь Васильевич, ну что ты ко мне привязался? При чем тут эти номера?!

— Ладно, Белянчиков, раз ты с начальством не умеешь себя прилично вести и на простые вопросы ответов не знаешь, иди. Занимайся личным сыском, ищи запчасти. А я, пожалуй, позвоню на завод, спрошу, почему на автомобиле все три номера разные. На моторе, на шасси и на кузове.

Удивленно пожав плечами, Белянчиков вышел.

Когда генерал, вернувшись из командировки, пригласил к себе начальника управления уголовного розыска Селиванова и Корнилова, Игорь Васильевич уже был уверен, что его схема может принести успех.

— Товарищ генерал, я думаю, нам надо использовать новую тактику поиска, — сказал он, положив

перед собой листок бумаги со всеми своими выкладками.

— Ого! — генерал посмотрел на Игоря Васильевича с интересом. — Выкладывайте, если не шутите.

Корнилов взял свой листок и помахал им, будто хотел разогнать табачный дым.

— Крадут ведь машины не для коллекции. Для продажи. А продать машину можно только через комиссионные магазины. Давайте проверим некоторые из них. Например, в Сочи, в Сухуми, в Средней Азии.

— Так ведь продают эти машины по фальшивым документам, — недоверчиво сказал генерал. — Вы же сами предполагали, что где-то есть утечка техталонов и паспортов!

— Правильно, — чуть горячась, продолжал Корнилов, — у украденных машин, я уверен, и заводские номера перебиты. И соответствуют тем, которые в техталон вписаны... — Он обвел всех присутствующих взглядом, словно хотел убедиться: слушают ли? И, убедившись, что слушают, стал подробно излагать свою схему...

Когда он кончил, несколько секунд все сидели молча, словно прикидывали, все ли сходится в схеме. Не слишком ли все сложно?

Первым нарушил молчание генерал. Он как-то сразу повеселел и спросил Корнилова:

— А что же вы, Игорь Васильевич, раньше-то свою схему в тайне от коллектива держали? Что-то на вас непохоже!

— Да раньше я и сам этой схемы не знал, Владимир Степанович, — чуть смущаясь, ответил Корнилов.

— Ну как, товарищи, — генерал посмотрел на собравшихся, — схема, по-моему, интересная. Если энергично взяться, должны напасть на какой-никакой следок... Ведь через комиссионный мы выйдем и на того, кто купил, и на того, кто продал... — он помолчал, словно еще раз прикидывал — сойдется ли. — Это не означает, что надо ослабить всю остальную оперативную работу по розыску, но как дополнительный вариант... Как ваше мнение?

— Предложение интересное, — сказал Селиванов. — Такая проверка, конечно, может вывести нас на преступников, но только в том случае, если продажу ма-

шин оформляли через комиссионный. И если их вообще продавали... А если не продавали? — он помолчал немного, покачал в сомнении головой, словно собирался с мыслями. — Но предложение интересное. Я уже говорил об этом Игорю Васильевичу. Им надо обязательно воспользоваться. Чего-нибудь да найдем. Не обязательно, правда, те машины, что украдены в Ленинграде, но найдем...

2

Мать жила под Ленинградом, в селе Батове, где младший брат Игоря Васильевича уже шесть лет работал главным механиком на птицефабрике.

Ехать к Кеше надо было с Варшавского вокзала электричкой до Сиверской, а оттуда минут двадцать автобусом. В электричке народу было мало, и Корнилов сначала удивился этому — обычно в субботу утром в электричке места не найдешь. Но сейчас время было позднее. Полдень.

Корнилов припозднился из-за того, что отстоял очередь за тортом в «Севере». Он всегда привозил матери торт из города.

В первые годы, когда Кеша перебрался работать на птицефабрику и построил себе дом на крутом красном берегу Оредежа, среди вечно шумящих сосен, Корнилов ездил к нему чуть ли не каждое воскресенье. Он любил посидеть на берегу с удочкой, побродить по лесу, взять Кешин мотоцикл и погонять по пыльным проселкам, а вечером, когда все соберутся дома, посидеть за самоваром на просторной терраске, застекленной разноцветными стеклышками.

Кешин переезд в Батово был для всех неожиданным. Работал он после института на «Красном выборжце». Сначала мастером, потом начальником цеха. Работой был доволен. Но однажды, вернувшись поздно вечером домой, сказал:

— Вызвали в райком. Предложили поехать главным механиком птицефабрики. Я согласился. — И добавил: — Правда, птицефабрику только начали строить, ну да это к лучшему. Сам буду оборудование монтировать...

Иннокентий помолчал немного, хитро поглядывая на Игоря, и предложил:

— Поедем вместе, Игорь? Отдохнешь там от своих

уголовников. Будешь кадрами заведовать. Или, может, стариной тряхнешь — слесарным делом займешься?

Корнилов тогда только посмеялся. Ему не верилось, что и сам Кеша твердо решил поехать. Думал, разыгрывает. Но все именно так и оказалось, как сказал брат, — Кеша уехал с женой, да еще и мать забрал с собой...

В последние два-три года Корнилов ездил в Батове реже. Все как-то так складывалось, что выходные бывали заняты. Но главная-то причина, пожалуй, была в другом. И об этом Корнилов старался не думать. Какая-то перемена произошла в Кеше. Сначала Игорю Васильевичу было трудно уловить ее. Он просто удивлялся иногда, слушая, как увлеченно говорит Кеша о своих планах расширить огород, сад, приобрести корову. Игорь Васильевич спрашивал:

— Зачем?

А Кеша удивлялся:

— Как зачем? Жить в деревне, а картошку и овощи на рынке покупать? Да над нами все смеяться будут.

Но Игорь Васильевич знал, что в Батове есть немало людей, которые отказались от огородов и не жалели об этом. Картошка и овощи в колхозе осенью стоят копейки... А с огородом сколько возни. Да и не в этой возне дело. Другое беспокоило Игоря Васильевича — все чаще и чаще ездила Татьяна, Кешина жена, на рынок: продать пару мешков скороспелки или корзинку ранней клубники. А ведь Кеша получал большую зарплату...

Игоря Васильевича раздражало и то, что мать стала много работать на огороде: полоть, сажать и поливать рассаду... С ее-то больным сердцем!

А Кеша, сидя вечером на терраске перед весело поющим, до блеска начищенным самоваром, с увлечением рассказывал о своих планах:

— На будущий год засадим огород побольше. На мать ведь тоже положено... Картошка своя, огурчики, овощ всякий, травка-муравка. Обеспечим себя подножным кормом на год. А если осенью корову купим — и молоко и сливки свое. Никаких забот о провианте.

Игорь Васильевич неодобрительно поглядел на брата.

— Вот тогда-то заботы и появятся... Сено — до-
стань. А доить, а пасти? Да вдруг заболит? Что вы
с ней делать-то будете? Ты, Кеша, раньше коров боял-
ся, бегал от них на даче. Кто хоть доить ее будет?

— Как кто? — удивлялся брат. — Татьяна научит-
ся. Да и мама... А? Как ты, мама?

Мать, смущенно улыбаясь, пожимала плечами,
молчала.

— Ничего. Все научимся, — успокаивал Кеша.
И, словно от избытка энергии, вскакивал и, энергично
жестикуюлирую, начинал расхаживать вокруг стола. —
Здесь жить можно. Все условия. И зарплата немалень-
кая. Яйца и куры на фабрике сотрудникам по себе-
стоимости продают. А если еще корову, огород хоро-
ший... — Кеша выпячивал толстую нижнюю губу и,
искренне удивляясь, крутил головой. — Ты, Игорь, не
понимаешь. Нет у тебя вкуса к деревенской жизни. —
Вся его крепкая, ладная фигура была полна энергии,
глаза загорались. Не нравилась Игорю Васильевичу в
брате эта его суетливость.

— Вкус к деревенской жизни у меня есть, — отве-
тил тогда Игорь Васильевич Кеше. — А вот ко всему
этому хозяйству личному — нет. Дело твое, но я бы
возиться с таким огромным садом и огородом не стал...
Белого света не взвидишь. Да и Татьяну с матерью за-
гоняешь. А ради чего? Детей у вас нет. Всего в до-
статке.

Иннокентий только досадливо отмахивался.

А Татьяна, обиженно фыркнув, сказала:

— Ты, Игорь, о чужой жене не беспокойся. Мне,
например, нравится на огороде работать. Да потом и
не вечно это. Деньги на машину соберем и огород по-
боку. Оставим только клочок.

— Ах вот в чем дело! — воскликнул Игорь Василь-
евич. — Машину вам захотелось. Ну что ж, это яркий
признак благосостояния. И очень наглядный... Что же
вы, Иннокентий Васильевич, родного брата не посвя-
тите в свои планы?

Иннокентий сердито посмотрел на жену. А может,
Игорю Васильевичу это только показалось? Сказал с
наигранным безразличием:

— Ну да какие там планы... Был такой разговор.
Да ведь это дело длинное. Получится ли?

Но, как оказалось, в очередь на машину Кеша уже

записался. И двух лет не прошло, как у него появился «Москвич», а огород Кеша продолжал вскапывать с прежним рвением.

Раздражали Игоря Васильевича и вечные подсчеты, которые брат, не стесняясь, вел и при нем... Сколько отложить, сколько доложить... Когда Игорь Васильевич приглашал его на охоту или на рыбалку, он отнекивался, ссылаясь на занятость, а Татьяна как-то откровенно заявила Игорю Васильевичу:

— Что ты все тянешь Кешу. Охота, рыбалка... Дома дел по горло. Ты приехал, поразвлекался — и был таков. Живешь один — горя не знаешь. А тут вовремя не пополнил — все грядки сорняк забьет...

Брат вспыхнул от этих слов жены и сказал со злостью:

— Тебя, Татьяна, слушаешь, так, кроме огорода, и дел других нет.

Но ни на рыбалку, ни на охоту так и не ходил. Его «тулка» годами висела на стене как простое украшение. Только в последнее время тесаную бревенчатую стену с янтарными каплями смолы прикрыла штукатурка, а потом и большой темно-вишневый ковер.

В Ленинград Кеша приезжал редко и, как правило, управлялся за один день. Но если оставался на ночь, то вечером они всегда шли вместе с Игорем прогуляться по набережной и обязательно заходили в «поплавок» напротив Адмиралтейства попить всласть пива с хорошей соленой рыбой. Иннокентий словно преображался. Рассказывал, как идут дела на фабрике, как он переоборудовал котельную, обеспечив горячей водой весь поселок.

— Ты понимаешь, Игорь, второй котел обещают только через два года. А у нас сто двадцать тысяч цыпят! Сто двадцать! Э-э! Тебе не понять, — горячился он и, торопясь, отхлебывал пиво из высокой кружки. — И что же ты думаешь? Приехал я как-то в Ленинград, иду в райком. Посылали цыпят выращивать? Теперь помогайте! У вас Финляндский узел, там паровозы еще небось не все вывелись! Давайте паровоз...

Корнилов удивился:

— Паровоз-то тебе зачем? — И тут же догадался. — Котел!

— Котел! Соображаешь, Игорь! — смеялся до-

вольный Иннокентий. — Именно котел. Теперь не извольте беспокоиться. Не только цыплят обогрели, но и весь поселок.

Про свой огород Кеша не поминал. То ли стеснялся брата, то ли, вырвавшись в город, просто забывал.

Ночью они долго не ложились спать, все рассказывали друг другу про свои дела, спорили. И когда, казалось, переговорили обо всем, Кеша спрашивал:

— Ты, Игорь, когда все же женишься? Не надоело одному? — И, не услышав ответа, продолжал: — У нас на фабрике девчонка есть такая... Хоть с Танькой разведись. Приезжай, познакомлю. Ну сколько ты по Аленке горевать будешь?

Электричка шла неровно, то ползла еле-еле, лениво постукивая на стыках, то вдруг с воем набирала скорость. Корнилов прислонился к стене, закрыл глаза. Ему вспомнился вчерашний разговор с самодовольным администратором. «И чего это я завелся? — подумал Игорь Васильевич. — Мало ли прохиндеев на свете?» Потом он стал вспоминать всех потерпевших, перебирать в памяти их показания.

«...Что ж, дело с автомашинами непростое. Генерал рекомендовал таксистов поспросить... Таксистов, таксистов... Машина, которую видела Тамарина, тоже такси. Хм... А может быть... Может быть, таксисты? — эта мысль показалась Корнилову интересной. — Ведь можно предположить, что кто-то из шоферов в угонах участвует? Не обязательно таксисты. Работают ночью и на очистке, и на поливке, продукты развозят. Хорошо, товарищ подполковник!.. Кому, как не им, лучше знать ночной город, самое удобное время, места, где машины ночуют без гаража. Выбрали заранее «жертву», не спеша объехали район, осмотрелись. Поставили машину за углом и взялись за дело. А все ваши секретки, товарищи автовладельцы, опытному шоферу словно семечки... Они и аккумулятор в багажнике «на случай» могут возить. А электронная ловушка инженера Гусарова? Это такой орешек, на котором и опытные автомобилисты могут зубы сломать. Могли знать заранее об устройстве? Кто-то из знакомых Гусарова участвовал в похищении? Маловероятно, хотя нельзя и исключать. Это надо тщательно проверить. А может быть, среди похитителей — «крупные специалисты» в

области электроники? Ну не такие крупные, конечно, но знакомые с подобными устройствами. Маловероятно. Специалисты делом заняты...»

Поезд приближался к Суйде. В вагоне стало совсем пусто. Две пожилые женщины, разложив на скамейке газету, аппетитно ели батон с чайной колбасой. Под скамейкой стояли большие корзины. «Наверное, с рынка едут», — подумал Корнилов и вспомнил Кешу. Потом закрыл глаза и снова стал думать об исчезающих бесследно автомашинах...

От Рождествена он пошел пешком по крутому берегу Оредежа. Он любил ходить здесь по земле, засыпанной вековым слоем хвои, мягко пружинящей под ногами. На другом берегу слышались ребячьи крики, нестройно пел горн.

Кешин дом стоял среди сосен, такой же, как эти сосны, солнечный, ладный, с большими окнами, открытый всем ветрам и взорам, не упрятанный, как соседние, в густые кусты сирени. Игорь Васильевич толкнул калитку. Усмехнулся: «Как они здесь поживают без меня? Разберемся...» Но дома никого не оказалось. «Кеша, наверное, на работе. А Татьяна с матерью небось на огороде копаются, — решил он. — Поставлю торт — схожу посмотрю».

Ключ от дома был на месте — под крыльцом. Его всегда клали под крыльцо — и чтобы не таскать с собой, и на случай его, Игоря, приезда. Ключ был новый — длинный, с хитроумными бородками на две стороны. Как у сейфа. «Замочек небось у какого-нибудь заводского умельца делали. — Игорь Васильевич подкинул ключ на ладони. — Нет чтобы к родному брату обратиться». Ему не раз приходилось самому делать замки с секретами в то далекое время, когда он слесарил.

Что-то в доме изменилось. Корнилов не мог понять что, но сразу же уловил эту перемену, почувствовал ее. Он прошел на кухню, чтобы поставить торт в холодильник, и заметил, что переложена плита. Стала гораздо меньше и нарядней, с красивой облицовкой. И большой обеденный стол теперь на кухне. В гостиной, кажется, все по-прежнему — полированная, под орех, мебель: горка с посудой, шкаф, трельяж... «Вот как в деревне-то нынче живут, — усмехнулся Игорь Васильевич и подумал: — Но что-то все же измени-

лось тут... Как-то уж слишком просторно стало и холодно. И словно бы не хватает чего. Да, не хватает!!» Он еще раз прошелся по дому и наконец понял, чего не хватало. Не было в гостиной большого дивана с множеством вышитых подушечек, на котором всегда спала мать. Эти подушечки она берегла с довоенных времен и, как сыновья ни уговаривали, отказывалась выбросить. Они были для нее памятью о тех временах, что провела в ожидании мужа, приходившего со своей трудной и опасной службы очень поздно.

Корнилов подивился: «Где же мать спит? Не на чердаке ведь?» Кеша все собирался соорудить там маленькую комнатку для Игоря. Теперь Игорь Васильевич вспомнил, что в кухне плита завалена грязной посудой, чего раньше никогда не бывало, и нет большого пузатого самовара, из которого они всегда пили чай. И не пахнет в доме пирогами, которые мать пекла каждую субботу...

Смутное подозрение закралось в сердце Корнилова, но он тут же отогнал его. Если бы мать и была в больнице, то уж ему-то сообщили бы. Она последнее время болела часто, месяцами лежала на своем диване. Нет, нет... Прислали бы телеграмму, позвонили.

Корнилов вышел на крыльцо. Прямо к его лицу свешивались ветки рябины. Ее резные листочки сморщились, пожелтели от долгого зноя. Все словно застыло от жары: и поблекшие кусты, и хилые желтые георгины на клумбе. Между соснами, в стороне от реки, стояло море.

Тишину разорвал шум мотора. Свернув с шоссе, по проселку медленно ехал вишневый «Москвич», ловко объезжая колдобины и вздымая тучи пыли. «Иннокентий» двигается. Сейчас все разъяснится, — подумал Корнилов и вдруг почувствовал, что волнуется. — Что же это я? Случилось что — позвонили бы», — попытался он вновь себя успокоить.

Брат заглушил мотор и вышел из машины. Помахал рукой. Наверное, он заметил Игоря Васильевича еще с дороги. Потом Кеша открыл багажник, вынул большую, туго набитую черную сумку. Потом снова сунул ее зачем-то в машину. Пошарил на заднем сиденье.

«Чего он там копается?!» — рассердился Игорь Васильевич. Он хотел было идти брату навстречу, но тот

наконец закончил свои поиски и, улыбаясь, вошел в сад. И эта улыбка не понравилась Игорю Васильевичу и испугала его. Что-то в ней было неестественное, чужое.

— С приездом, Игорь! — крикнул брат. — Давненько ты нас не посещал!

— Где мать? — спросил Игорь Васильевич и сам не узнал своего голоса.

Иннокентий поставил черную сумку прямо на мокрую траву и протянул Игорю Васильевичу руку.

— Здоров!

Корнилов задержал руку брата в своей и снова спросил:

— Мать-то где?

— Понимаешь ли, Игорь... — начал Иннокентий, и Игорь Васильевич почувствовал, что Кеше очень трудно говорить. Он словно не знал, с чего начать.

— Понимаешь ли...

— Да ты что?! Чего тянешь? Случилось что-нибудь?

— Да нет, — с облегчением вздохнул Иннокентий. — Ничего страшного не случилось. Пойдем в дом, там все расскажу.

— Да тебе ответить трудно, что ли? — вспыхнул Игорь Васильевич.

— Уехала мать. Решила пожить пока одна. В доме престарелых... — Иннокентий вдруг заторопился, будто боялся, что Игорь Васильевич не дослушает его до конца. — Она решила... Мы выбрали самый подходящий. Самый удобный... — Он даже сделал попытку улыбнуться. А сам смотрел вниз. На свою черную сумку.

— Как это в дом престарелых?

— Да пойми ты, это не обычный дом престарелых. Мне с трудом удалось устроить ее туда. Остров Валаам. Красивейшее место. Мы с Таней ездили туда, мать отвозили... Да что ты на меня так смотришь? Она же сама захотела. Постоянно болеет. Мы с Таней на работе. Некому даже пить ей подать. А случись что?..

Корнилов смотрел на брата и не понимал его. В голове у него не укладывалась мысль о том, что его родной брат, его Кешка отказался от матери, отвез ее в дом престарелых. В приют. Мать — в приют. От этой мысли Корнилову стало невыносимо. Гнев начал ду-

шить его, а в глазах запрыгали противные белые мухи. Иннокентий еще что-то говорил, улыбаясь чуть заискивающе, жестикулировал, но до Корнилова не доходили его слова. Так молча он стоял несколько минут, а потом, словно очнувшись, спросил:

— А мне ты почему не сказал? Меня почему не спросил?

— Да я, — Кеша осекся на миг и ответил: — Мама просила тебе пока не говорить...

— Мама? Мама! — крикнул Корнилов. — Да какая она тебе мама? — и ударил брата наотмашь, вложив в удар всю свою боль и омерзение. Иннокентий даже не охнул, не защитился. Только посмотрел наконец Игорю Васильевичу в глаза. И была у него в глазах одна лишь тоска.

Игорь оттолкнул Иннокентия с тропинки и выскочил на дорогу.

— Игорь! — вдруг негромко сказал брат. — Она больна.

Игорь Васильевич не обернулся, а только втянул голову в плечи, съежился, словно ожидая удара.

— Игорь! — теперь уже закричал Иннокентий. — Игорь! Подожди! Она серьезно больна, но ей там лучше... Микроклимат... Дай мне объяснить...

Игорь Васильевич слышал, как брат побежал за ним, и прибавил шагу. Он шел, не глядя под ноги, и злость душила его. «Мать — в приюте... А я даже не знал!»

Мимо шли автобусы, останавливались на остановках, но Корнилов даже не сделал попытки сесть. Шел и шел, словно решил идти всю дорогу до Ленинграда пешком. И, только зайдя уже за Выру, большое село на перекрестке двух дорог, остановился как вкопанный — что-то привлекло его внимание, что — он сразу даже и не сообразил. Остановился и провел рукой по глазам, словно этот жест мог помочь ему уйти от тяжелых мыслей. На обочине стояли две «Волги», обе такси. Шофер одной из машин цеплял тросом другую. Зацепив трос, он залез в кабину, посигналил и осторожно тронулся. Трос натянулся, и вот уже обе машины, вырулив на асфальт, поехали в сторону Гатчины.

Корнилов усмехнулся. «Как все просто. Подцепил и поехал. И никакие секретки трогать не надо. Отвез ку-

да-нибудь в глухое место — открывай, заводи. Пусть включается сигнал, пусть гудит, воет... А что? Вариант!»

Его подвез в город на ЗИЛе угрюмый, молчаливый шофер. Он с таким остервенением гнал машину, что Корнилову даже подумалось: «Не миновать нам канавы». Наверное, был шофер чем-то очень огорчен и раздосадован. Так и мчались они, изредка покуривая, сквозь начинающие вечереть поля, не донимая друг друга разговорами. «Ну ничего, — успокаивал себя Корнилов, — еще не все потеряно. Давно там мать? Не больше трех месяцев. Завтра же все разузнаю и поеду за ней. И почему она просила мне не говорить?» Быстрая езда немного успокоила его.

Домой он приехал поздно вечером. Прошелся по пустой квартире, неприбранной, неуютной. Пластинки в ярких обложках валялись вперемежку с книгами где попало. Пыль лежала на тяжелой, массивной мебели. Когда Иннокентий еще жил здесь, они решили свезти всю эту мебель в комиссионный и купить новую. Но мать воспротивилась. Она не хотела расставаться с тем, что напоминало ей о муже.

Корнилов сел в кресло и невесело усмехнулся, подумав вдруг о том, что мебель эта, лет пятнадцать тому назад, казалось, навечно списанная в архив, снова вошла в моду, а всякие комбинированные гарнитуры на куриных ножках выглядят смешными пародиями на мебель...

«К приезду матери надо будет устроить большую приборку. — Корнилов даже не сомневался в том, что в ближайшие дни поедет за матерью. Чем бы она там ни болела, он привезет ее домой. Раз можно жить в приюте, значит, можно и дома. А уж уход за ней он обеспечит. — Если надо будет — положу на время в больницу. Но здесь, в Ленинграде, чтобы навещать почаще, — думал он. — Это ж надо — отправить мать в приют!»

Шли дни, а съездить за матерью все не удавалось. В городе была украдена еще одна «Волга»... Корнилов и сотрудники его группы целыми днями пропадали в райотделах милиции, дотошно выпрашивали участковых о том, не было ли заявлений о попытках угнать ма-

шины, о малейших инцидентах, зафиксированных работниками ГАИ. Белянчиков и капитан Бугаев начали знакомиться с организацией ночных дежурств в таксомоторных парках и государственных гаражах. Было усилено ночное патрулирование. А по вечерам Игорь Васильевич вместе с Белянчиковым подводили итоги в продымленном кабинете, из которого никакими сквозняками уже нельзя было выветрить застоявшийся никотиновый дух. Утешительного было мало, но Корнилов твердо считал, что они на правильном пути.

— Только широкий поиск... — твердил он приунывшему Белянчикову. — Наскоком здесь не решишь.

— Топчемся как слепые, — ворчал Белянчиков. — Бухгалтерией занимаемся, а время идет! Проверка, которую провел Седиков в районных отделах ГАИ, ничего не дала. Обнаружить утечку документов не удалось...

— Видишь ли, Юрий Евгеньевич, займись мы каким-нибудь одним направлением — нам может и повезти. А может и не повезти. Начинать тогда все сначала? А мы сейчас такую сеточку раскинули... Если подтвердятся мои предположения о возможности сопоставления номеров машин, проданных через комиссионки, с заводскими номерами... Чуешь, чем пахнет? Распространи мы такую методику — найти украденную машину можно будет в один момент...

— Хорошее дело — эксперименты, — не сдавался Белянчиков, — когда сроки не поджимают. Нам надо у себя в городе искать, а не по командировкам шастать... Подключить дружинников к ночным дежурствам, выступить по телевидению. Ты же сам считаешь, что воры — таксисты. Вот и надо разрабатывать версию «такси»...

— Сейчас нам только терпением запастись надо, — сказал Игорь Васильевич. — И не упустить ни одной детали...

Корнилов знал Белянчикова уже много лет. Ему нравились дотошность и напористость Юрия Евгеньевича, его веселый характер и обостренное чувство товарищества. Но особенно он ценил в Белянчикове качество, которое многим не нравилось, — ничего не принимать на веру, ни с чем не соглашаться с лёта. В управлении считали Белянчикова жутким спорщиком.

Соглашателей Игорь Васильевич боялся.

— Ну что вы так быстро соглашаетесь со мной? — сердился он. — У вас только что была другая точка зрения. Вы спорьте, спорьте! Доказывайте!

Его всегда раздражало, если человек сразу принимал его новую идею, быстро отказывался от своего мнения. Он был твердо убежден, что делается это большей частью неискренне. У одних — из боязни спорить с начальством, у других — из угодничества, у третьих — просто из равнодушия. Неискренности Корнилов боялся больше всего в жизни.

Несмотря на горячее время, Корнилову пришлось еще на день выехать в Москву в министерство. Там давно уже было запланировано совещание по обмену опытом работы, и Игорю Васильевичу поручили на нем выступить. Разговор шел об организации воспитательной работы с отбывшими наказание в местах лишения свободы. Игорь Васильевич хотел было отказаться от поездки, сославшись на занятость, но Селиванов сказал: и думать не моги!

3

Сосед по купе попался Власов хмурый и неразговорчивый. Власов уже привык к тому, что народ в «Стреле» не отличался особой общительностью. Он легко узнавал пассажира «Стрелы» в суетливой и шумной толпе на Ленинградском вокзале. На платформе перед ее вишневыми, хорошо отмытыми вагонами никогда не заметишь обычной вокзальной сутолоки. Лишь изредка наткнешься на подвыпивших, громкоголосых иностранцев с горами необъятных чемоданов и саквояжей или на компании актеров, едущих не то с гастролей, не то на гастроли.

Едут «Стрелой» обычно налегке, с маленьким франтоватым чемоданчиком, а чаще всего с портфелем. У тех, кто помоложе, черный плоский чемодан, с чьей-то легкой руки интригующе названный «дипломат». Даже в одежде этих пассажиров есть что-то общее. Преобладал темно-серый костюм мышиного цвета. Некоторые здоровались с проводницами как со старыми знакомыми, но как-то уж слишком сдержанно. Да и вообще они были очень сосредоточенны и подтянуты и шли сквозь зал ожидания, поглядывая на суетливую

толпу отрешенно и словно боясь затеряться в ней. Редко кто ходил в поездной буфет выпить вина на сон грядущий, иные дожидались буфетчицу, на подносе у которой почти всегда красовалась бутылка марочного коньяка и бутерброды с икрой или копченой колбасой.

Негромкие разговоры между знакомыми шли о каких-то грядущих или уже состоявшихся назначениях, процентах выполнения планов, неправильных действиях тренеров футбольной команды «Зенит».

Глядя на пассажиров «Стрелы», Власову иногда казалось, что все они только-только покинули свои кабинеты, где заседали весь день, решали неотложные дела, принимали посетителей, проводили совещания. А сейчас еще просто не успели стряхнуть с себя дневные заботы и держались так корректно и чуть-чуть холодно, словно эти комфортабельные, сверкающие белизной постелей, залитые светом купе были их кабинетами.

Даже те люди, которые в обыденной жизни были шумными весельчаками, здесь, в «Стреле», притихали и разговаривали вполголоса.

Власов был человеком общительным, веселым, любил шумные компании, дорожные разговоры, но не мог отказать себе в удовольствии ездить «Красной стрелой». Без пяти двенадцать сядешь в Москве, ночь проспишь, а в восемь двадцать пять уже в Ленинграде. Для командированного — а почти все пассажиры «Стрелы» командированные — очень удобно. С утра можешь заняться своими делами.

Уже давно расстояние от Москвы до Ленинграда поезда проходили меньше чем за шесть часов, а пробные даже за четыре. Но «Стрелы» эти новшества не коснулись. Она по-прежнему шла восемь с половиной часов. Так было удобно командированным...

Сосед Власова попросил у проводницы чаю.

— Только, если можно, покрепче, пожалуйста. И два стакана.

Власов достал из портфеля свежий номер еженедельника, печатающего обзоры прессы, статьи из зарубежных журналов...

Зима этого года принесла людям много сюрпризов. Выпал снег в Северной Африке, небывалая засуха стояла в Афганистане, и хозяева продавали баранов за бесценок: килограмм мяса стоил дешевле литра воды. В Средней Азии и в Закавказье погибли от моро-

зов десятки тысяч прилетевших на зимовье уток. В промерзших украинских степях мели черные песчаные вьюги. В Москве и Ленинграде зимой вопреки прогнозам стояли по-весеннему солнечные, бесснежные дни, а весна выдалась сухой и жаркой.

Пресса была полна тревожных сообщений, серьезных раздумий о будущем мира, досужих рассуждений и пустаковых сенсаций.

— Вы не будете возражать, если я лягу спать? — спросил сосед.

— Ну что вы! — Власов сложил еженедельник, бросил на столик. — Уже давно пора...

Он вышел в коридор, чтобы не мешать соседу, и, прижавшись лбом к прохладному стеклу, пытался разглядеть, что там, за окном. Но темень была непроглядная.

Когда он лег в постель и погасил свет, спутник неожиданно сказал:

— Вы вот, кажется, журналист?

Власов хотел было удивиться и спросить, почему он так думает, но попутчик продолжал:

— Вам, наверное, часто приходится писать о людях. И о хороших, и о плохих. А бывают ли такие случаи, когда, написав о ком-то, вы снова возвращаетесь к этому человеку?

Он помолчал несколько секунд и спросил:

— Я вам спать мешаю?

— Подумаешь, велика беда... Я в отпуск еду, — ответил Власов. — Отосплюсь. Ну а про то, возвращаемся ли к своим героям... В газетах же часто пишут: после выступления приняты меры... Иванов наказан... Петрова восстановили на работе... Сидорову квартиру дали...

— Э... э... э нет... — досадливо протянул сосед. — Я не об этом. Вы вот, допустим, очерк написали о человеке. О хорошем, красивом человеке. А прошло два года, поинтересовались снова — как, мол, все в порядке? Ведь, может быть, у человека трагедия произошла, оступись он? Нужна помощь... Или фельетон написали про хама, про пьяницу... Ну, пришлют вам в газету ответ — хаму выговор дали, обещал исправиться... А дальше-то, дальше? Как у него жизнь дальше складывается? Вот что важно! Иначе что ж, отписано — и с плеч долой?

Власов усмехнулся. Его поразила горячность соседа, на вид такого хмурого и усталого.

— Да человек-то не в безвоздушном пространстве живет! Среди людей, — сказал он. — Газета напишет о нем, внимание к нему привлечет. Хороший человек — пример берите, плохой — помогите ему хорошим стать. Да и у него самого ответственности прибавится. Хочешь не хочешь — тянись, держи марку.

Сосед промолчал.

Власов понял, что он не одобрил его объяснений. Ему вдруг стало обидно от такого непонимания.

— Вы, наверное, слышали о том, что некоторые журналисты долгие годы поддерживают добрые отношения со своими героями. Друзьями становятся...

— Это я слышал, — ответил сосед без энтузиазма. — Но таких случаев — единицы. А пишете-то вы о многих.

— Вот именно. О многих! Со многими не будешь всю жизнь поддерживать отношения, следить за их судьбой. Жизни не хватит!

— Да-а... — неопределенно протянул сосед. — Так получается... А жаль... Но хоть про некоторых-то надо все знать. Все. Иначе ведь тоска заест. Делаешь, делаешь, а все как в пустоту.

— Да вы сами-то кто? — весело спросил Власов. — Уж не журналист ли тоже?

— Сыщик я. Есть еще такая профессия. Вы, наверное, даже писали про них? Журналисты дюже любят про уголовный розыск писать. У нас вот тоже — ловишь, ловишь, выковыриваешь... А дальше — передал человека следователю, следствие закончилось — суд. А из суда кто куда: один в колонию, другой еще дальше. Разве проследишь судьбу каждого? А если снова и встретишь, то нередко опять по тому же случаю... По печальному. Рецидивистов у нас еще хватает. Правда, бывает, что и от вставших на ноги письмо получишь. Ну это уж как подарок судьбы. — Он усмехнулся. — Такие редко напишут. Кому хочется темное ворошить. Ну ладно. Заговорил я вас, наверное. Давайте спать.

— А как вы догадались, что журналист я? — спросил Власов.

Сосед хмыкнул. Потом сказал:

— Газеты вы профессионально просматриваете... И знаете, где что искать...

Власов долго не мог заснуть. Думал о беспокойном попутчике, о его вопросах. «Нет, он, пожалуй, не прав. Точно: не прав. Каждый своим делом должен заниматься. И если как следует, то все будет в порядке. Остальное — любительство».

...В январе Власов приезжал в Ленинград в командировку на своей «Волге». Был гололед, на Средней Рогатке машину занесло и стукнуло о фонарный столб. Константин Николаевич отделался легкими ушибами, а машина пострадала сильно — левое заднее крыло, багажник — все было покорежено, выбиты стекла. Власов договорился о починке с директором авторемонтного завода. Заводская «техничка» отбуксировала его «Волгу» в тот же день — завод был совсем недалеко от места аварии, на Московском проспекте. Срок ремонта оказался довольно долгим, но Власов не спешил. Сделав свои дела в Ленинграде, он уехал и лишь изредка позванивал на завод — справлялся, не готова ли.

Все складывалось удачно — «Волгу» отремонтировали к его отпуску. Власов договорился с женой, что они встретятся в Таллине, куда он приедет из Ленинграда на машине. «Обкатаю старушку, — думал Власов, — поезжу по Питеру, сгоняю на Карельский перешеек...» Он любил Ленинград и при каждом удобном случае старался туда съездить, хоть редактор и ворчал: «Как в Вологду или Сыктывкар, так большого энтузиазма не выказывают, а в Ленинград каждый норовит по два раза в году съездить...»

Рядом на полке ворочался сосед. Изредка он даже постанывал, начинал что-то бормотать. Уже засыпая, Власов подумал: «Какой беспокойный мужик... Есть, конечно, в его словах сермяжная правда. Но по большому счету он не прав. Интересно, он ленинградец или из Москвы едет на задание?.. Надо будет утром спросить...»

Но утром Власов ни о чем не успел спросить своего попутчика. Проснулся, когда поезд медленно проезжал над Обводным каналом. Сосед был уже одет. Доставал с полки портфель.

— А-а... Проснулись? — улыбнулся он, глядя на Власова. — Вы так сладко спали, что я не решился

будить. Думаю, пусть поспит человек. Не всегда ведь выспаться как следует удается.

Власов подумал: «Какая у него улыбка. Как у ребенка. И совсем он не такой хмурый, как мне показалось вчера».

Он вскочил и стал натягивать брюки. Поезд уже шел вдоль перрона с редкими встречающими.

— Ну что ж, я двинулся, — сказал попутчик. — Прощайте. Будьте здоровы.

С вокзала Власов пошел пешком. Погода была жаркая, безветренная. Константин Николаевич перешел через площадь, немного постоял, разглядывая поутреннему неуютный Невский проспект. Вдали, словно размытое легкой дымкой, виднелось Адмиралтейство.

Это уже стало для Власова традицией — по приезду в Ленинград, прямо с поезда, пройтись по Невскому. Было время служащих — стрелки часов на башне вокзала тянулись к девяти. Не слишком густая толпа торопливых, сосредоточенных людей, еще не совсем страхнувших с себя сон, растекалась по своим учреждениям. Константину Николаевичу было приятно сознавать, что ему-то спешить некуда, можно лениво двигаться навстречу толпе, присматриваясь к людям, можно сесть где-нибудь в садике на скамеечку и любоваться городом, можно, в конце концов, свернуть в сторону с проспекта и просто идти куда попало, куда глаза глядят.

В гостиницу «Ленинград», где был забронирован ему номер, Власов попал только к полудню. В вестибюле гостиницы было шумно. Толпились иностранцы, курили, смеялись. Большая группа финнов только что приехала. Их чемоданы горой возвышались у лифта. Остальные, по-видимому, дожидались автобусов ехать на экскурсии. Все были увешаны фотоаппаратами и кинокамерами.

Из номера Константин Николаевич позвонил на авторемонтный завод, спросил, когда можно подъехать за машиной.

— Да хоть сейчас, — сказал Власову главный инженер, с которым он созванивался еще из Москвы. — Залатали ваш лимузин — лучше не надо! Не узнаете, как новенький.

«Волга» и впрямь была отремонтирована на славу. Власов с удовольствием вел машину, испытывая вол-

нение от того, что после долгого перерыва опять сидит за рулем. Машина бежала легко, ровно. «Вот и прекрасно, — подумал Константин Николаевич, — если бы и в путешествии она себя так хорошо вела!»

С Московского он свернул на Фонтанку, еще не решив, куда ехать, пересек Невский и как-то незаметно для себя, в потоке автомобилей, подъехал к Кировскому мосту. «А почему бы мне не съездить за город», — решил он. И, прибавив скорость, помчался через мост, по Кировскому, туда, где дорога вырывалась из города и, описав дугу у Финского залива, устремлялась к Лисьему носу. Было приятно чувствовать, что машина послушна каждому твоему желанию, ощущать скорость, неудержимое движение вперед, вперед, навстречу балтийскому ветру и солнечному лесу...

К гостинице Константин Николаевич вернулся поздно вечером. На площадке перед входом выстроились финские экскурсионные автобусы, «фольксвагены», «мерседесы», «фиаты» с иностранными номерами — приткнуться было просто некуда. Власов развернулся и заехал в переулочек за гостиницей. Здесь было свободно, лишь перед входом на кухню ресторана стоял автофургон. «Переночует и здесь моя «Волга», — подумал Власов. — Ничего ей не сделается...»

...Когда утром, приняв душ и позавтракав, Константин Николаевич вышел из гостиницы, «Волги» на месте не оказалось. В первый момент Власов лишь слегка огорчился. «Опять, наверное, мальчишки угнали. Не разбили бы, черти».

В Москве уже был такой случай. Константин Николаевич оставил машину на Суворовском бульваре рядом с Домом журналиста и, выйдя оттуда часа через два, не нашел ее. Тогда, правда, на «Волге» не было секретки. «Может быть, вчера вечером я забыл ее включить», — подумал он. В прошлый раз машина отыскалась на следующий день.

В отделении милиции, куда Власов пришел, чтобы заявить о пропаже, его попросили написать подробное заявление. Дежурный, молодой улыбчивый татарин в капитанском звании, сочувственно кивая головой, прочитал заявление.

— Да, неприятная история... Мало им своих ленинградских машин, так еще у московского гостя угнали. Власов засмеялся.

— Ну какая ж разница?! У москвича, у ленинградца...

— Так ведь нам же обидно, — сказал капитан, — человек такую даль ехал! Что вы теперь подумаете про ленинградцев?

— Да у меня и в Москве ее угоняли, — утешил Константин Николаевич капитана.

— Угоняли? — дежурный даже приободрился. Во всяком случае, в его восклицании чувствовался неподдельный интерес.

Власов рассказал про то, как угоняли его «Волгу» в Москве.

— Мы тоже постараемся найти побыстрее, — сказал капитан. — Вы не огорчайтесь.

Когда Константин Николаевич, вернувшись в гостиницу, подошел к своему номеру, то услышал, что там гулко и требовательно звонит телефон. «Наверное, жена», — подумал Власов, быстро открыл дверь, взял трубку:

— Я слушаю.

— Это Константин Николаевич Власов? — спросил приятный женский голос.

— Да, — сказал Власов и отметил: «Какой красивый тембр».

— Вас беспокоят из Управления внутренних дел. Из уголовного розыска. Вы не могли бы сейчас подъехать к нам? По поводу вашей автомашины.

«Неужели уже нашли? — обрадовался Власов. — Вот оперативность!» Сказал:

— Да, конечно, я сейчас приеду.

— Вас ждет подполковник Корнилов. Пропуск я сейчас закажу. Вы знаете, где мы помещаемся? — и, не дожидаясь, пока Власов ответит, продолжала: — Литейный, четыре, первый подъезд. Подниметесь на четвертый этаж, в четыреста двенадцатую комнату...

Через полчаса Константин Николаевич уже стучал в дверь этой комнаты. Там никто не отзывался. Власов постучал еще раз.

— Смелее, смелее, товарищ журналист, — услышал он вдруг над самым ухом и вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял вчерашний попутчик по «Стреле».

— Да что-то не отзывается хозяин, — Власов по-

жал протянутую руку и сказал: — Вот я вас и нашел... Хотел еще в поезде познакомиться...

— Это я вас нашел, — ответил попутчик и распахнул перед Константином Николаевичем дверь четверта двенадцатой комнаты.

В комнате, несмотря на открытое окно, было душно.

— Ничего не понимаю, — сказал Власов, садясь в кресло. — Значит, вы и есть подполковник Корнилов? Но откуда вы знаете, что именно я Власов и у меня украли машину?

Корнилов сел за стол и, подперев подбородок ладонью, чуть улыбаясь, внимательно смотрел на Власова, смотрел так, будто бы хотел сказать: ну-ну, давай удивляйся дальше. Наконец он, словно уже доволен насладившись удивлением Константина Николаевича, сказал:

— Да ничего я не знаю... Иду, вижу — вы ко мне стучитесь, а я никого, кроме потерпевшего Власова Константина Николаевича, москвича, кстати, не жду. Вот и решил... — Он перестал улыбаться, и лицо у него сразу преобразилось, стало хмурым.

— Не повезло вам, Константин Николаевич. Только приехали — и нате! Вы что, покупали машину здесь? Ехали ведь к нам поездом.

Власов рассказал историю с машиной.

— Вот оно что... — покачал головой Корнилов. И неожиданно спросил как-то совсем по-домашнему: — Очень обидно?

— А как вы думаете? — раздраженно ответил Власов. — Вы меня пригласили, чтобы только об этом сказать? А я-то уж подумал, машину нашли.

— Не нашли. Наши товарищи выехали на место. Поискать хоть какую-то зацепку, людей порасспросить. Вы-то сами ничего не видели? — Власов развел руками. — И как я понял из вашего заявления, даже не знаете, в какое время это произошло?

— Нет, не знаю. Поставил я ее часов в одиннадцать, а хватился утром, — хмуро ответил Константин Николаевич.

— Есть у нас подозрения, что «Волгу» вашу угнали опытные похитители... Вы понимаете, товарищ Власов, у нас в городе за последнее время было несколько хищений автомобилей. Все «Волги». Сейчас

группа работников управления ведет розыск преступников. Мне трудно назвать срок... Придется вам потерпеть немного, мы постараемся найти машину. Не можем не найти. Нам тут сейчас достается — и от начальства, и от потерпевших. Вот и вы теперь небось костерить будете?

— А это вам поможет? — спросил Константин Николаевич.

Корнилов рассмеялся.

— Выдам вам одну служебную тайну. Как журналисту. Ни в коем случае не поможет.

— Ладно, такая уж, наверное, моя планида. Чтоб старушку мою в перерыве между ремонтами угоняли. Вы мне лучше скажите ваше имя-отчество.

— Игорь Васильевич.

— Так вот, Игорь Васильевич, уж коль попал я в такую историю, почему бы мне не написать для своего журнала очерк о том, как сотрудники ленинградского угро ловят похитителей автомобилей. А? Как лицо, кровно заинтересованное в этой операции, я ведь могу постараться и выдать нечто вполне приличное. — Он посмотрел на Корнилова и увидел на лице лишь кислую улыбку.

— Константин Николаевич, не советую. Скучное это дело. Бухгалтерия одна. Вы уж мне поверьте. Мне самому приходилось несколько раз в журналах выступать, но эта тема невыигрышная. Ей-богу. Сплошная бухгалтерия. Тут и зацепиться не за что. Если хотите, познакомлю я вас с одним сыщиком... Вот интересный человек. По недоигранной партии в шахматы убийцу нашел! С пятью подозреваемыми играл, да так, что ни один из них и не догадался, что с уголовным розыском дело имеет...

— Это интересно, — согласился Власов. — Но еще интереснее, когда твою кровную машину разыскивают...

Корнилов вздохнул.

— Да и ждать вам придется долго... Пока разыщем.

Голос его звучал уныло.

— Чего ждать-то? — удивился Константин Николаевич. — Сейчас, сейчас влезать мне надо! Пока вы по следу идете...

— Нет, — покачал головой Игорь Васильевич. —

Это исключено. У нас же оперативная работа... Даже если вы пойдете к генералу за разрешением, он вам вряд ли его даст.

— Попробую, — сказал Власов. — Попытка не пытка. Мне же не обязательно про ваши секреты писать. Возьмите меня на задержание...

— Чудак человек... Я же объясняю вам — бухгалтерия все. Документы, подсчеты, просевы, опросы... Какие тут операции? Чисто бухгалтерские!

— Нет, я все-таки схожу к начальнику управления, — твердо сказал Власов.

Вопреки прогнозам Корнилова начальник дал разрешение Власову поближе познакомиться с работой оперативной группы.

— Подполковник Корнилов очень способный работник. И человек интересный, — сказал генерал. — Здесь вы в самую точку попали. Наслышаны были о нем?

— Да ведь я и сам потерпевший, — улыбнулся Константин Николаевич. — Давал Игорю Васильевичу показания... — И он подробно рассказал генералу о том, как состоялось знакомство с подполковником.

По тому, как поморщился начальник управления, Власов понял, что эта новость пришлась генералу не по вкусу. Он как-то сразу посуровел и несколько минут сидел молча, будто бы в нерешительности. Константин Николаевич испугался: не отменил бы генерал своего разрешения. Кому приятно, когда в сложное дело встречается столичный журналист, который к тому же и сам пострадал...

— Я надеюсь, что вашу машину быстро разыщут, — заговорил он наконец. — А подполковнику Корнилову я дам указание держать вас в курсе дела. В пределах возможного. Сами понимаете...

Он встал из-за стола, проводил Власова до дверей. Пожимая руку, сказал:

— Если будете писать о Корнилове, не ошибетесь. Умный сыщик. В общем ас. Пятнадцать лет в уголовном розыске. Когда работал инспектором в Сестрорецком районе, у него бандиты жену убили. В отместку. Он тогда большое гнездо разворошил...

Когда Власов снова заглянул в кабинет Корнилова, тот сидел совсем мрачный. «Наверное, уже полу-

чил втык от генерала, — с сожалением подумал Константин Николаевич. — Подвел я человека...»

— Ну что, получили разрешение? — сказал Корнилов. — Энергичный вы человек... Да иначе, наверное, и нельзя журналисту.

— Смотря по обстоятельствам, — ответил Власов, усаживаясь в кресло. Ему стало немножко обидно от этих слов подполковника. Лично для него самым сложным и неприятным была необходимость идти к кому-то за разрешением, добиваться свидания с какой-нибудь знаменитостью, требовать, пробивать. — Я вас подвел, Игорь Васильевич?

— Я сам себя подвел, — вздохнул Корнилов. — Столько времени уголовный розыск похитителей найти не может... Вот что, товарищ журналист, сегодня у меня со временем туговато. А завтра приходите. К двенадцати. Познакомлю с делом поподробнее.

В гостиницу Власов пошел пешком — благо рядом, через Литейный мост перейти... «Приду — позвоню редактору. Пусть оформляет командировку — может получиться интересный материал. «Похитители автомобилей». Это, правда, не бог весть какие уголовники — ни погоня, ни выстрелов подполковник не обещает — одну бухгалтерию, но ведь моя «Волга» уже пятнадцатая! Журналист, пишущий судебные очерки и статьи на моральные темы, в роли потерпевшего! Не такое уж частое совпадение. И Татьяне надо срочно позвонить, — решил он. — Пусть попросит, чтобы отпуск перенесли». И только сейчас, подумав про жену, Константин Николаевич вспомнил фразу, сказанную генералом: «Когда работал инспектором в Сестрорецком районе, у него бандиты жену убили...» У этого высокого подполковника с хмурым вытянутым лицом и добрыми глазами бандиты жену убили. «Жену убили. В отместку...» Власов прикинул: работал в то время инспектором в пригородном розыске, сейчас — подполковник, замначальника уголовного розыска. Давнее дело. Он, наверное, еще совсем молодым был. Может быть, даже молодожен?

Но на следующий день беседа не состоялась. Когда Власов пришел к двенадцати часам в управление, то встретил Игоря Васильевича спускавшимся по лестнице.

— Срочный выезд, — развел руками подполковник. Но Власову показалось, что глаза у него довольно блеснули. — Вы зайдите в триста тридцать вторую комнату. К Юрию Евгеньевичу Белянчикову... Отличный офицер. Настоящий сыщик... Не пожалеете. — На Корнилове был светло-серый, чуть мешковатый костюм и белая рубашка нараспашку. «Ему бы еще теннисную ракетку в руки, — подумал Власов. — Как дачник».

— Василек, едем, — сказал Корнилов стоявшему чуть поодаль молодому парню. И протянул руку Власову: — Вы на меня не обижайтесь, ладно?

— Что-то интересное? — спросил Власов.

— У нас все интересное, — ответил Корнилов и, легко сбежав по ступенькам, исчез за тяжелой дверью.

Власов несколько секунд постоял в нерешительности, а потом, махнув рукой, пошел в триста тридцать вторую комнату.

Белянчиков оказался невысоким крепышом с приветливым лицом и черными не улыбающимися глазами. Он встретил Власова радушно, видно, Корнилов его предупредил, спросил, чем может быть полезен.

— Что за срочный выезд у подполковника, если не секрет? — поинтересовался Власов.

— Не секрет, — улыбнулся Белянчиков, но взгляд черных немигающих глаз его был напряженным и строгим. — Вчера вечером у кафе «Звездные ночи» на проспекте Майорова задержали одного хулигана. Когда в милиции он вынимал из кармана паспорт, выпал тексталон. Незаполненный. Чистенький, как первый снег. И пачка денег. Девятьсот рублей.

— И Корнилов решил сам поговорить с ним?

— Вы знаете, для нас сейчас каждая ниточка дорога.

Белянчиков вынул из стола и положил перед Власовым фотографию мужчины лет двадцати пяти — двадцати восьми. Глаза — узкие щелки, короткий ежик волос и длинные баки...

Заметив неодобрительный взгляд Власова, Белянчиков сказал:

— Да, не Аполлон... Сегодня утром портрет сделан. Еще опохмелиться не успел...

— По роже видать, что сазаном звать, — усмехнулся Константин Николаевич. — Кто он?

— Шофер такси. Со второго таксомоторного предприятия.

— И с такими деньгами?

— Я думаю, подполковник недаром в «Звездные ночи» поторопился.

— А как задержали этого деятеля?

— Сержант один. Из внутренних войск. Шел вечером после кино. В штатском. Около кафе очередь стоит. Какой-то парень привязался к пожилому мужчине. И жаргон подходящий: «Я тебя за пищик возьму... Караулки попишу...» Ну и так далее. Сержанту эта «музыка» хорошо знакома. Он кинулся разнимать. От блатного ведь добра не жди. Разбил этот тип гражданину очки, лицо в кровь. И сержанту досталось. Кто-то крикнул: «Кошмарик, канай!» Как раз в это время подошла патрульная машина. У нас теперь это быстро... На место происшествия за считанные минуты успевают.

— Ну а дальше что?

— А что дальше? Утром пришла сводка. В ней по нашей просьбе сейчас подробно фиксируют все связанное с автотранспортом. А тут — чистый техталон... — Юрий Евгеньевич нервно забарабанил пальцами по столу. И Власов понял: несмотря на то, что он так подробно и вежливо отвечает на все его вопросы, в мыслях Белянчиков где-то очень далеко. Может быть, вместе с Корниловым в кафе «Звездные ночи», а может, еще где-то. И что дел у него неупрочен, и каждая минута на счету.

— Я, наверное, задерживаю вас? — сказал Власов.

— Ну что вы! — радушно улыбнулся Белянчиков, а смотрел на Власова с надеждой. — Вас еще что-то интересует? Подполковник просил рассказать...

— Да нет... Давайте в другой раз. Может, как-нибудь вечером? А?

Белянчиков крепко потрянул Власову руку.

Власов вышел от Белянчикова недовольный. Этот Корнилов не очень спешит ввести его в курс дела. Уж, кажется, чего бы ему темнить? Генерал-то дал разрешение познакомиться с поиском! Да и Белянчикова особенно откровенным не назовешь... Власов вздохнул. Он понимал, что и у Корнилова, и у Белянчикова головы забиты своими заботами, что каждая минута на

счету и вести разговоры им совсем не с руки, но было все-таки обидно — события разворачивались, поступала новая информация, а он, журналист, решивший написать о том, как искали похитителей, оставался в неведении.

«Ничего, — подумал Константин Николаевич, — завтра я припру этого Корнилова к стенке. Он уже не отделается от меня своей любезной улыбкой!»

Власов решил вечером сходить в театр и позвонил из гостиницы своему старому приятелю — заведующему отделом литературы и искусства областной газеты.

— Старик, иди посмотреть «С любимыми не расставайтесь», — бодро сказал Власову заведующий. — Премьера в Петроградском Дворце культуры. Публика ломится... Я заказал билеты для себя, но пойти сегодня не смогу... Двигайся!

— А что в Горьковском идет? — спросил Власов.

— В Горьковском «Генрих IV», — поскуцневшим голосом отозвался зав. — Но сегодня туда не попасть. Сказал бы заранее.

Власов засмеялся:

— Ладно. Пойду на «Любимых...»

У Дворца культуры и впрямь толпились жаждущие перекупить билетик. Правда, все больше молоденькие девчата.

Власов отыскал обитую черным дерматином дверь с табличкой «Администратор». Небольшая комнатка, от пола до потолка заклеенная афишами, показалась ему совсем крошечной из-за огромного письменного стола, идеально прибранного — на нем стоял только перекидной календарь, — и солидных габаритов мужчины, сидевшего за этим столом.

Мужчина говорил по телефону, сладенько улыбаясь. Власов хотел выйти из кабинета, подождать в коридоре. Но мужчина, даже не взглянув на него, энергично показал рукой на стул. Константин Николаевич сел.

Хозяин кабинета был розовощеким блондином с красиво подстриженной головой, похожим скорее на спортсмена, чем на администратора театра. «Тесно, наврное, ему в этом кабинетике, — усмехнулся Власов, — где-то я его, кажется, видел. И совсем недавно».

Администратор, почувствовав на себе взгляд, мельком оглянулся на Власова и снова заворковал в трубку. Но, похоже, что-то насторожило его, и он снова посмотрел на Власова, уже более внимательно. Власов кивнул ему головой, здороваясь, и вдруг заметил, что в голубых глазах администратора мелькнул испуг.

— Галочка, ко мне пришли, — сказал он в трубку, и голос его уже не был таким медовым, как секунду назад, — я тебе перезвоню. Ну ладно, ладно... — Он повесил трубку, и Власов удивился перемене, происшедшей с администратором.

— Вы ко мне, товарищ?

— Извините, я вас отвлек, Валерий Фомич, — сказал Константин Николаевич и опять подивился настороженным глазам хозяина кабинета. — Вы оставляли билет для Голубенцева из газеты...

— Вы Голубенцев? — спросил Валерий Фомич быстро.

— Да нет, я из Москвы, журналист. Голубенцев для меня заказывал.

— Ну и прекрасно, ну и прекрасно, — неизвестно чему обрадовался администратор. — Спектакль хорош, очень хорош, не пожалеете. Да и зачем билет, я вам дам места... Отличные места. — Валерий Фомич достал из стола изрядно замусоленную тетрадь, начал лихорадочно рыться в ней. — Вы ведь, наверное, и не один? Я сейчас подберу вам два хороших места.

— Да нет, спасибо. Я один, — сказал Власов.

Наконец-то Валерий Фомич вытащил нужную бумажку и сунул Власову.

— Пожалуйста, милости прошу приходить еще. Вам у нас понравится! — Он встал из-за стола, проводил Константина Николаевича до входа в зал.

«И чего он засуетился? — думал Власов, усевшись на свое место в шестом ряду. — Что он, столичных журналистов не видал? — Он вспомнил беспокойные глаза Валерия Фомича еще до того, как назвал ему себя, и удивился еще больше. — Вот ерунда-то какая! Может, он перепутал меня с кем?»

Спектакль не понравился Константину Николаевичу. Впечатление было такое, будто все мастерство режиссера ушло на световые эффекты, на громоздкую и вычурную бутафорию. Актеры играли неплохо, даже увлеченно, но моментами Власову казалось, что все

они играют героев из разных пьес, живут на сцене в разных измерениях.

В антракте он стал в очередь в буфет выпить пива. Очередь была большая. Неожиданно к нему подошел Валерий Фомич.

— За пивом? — спросил он, обаятельно улыбаясь. — Не успеете. Пойдемте ко мне... — Администратор ласково взял Власова под руку и увлек за собой.

Константин Николаевич пытался протестовать, но потом подумал: «А почему, собственно, отказываться?»

Валерий Фомич распахнул дверь своего кабинета и, остановившись на пороге, громко, ненатурально ойкнул. За его большим столом сидела молодая девушка и уплетала бутерброды, запивая лимонадом. Рядом стояла початая бутылка коньяка и недопитая рюмка.

— Привет, Валерочка, — сказала девушка. — Заскочила на огонек — смотрю, намечается прием.

Валерий Фомич пробормотал себе под нос что-то малоразборчивое и засуетился, пододвигая к столу большое кожаное кресло, усаживая Власова.

— Прошу вас, прошу... Антракт большой. Успеем обменяться и по рюмочке, — говорил он, ловко разливая коньяк, пододвигая Власову бутерброды с твердой колбасой. — Мила уже похозяйничала здесь... Да, я вас не представил друг другу. Это Мила, активистка нашего дворца, душа самодеятельности. — Валерий Фомич склонил свою красивую голову в сторону девушки, спокойно, с легкой усмешкой смотревшей на него. Власов только сейчас разглядел, что девушке лет восемнадцать, не больше. А глаза у нее темные, совсем пьяные и озорные. «Неужели она одна почти полбутылки коньяка выпила?»

Валерий Фомич между тем склонил голову в его сторону:

— Московский журналист...

Власов улыбнулся девушке и представился:

— Константин Николаевич.

Они выпили по рюмке коньяка, и администратор, вытащив из кармана «Мальборо» и предложив закурить, спросил Власова о спектакле.

Власов начал было высказывать свою точку зрения на спектакль, но вдруг увидел, что это не интересует ни Валерия Фомича, задавшего вопрос, ни захмелевшую Милу. Валерий Фомич слушал, склонив голову набок, силясь изобразить на лице интерес, но в бегающих глазах у него пряталась тревога, какие-то одному ему известные сомнения грызли его.

— Наверное, пора в зал, — сказал Власов, вставая. — Спасибо за гостеприимство...

Валерий Фомич тоже вскочил, спросил вкрадчиво:

— Вы не будете возражать, если я посажу рядом Милу? Сегодня аншлаг, ни одного приличного места не осталось...

Власов пожал плечами. Сказал:

— Раз место свободное...

Он заметил, что Мила, прежде чем выйти из-за стола, налила себе коньяку и выпила залпом. Выйдя из кабинета администратора, она взяла Константина Николаевича под руку. Улыбнулась вызывающе:

— Не возражаете?

В зале, едва погас свет, Мила снова взяла Власова под руку и прислонилась к нему плечом. Власов осторожно снял руку девушки, положил на подлокотник, а сам отодвинулся. Шепнул:

— Давайте смотреть спектакль.

Мила удивленно покосилась на него и ничего не ответила. Пока шел спектакль, она сидела тихо, как мышь, и Власову временами казалось, что она спит. Но как только спектакль закончился, она снова зацепила Константина Николаевича за руку.

Власов с удовлетворением заметил, что администратора не видать. Он уже боялся, что Валерий Фомич опять возникнет на его пути и начнет завлекать в свой кабинет.

На улице Константин Николаевич спросил Милу:

— Вам в какую сторону?

— Что значит в какую? — капризно сказала девушка. — Еще спрашиваете... — и, прижавшись к нему, прошептала: — Нам куда бы ни идти, лишь бы с вами по пути... А можем пойти ко мне.

— Э-э нет, — покачал головой Власов. — Мы так не договаривались...

— Как это не договаривались! — Мила даже оставилась и с вызовом поглядела на Власова.

«Ох и опасная девка, — подумал он, усмехаясь. — До чего глаза шалые...»

— Как это не договаривались, Костенька, московский жур-на-лист?! — повторила она, произнося «журналист» врасстяжку, с ударением. — Что, мне Валерка зря звонил, что ли? Приезжай срочно, лапушка. А ты — не договаривались!

Она распалилась и говорила так громко, что в толпе стали на них оглядываться. «Ну и ну, — удивился Константин Николаевич. — История!..» Но раздумывать было некогда, похоже, Мила была совсем пьяна. Он взял ее под руку и тихо сказал, как говорят закап-ризничавшему ребенку:

— Ну, Мила, Мила... Успокойся. Сейчас мы с тобой во всем разберемся. — И повел ее к станции метро.

Мила покорно шла и капризно бубнила:

— Этот Валерка всегда так... Милочка, Милочка, лапушка, родненькая, а потом позвонит — приезжай срочно, познакомлю с одним нужным человеком. Искусство требует жертв! Тьфу! Противно... — и всхлипнула.

— Да это недоразумение какое-то, — сказал Власов, не в силах уловить логики в действиях администратора. — Я и знать твоего Валерку не знаю. Зашел билет взять.

— Зашел, зашел... Морочишь мне голову! Валерка сказал: «Веди к себе. Я часикам к двум тоже подгребу». — Она вдруг осеклась, поняв, видимо, что сболтнула лишнее, и с испугом посмотрела на Власова.

— Ну вот что, Милочка, иди в метро. Поезжай баиньки, — сердито сказал Константин Николаевич. — Пятак-то на дорогу есть?

Мила вдруг неожиданно показала ему язык и плаксиво сказала:

— Чучело! Сразу видно, что милиционер. — Повернулась и пошла слегка покачиваясь. Стройенькая, нарядная.

«Какая-то чертовщина, — подумал Константин Николаевич, провожая Милу взглядом до тех пор, пока она не скрылась за дверями метро. — Этот гнусный, испуганный администратор... Чего он лебезил передо мной? Ведь даже не придумаешь! Хотел, чтобы я написал про спектакль? Да ему-то это на что?

На коньяк затащил! А эта Мила... Ну тут-то, наверное, недоразумение. Приглашал для кого-нибудь другого, да я подвернулся! Вот краснобай! Вот угодник! Бесмыслица какая-то».

Власов поймал такси и вернулся к себе в гостиницу. Никакого объяснения случившемуся во Дворце культуры он так и не нашел.

4

Моментами Корнилову казалось, что вся работа его группы идет на холостом ходу. Усилий много, а результата никакого. Никаких следов похищенных машин. Работа группы скорее напоминала проверку, которую ведут дотошные ревизоры, чем привыкших действовать быстро и энергично сотрудников уголовного розыска.

С помощью автоинспекторов фиксировались все дальние выезды автомашин «Волга» с ленинградскими государственными номерными знаками. Посты ГАИ были выставлены на границах с Новгородской и Псковской областями. С помощью сочинских и ставропольских коллег была организована проверка машин при подъезде к Сочи и Минеральным Водам. Сотрудники уголовного розыска проводили негласную проверку в таксомоторных парках города. Проверяли, кто из шоферов был на линии ночью в те дни, когда произошли угоны машин. Сотни фамилий столбцами выписывались на бумагу, а потом в управлении скрупулезно изучались — нет ли таких, которые работали ночью всегда, когда исчезали автомашины. Одновременно проверялся порядок хранения техталонов, выяснялись случаи их пропажи. Оперативные работники подробно опрашивали водителей, получивших дубликаты. Цифры, фамилии, даты...

Игоря Васильевича не покидала уверенность, что вся эта бухгалтерия вот-вот принесет результаты. Он сопоставлял все хищения «Волг» за последнее время, все показания потерпевших и полностью укрепился в мысли, что такие «удачные» угоны возможны только с помощью другой автомашины. Показания Тамариной окончательно убедили его в этом...

Вскоре на столе у Корнилова уже лежали два списка с фамилиями. В одном, большом, списке перечисля-

лось семьдесят шоферов из разных парков, ночные дежурства которых по многу раз совпадали с датами краж. По многу, но не с каждой кражей. Полного совпадения не было ни у кого. В коротком списке значилось тридцать девять человек. У них было по восемь совпадений...

Предстояло исподволь, деликатно выяснить, что они собой представляют...

И вот удача — арестован водитель второго таксомоторного парка Лыткин. И вдобавок у него находят чистый техталон и девятьсот рублей денег!

Корнилов уже второй час беседовал с работниками кафе, а дело совсем не двигалось. Швейцар, которому Игорь Васильевич показал среди других фотографию задержанного, не признал его. «Кто его знает, — сказал он с сомнением, — ходят тут каждый день много. И бузят часто. Может, и этот бывал. Не припомню».

Две официантки признали Лыткина. Да, кажется, бывал. Лицо вроде бы знакомое. И один ходил, и с девушками. Не было ли постоянной компании? Дружков? Поди разберись. Народу всегда много, крутишься как юла. Разве запомнишь, кто с кем... Не шиковал ли? Да нет, у нас особенно не расшикуешься. Ассортимент не тот. Расплачивался строго по счету... Мы чаевых не берем.

Корнилов чувствовал, что официантки чего-то не договаривают. Выходило так, что этот Лыткин — самый заурядный посетитель. Бывает в кафе, но от случая к случаю. И никаких друзей у него здесь нет. А кто же тогда крикнул: «Кошмарик, канай!» И почему этот Кошмарик, проживающий на Гражданке, ездит через весь город в кафе «Звездные ночи»? Не затем ведь, чтобы угостить свою девушку мороженым? Да и драку он затеял после того, как один из стоявших в очереди попытался не пропустить Лыткина в кафе без очереди. «Меня там друзья ожидают», — сказал Кошмарик. И швейцар хотел его пустить... Значит, знал!

У директора, меланхоличной полной женщины с низким лбом и беспокойными, бегающими пальцами, Корнилов попросил список официанток, работавших накануне. И их адреса. Вася Алабин приготовился записывать.

— Венюкова Тамара, Софийская, двадцать один,

квартира пять, — диктовала директриса, — Порошина Вера, улица Воскова, тридцать три, квартира шестнадцать, Гольцева Люба... Ну к этой вы можете и не ходить, она всего полтора месяца работает. Неумеха.

— Дайте на всякий случай и ее адрес, — попросил Корнилов.

— Я думаю, с этой Гольцевой Любы надо и начать, — сказал Игорь Васильевич, когда они с оперативником Василием Алабиным сели в машину. — Она новенькая — на свежий взгляд многое заметно. Видать, директриса ее не очень жалует. Неумеха! Много ли официантке умения надо?! А раз отношения плохие, она ничего скрывать не будет.

Люба Гольцева оказалась девушкой лет восемнадцати, нескладной, словно подросток, и ершистой. Корнилов подумал: «Нелегко, наверное, ей в официантках и с посетителями и с товарками. Такая действительно чаевых брать не станет. А ей этого не простят».

— Вы о нашем кафе хотите знать? — спросила Люба. — Что-нибудь случилось? Я так и знала... Только у директорши мое заявление уже неделю лежит. Через неделю ноги моей в этом гадюшнике не будет.

— Что же так? — подивился Игорь Васильевич. — Такое популярное кафе, а вы его гадюшником называете.

— Да туда теперь одна шпана ходит, — запальчиво сказала Люба. — Или пижоны сопливые... На них смотреть-то противно, не то что обслуживать... — Она вдруг осеклась и встревоженно посмотрела на Алабина, сидевшего с блокнотом в руках.

— Нет, об этом я вам рассказывать не буду. Раз вы милиция, сами должны знать. А мне еще хорошую характеристику надо получить.

«Ну хорошую-то характеристику тебе и так не дадут», — подумал Игорь Васильевич с сожалением, вспомнив, как директриса сказала: «Неумеха».

— Люба, вы ведь вчера работали?

Гольцева кивнула.

— Этот парень вам знаком? — Корнилов показал ей фотографию Лыткина.

— Его Кошмариком зовут. Пьяница.

— А кто зовет?

— Да парни, с которыми он к нам ходит. И наши девчонки.

«Значит, официантки знают его хорошо. Только скрывали», — отметил Корнилов.

— А что за парни с ним ходят?

Люба пожала плечами.

— Такие же, как и он...

— Вам приходилось их обслуживать?

— Да. Я и вчера им подавала. Они Кошмарика ждали. Один клиент даже выходил встречать. Потом пришел, пошептались о чем-то. Позвали меня расплатиться. Даже коньяк не допили.

— А говорили о чем?

— Я не слышала. Только когда из-за стола поднялись, Хилый — это они одного так зовут, хотя он по виду и здоровяк, — сказал: «В эту тошнилловку больше ни ногой...» — Она засмеялась: — Это он здорово про наше кафе — тошнилловка!

— Люба, а кроме этого Хилого, кто еще бывал?

— Часто бывал тоненький такой парень. С усиками... Наверное, кавказец. А то все разные.

— Пили здорово?

— Еще как. Хилый, как придет, спрашивает: «Что пьем, мальчики?» Бывало, что ящиками шампанское заказывал.

— Они что, каждый день в кафе сидели?

— Нет. Иногда неделю не появлялись. А то каждый день торчат.

— А как вы думаете, они работают или учатся?

— Так они же шофера, Хилый и Кошмарик. Таксисты.

— Откуда вы знаете?

Люба пожала плечами.

— Так это, по-моему, у нас в кафе все знают. Да и так ясно. Разговоры-то все про одно: ездку сделал в аэропорт, пассажир деловой попался. А машину почему-то «лайкой» называли.

— Может быть, лайтой? — спросил Корнилов.

— Может быть, и так...

Когда Корнилов с Алабиным, побывав еще у двух официанток, вернулись в управление, Юрий Евгеньевич доложил, что Лыткин признал себя виновным в

избиении гражданина Сосновского, а на вопросы, откуда у него деньги и техталон, отвечать отказался. Экспертиза показала, что на техталоне вытравлены прежние записи. Эксперты постараются их восстановить. Бугаеву поручено заняться вторым таксомоторным парком. Надо выяснить все про Лыткина...

— Ты, Юрий Евгеньевич, вызови Бугаева ко мне. Мы с Василием кое-чем разжились... Выяснили дружков этого Лыткина. Похоже, что один — тоже шофер. Некто Хилый. В «Звездных ночах» надо организовать дежурство. Марийкин улетел в Сочи?

— Да, Игорь Васильевич. Думаю, что денька за три он управится и начнет проверку в Сухуми. Установим заводские номера машин, которые продали эти два комиссионных магазина. И — на Горьковский автозавод.

— Позвони ему, — жестко сказал Корнилов, — и скажи, что на каждый магазин — сутки...

Белянчиков с сомнением покачал головой, но возражать на этот раз не стал.

Хотя многие доказывают, что доверяться интуиции нельзя, что надо опираться на факты, факты и только факты, что нельзя поддаваться под влияние какой-то одной версии, да еще к тому же продиктованной интуицией, Корнилов своей интуиции доверял. А эта вера основывалась на опыте — интуиция подводила его редко. Но ведь и точный расчет иногда подводит.

— Юрий Евгеньевич, сейчас все зависит от того, как быстро мы разработаем версию «Лыткин». Даже лучше назвать ее версия «Кошмарик». Это его кличка. Символично, да? — он вздохнул и покачал головой. — Ну ладно. Это я к слову. Так вот, если версию «Кошмарик» взять за основу, если он причастен к хищениям автомашин, то все его дружки сейчас в панике. Во-первых, не сболтнет ли чего лишнего. Во-вторых, не нашли бы у него вещественные доказательства. А если найдут — не заинтересовались бы его друзьями... Логично?

Белянчиков кивнул:

— Судя по размаху, они ребята не дураки, должны учуять запах жареного.

— Вот, вот... Сейчас они насторожены, могут и нагнать, могут и вглухую уйти. По всему — надо бы обыск делать у Лыткина. Да ведь спугнем, а?

— Можем спугнуть, — согласился Юрий Евгеньевич.

— Ну что ж. Надо нам, как шеф говорит, свистать всех наверх. Тебе, Юрий Евгеньевич, взять второй парк на себя. И Бугаев с тобой, и все остальные. Здесь навалиться надо разом. Алабин пусть установит наблюдение за «Звездными ночами». Вместе с райотделом.

— А другие таксомоторные парки? — спросил Белянчиков.

— Другие отставить. Пока... А там посмотрим. Да, кстати, среди друзей, с которыми пил в кафе Кошмарик, один — здоровяк по кличке Хилый, другой — похож на кавказца. Худой, с усами...

— Хилый... — в раздумье произнес Юрий Евгеньевич. — Хилый? У тебя списки шоферов под рукой? — спросил он Корнилова.

Игорь Васильевич молча выдвинул ящик стола, достал серенькую папку и, торопясь, начал листать. Юрий Евгеньевич вскочил со стула и, перевесившись через стол, следил за бумагами.

— Стой, вот он, список, — наконец сказал он.

Они быстро пробежали его глазами и посмотрели друг на друга.

— Ты в рубашке родился, — вздохнул Белянчиков. — Вот тебе и Хилый. Хилков Евгений Степанович, второе таксомоторное предприятие, первый класс, работает с 1968 года.

5

Прошла еще неделя, прежде чем Корнилов смог выбраться к матери на Валаам.

На пирсе у Озерного вокзала царило веселое оживление. Люди толпились у трапов, сновали в поисках «своего» теплохода. Слышались переборы гитары, приветственные возгласы. Большинство отъезжающих — молодежь.

Корнилов отправлялся на «Короленко».

— Товарищи, заполняйте, пожалуйста, путевки, у кого не заполнены, — с легким раздражением объ-

яснял у трапа высокий моряк с синей повязкой вахтенного. Чувствовалось, что ему уже надоело объяснять одно и то же. Пожилой мужчина с красивым клетчатым баульчиком в руках растерянно обернулся к своей спутнице — молодой большеглазой женщине.

— Что, Мишаня? — спросила она насмешливо. — У тебя нет авторучки? Товарищи, кто одолжит авторучку? — обратилась она к стоявшим у трапа.

— Пожалуйста, — Корнилов достал свою авторучку и протянул женщине. Она посмотрела внимательно на него и почему-то улыбнулась. Сказала:

— Мишаня, вот авторучка. Заполняй поскорее...

Мужчина засуетился, не решаясь выпустить из рук баул, потом все-таки поставил его на гранитный парапет, взял авторучку и, прежде чем начать писать, наклонился к женщине и что-то быстро зашептал ей. Она не дослушала, махнула рукой и сказала громко:

— Да пиши ты что хочешь...

«Ну вот, видать, с чужой женой путешествовать собрался, а как путевку заполнять пришлось — перетрусил, — подумал Корнилов. — И соврать боится, и правду сказать не может... Эх ты, дядя!»

Мужчина наконец заполнил путевки и, вздохнув с облегчением, отдал Корнилову авторучку. Вахтенный, бросив взгляд на их путевки, ухмыльнулся и громко сказал:

— Ваша каюта, товарищи Огнев, на верхней палубе. Ключи в двери...

У Корнилова каюта была второго класса, на второй палубе. Она показалась ему совсем крошечной, похожей на пенал. Воздух был несвежий, застоявшийся. Корнилов открыл окно и опустил жалюзи. Положил на столик прихваченную в дорогу книгу — «Незабудки» Пришвина. Книжку эту, уже изрядно потрепанную, кто-то забыл у Корнилова в кабинете. На пристань Корнилов ехал прямо из управления, не заезжая домой, и сунул на всякий случай «Незабудки» в портфель. Раньше Корнилов почему-то считал, что Пришвин пишет только о природе, а тут, едва открыв книгу, наткнулся на такие строчки: «Как гибнет любовь, когда один человек обращается другим в собственность, так и в отношении времени... Люди спешат и суетятся, потому что находятся в плену у времени».

Каждодневная суета и спешка угнетали Корнилова. Сколько раз он говорил себе: «Хватит суетиться. Научись выбирать главное. Толку от суеты мало, а сколько приходится терять, сколько идет мимо тебя из-за вечной гонки. Скорее, скорее! Поджимают сроки, подгоняет начальство. И в этой спешке не имеешь возможности оглянуться. А время проходит, и начинаешь понимать, что ускользнуло что-то очень важное, существенное».

Корнилов понимал, что в этой спешке не всегда бывают виноваты обстоятельства и начальство. Просто с течением времени вырабатывалась уже такая привычка, такой ритм жизни — быстрее, быстрее... «Нет, надо когда-то ломать этот ритм, надо быть серьезнее и глубже, — размышлял он, — иначе сам превратишься в автомат, в пустышку».

Минут через десять теплоход отправился вверх по Неве. По обоим берегам теснились огромные темные корпуса заводов. Неяркие полосы света, падавшие кое-где из приоткрытых ворот, да всполохи электро-сварки говорили о том, что там идет работа.

Охрипший голос пригласил пассажиров по судовому радио на ужин.

Пока ужинали, диктор рассказывал об острове Валаам.

...Гранитная скала в Ладожском озере... Дикая, романтическая природа... Спасо-Преображенский собор. Белый и Красный скиты. Упорные монахи насадили аллеи из лиственницы, пихты, дуба... Мощеные дороги. Каменные путепроводы. Сады на земле, привезенной человеком... Чайковский писал здесь свою симфонию... Место настоящего паломничества художников. Каменные утесы, заросшие сосновыми борами, белая пена прибоя привлекали Шишкина, Рериха, Куинджи. Здесь у Лескова родился замысел написать своего знаменитого «Очарованного странника». Корнилов вспомнил мрачноватые, безлюдные леса, изображенные Шишкиным, и снова подумал о матери. Хорошо, конечно, приехать на остров на большом ослепительном теплоходе, с музыкой, весельем... А каково там жить?

После ужина туристов пригласили на верхнюю палубу под большой тент «принять участие в танцах и играх». Корнилов подумал, что, пожалуй, никто не пойдет туда из-за начавшейся качки, но народу собра-

лось много. Пожилые женщины плотно расселись на скамейках, а молодежь всю отплясывала.

Каюта Корнилова была совсем рядом с корабельной танцплощадкой, и громкая музыка мешала ему сосредоточиться, думать об этих проклятых «Волгах», которые следовало как можно скорее найти. Он отложил свою записную книжку и лежал, прислушиваясь к тому, что происходило на палубе. После танцев пели нестройно «Калину красную». Потом негромкий женский голос начал задумчиво:

Мне говорила мать — не жди красивую,
Ищи себе, сынок, судьбу счастливую.
Красивым девушкам другие нравятся,
С женой красивою век будешь маяться...

Корнилов опять вспомнил большеглазую женщину, ее грудной, приятный голос, огромную белую косу, уложенную на затылке, и ему стало неприятно от мысли, что она где-то в одной из кают с пижонистым и трусливым пожилым мужчиной... «Чего это я?» — тут же одернул он себя.

Ночью Ладожское озеро не на шутку расходилось, и теплоход грузно переваливался с борта на борт. Чуть-чуть позванивали стаканы, засунутые в стойку над умывальником, дребезжали дверцы шкафа. В каюте было жарко, но едва Корнилов попытался открыть окно, как ветер с силой рванул занавески, захлестал ими по мокрому от дождя стеклу.

Корнилов почувствовал, что не уснет, оделся и вышел на верхнюю палубу. Резкий ветер чуть не сбил его с ног. Придерживаясь рукой за поручень, он прошел по мокрой палубе на нос и стал в затишке. Шипя, наступали перед теплоходом волны. И тут же тяжело обрушивались на него, заставляя всякий раз вздрагивать. Белесый мрак стоял вокруг. Ни отблеска, ни огонька. Глазу не за что было зацепиться. Лишь метнется белым крылом стремительная пенистая волна и тут же исчезнет во тьме. «Белые ночи уже на убыль пошли», — подумал Корнилов.

Простояв около часа на палубе, Корнилов продрог и вернулся в каюту. После пронзительного ветра, гулявшего наверху, теплая каюта показалась ему уютной. Корнилов лег в постель и с удовольствием вытянулся, чувствуя, как согревается его тело, наполняясь прият-

ной истомой. Ухала в борт волна, время от времени доносились резкие звуки, стук машины, когда кто-то открывал дверь машинного отделения, торопливый топот по гулким ступеням.

Приятно было сознавать, что не зазвонит телефон, не последует срочный вызов, никто не будет докладывать тебе о том, что час или полчаса назад в некоем районе неизвестные лица ограбили квартиру и ему, Корнилову, надо теперь собирать своих сотрудников, давать задание или даже ехать самому и стараться, чтобы эти неизвестные стали известными. Здесь ничто не напоминало о делах, кроме этого проклятого блокнота, который лежал на маленьком столике рядом с лампой-ночникком.

Проснулся он от громкого топота на палубе, почувствовал легкий толчок и понял, что причалили. «Ну вот, а я-то хотел посмотреть, как будем подходить к острову... И надо же — проспал». Но подумал об этом без огорчения. Было восемь часов. Раздвинув занавески на окошке, он увидел совсем рядом крутой гранитный утес, нависший над небольшим заливчиком, красные сосны на вершине утеса, потемневшую от дождя деревянную часовенку в сосняке... Дождь все еще сыпал, вскипая на темной воде залива, но то ли из-за красных сосновых стволов, то ли из-за того, что действительно начинало разъяснивать, было такое ощущение, что солнце где-то совсем рядом, что оно вот-вот выглянет и высушит промокший бор, часовенку, рано начавший желтеть папоротник...

«Ну что за погода? — подумал Корнилов. — За все лето дождя не было, а только из города выехал, началось. И обулся я словно на танцы. Ну да ничего... Как вымокну, так и высохну».

Он побрился и пошел завтракать. После завтрака туристы высыпали на берег. Дождь никого не испугал. Экскурсовод, молодой рябоватый мужчина, объяснял что-то столпившимся вокруг него пассажирам. Его бесцветный голос, усиленный мегафоном, звучал совсем деревянно.

Затянув потуже пояс плаща, Корнилов сошел по трапу на берег и стал подниматься каменистой тропкой наверх, к часовенке. У закрытого на замок легкого здания кафе сидели островитяне: бородатый дед и несколько бабок. Выставив свежую и вяленую рыбу, они

вели оживленную торговлю с туристами. На вопрос Корнилова, как пройти к дому престарелых, дед махнул рукой на каменистую дорогу, поднимающуюся вверх.

Сначала Корнилов шел аллеей, густо засаженной пихтами. Потом ему надоело перескакивать через лужи, и он свернул в лес. Подумал: «Все равно промокну». Тихий, глухой шум сосен сливался с шумом прибоя, мощным и гулким; невнятно шелестел дождь по листве редких берез и кленов. Несколько раз прямо из-под ног выпархивали тетерки. Корнилов не заметил даже, как перестал сыпать дождь. Лишь выйдя на большую поляну, он увидел, что тучи разошлись и выглянуло солнце. Прямо перед Корниловым среди темно-зеленых кленов и дубов, белый, словно снежная крепость, притаился монастырь. Это было так красиво и так неожиданно, что Корнилов долго не двигался с места, любуясь открывшимся ему видом. Он поначалу даже не заметил мужчину, стоявшего почти рядом с ним на широкой, хорошо утоптанной туристами тропинке. Мужчина стоял спиной, но Игорь Васильевич узнал его. Это был тот самый Мишаня, спутница которого просила у Корнилова авторучку при посадке в Ленинграде.

Мужчина обернулся на шаги. Вид у него был уже совсем не пижонский, а скорее нелепый — брюки закатаны чуть ли не до колен, на голове блином пластиковая шапочка. Он узнал Корнилова и даже будто обрадовался. Спросил приветливо:

— От группы отстали?

— Нет, и не приставал, — ответил Корнилов и подумал: «А где же твоя подружка?..» Он вспомнил: фамилия мужчины была Огнев.

— А мы вот тоже одни гуляли, да теперь Оля решила ягод поискать...

«Ее, значит, Олей зовут», — отметил Корнилов.

— Да какие тут ягоды, — продолжал мужчина, — в лесу сыро, а мы на дождь не рассчитывали. Но вот захотелось ей... Теперь стою поджидаю.

«Эх ты, ноги боишься промочить, — подумал Корнилов, — а она небось в туфельках пошлепала по мокрой траве».

— Вы знаете, что это за сооружение? — спросил мужчина у Корнилова. И, не дав ему ответить, про-

должал: — Белый скит, здесь вызревала самая северная вишня в мире. Монахи выращивали. Мудрецы! Сад у них вдоль южной стены был, а стена-то белая, солнце отражала, давала саду тепло... За это монахи даже получили медаль на Всемирной выставке в Париже... — Он хотел что-то еще сказать, но в это время послышался треск веток, звонкий голос крикнул: «Миша-а-аня! Иду-у!» — и на поляну выскочила давешняя спутница Огнева, приглянувшаяся Корнилову.

Она шла к ним улыбаясь. В руках у нее был огромный белый гриб. Такие большие Корнилов вообще редко видел.

Сейчас, днем, девушка показалась ему еще красивее. Мокрые прядки волос прилипли ко лбу, большие голубые глаза смотрели внимательно.

— Оленька, какой чудо-гриб! — крикнул Огнев. — Колосовик, наверное. А мы тут встретились, разговорились, — мужчина показал на Корнилова. Игорь Васильевич усмехнулся. Он-то и слова не успел сказать. — Этот товарищ нас вчера выручил.

Оля усмехнулась:

— Это я и без тебя заметила. Ты хоть познакомил бы...

Огнев развел руками:

— Да мы и сами еще незнакомы, я как-то не сообщил. — Он протянул руку. — Огнев Михаил Петрович. А это Оля.

Корнилов назвал свою фамилию.

— Фамилия у вас известная, — сказал Огнев. — Генеральская!

Оля улыбнулась и внимательно посмотрела на Корнилова.

— Фамилия у меня самая простая, — почувствовав этот пристальный взгляд и потому раздражаясь, ответил Корнилов. — А уж если в историю заглядывать, то каждый берет из нее то, что его больше интересует. Один — белого генерала, другой — героя Севастопольской обороны.

Фраза прозвучала зло, но Огнев не обиделся, а добродушно улыбнулся:

— Ну конечно, конечно. Разве в фамилии дело... Был бы, как говорится, человек хороший, правда, дочка?

Корнилов почувствовал, что краснеет. «Так она с

отцом... А собственно, чего я здесь баланду развожу с ними? — подумал он. — Надо идти».

— К поселку эта дорога? — спросил он у Огнева. — Вы, наверное, так же хорошо, как историю, географию острова знаете?

Огнев усмехнулся.

— Знаю. В поселок, к Спасо-Преображенскому собору, надо брать левее, вот по этой тропке, — он показал на еле приметную дорожку, уходившую в сосновый бор. — Но учтите, молодой человек, ничего достойного внимания там вы не найдете. Собор малоинтересный, в псевдогреческом стиле... — Огнев хотел что-то еще сказать, но Корнилов перебил его:

— Спасибо. Собор меня мало волнует. Мне в поселок надо по делу.

— А-а... — протянул Огнев огорченно, словно жалел, что не сможет поподробнее рассказать Корнилову об этом соборе в псевдогреческом стиле.

Чем дальше шел Корнилов по тропинке, тем больше одолевало его беспокойство. Он вспоминал слова Иннокентия о болезни матери и думал о том, в каком состоянии ее застанет. А вдруг у нее что-нибудь серьезное?

Неожиданно лес кончился, и Корнилов увидел недалеке, километрах в двух, большой белый собор на взгорке, несколько невысоких домиков среди зелени. Слева, в небольшом заливчике, покачивались у пирса потрепанные рыбацкие суденышки. На одном из маленькой трубы струился легкий дымок, да на баке было развешано белье.

Неожиданно на тропинке, сбегавшей от собора, появился безногий парень на тележке с колесиками. Отталкиваясь зажатыми в руках деревяшками, парень ловко скатился с горы. Ему было лет двадцать пять, не больше. Парень посмотрел внимательно на Корнилова, почему-то улыбнулся и спросил:

— У вас что курить есть?

— «Ява», — отозвался Корнилов, — закуришь?

— От «Явы» не откажусь, — сказал парень, подъезжая к Корнилову. — А то у нас тут одни «Южные». Нас ведь Петрозаводск снабжает. Из Ленинграда не привозят.

Он взял у Корнилова сигарету. Игорь Васильевич

отметил, какие сильные и темные от загара у парня руки.

— Турист? — спросил парень, закулив.

— Да не совсем, — ответил Корнилов, глядя на инвалида и думая о том, где же его, бедолагу, угораздило потерять ноги: под трамваем, под поездом? — Совсем я не турист. Хотел как раз у тебя спросить... Дом престарелых где здесь размещается?

Он специально сказал «дом престарелых», а не инвалидов, боясь произнести при парне это слово.

— Здесь! — махнул парень рукой на собор. — В монастырских постройках. Мы тут прямо как монахи живем. А вы что, проведать кого приехали?

— Да у меня мать здесь, — начал Корнилов и увидел, как посуровело вдруг у парня лицо, а глаза, смотревшие мгновение назад так приветливо и доверчиво, стали злыми.

«Откуда я знаю это лицо? — подумал Корнилов. — Такое недоброжелательное, недоверчивое? Не по делу ли об ограблении в Гавани он проходил?»

— Ма-а-ать у вас здесь, — сказал парень, растягивая слова. — Понятное дело. Сходите проведите... — Он отвернулся и собрался уезжать, а Корнилову стало так обидно от этого холодного тона, от этого несправедливого подозрения, что он неожиданно для самого себя сказал:

— Ничего тебе не понятно! Забрать я ее приехал. И знать не знал, что ее сюда отправили...

Слова прозвучали как оправдание, совсем по-детски, но Корнилов не мог не сказать их безногому парню.

Парень снова повернулся к Корнилову и пристынулся:

— Вон у вас какие дела... Чего же вы балакаете тут со мной? Мать-то знает?

— Нет, — сказал Корнилов. — Не знает... Я и сам недавно узнал. Сказали, что она тяжело больна... Может, ты знаешь ее? Корнилова Вера Николаевна... Такая худенькая, совсем седая.

— Чудак вы, — улыбнулся инвалид. — Да они здесь все седые и худенькие. А Веру Николаевну я знаю. Как же. Да она ведь и недавно на острове. Месяца три...

Корнилов вскочил и склонился к парню:

— Вот-вот! Месяца три. Как она? Здорова?

— Да вроде здорова, — пожал плечами парень. — Полчаса назад на обеде ее видел.

Но Корнилову почудились какие-то нотки сомнения в голосе у парня.

— Да чего вы волнуетесь? — сказал инвалид, заметив состояние Корнилова. — Пойдемте разыщем Веру Николаевну. Вот радость-то будет ей. Вот радость... — Он резко оттолкнулся и покатил вверх по тропинке, к собору. Корнилов пошел рядом.

— Вас как звать? — спросил парень.

— Игорь Васильевич.

— А меня Лешей. Алексей Федосеич Рымарев. Два года как островник.

«Ну конечно, — вспомнил Корнилов. — Рымарев. Ограбление пьяных. Сколько ему тогда дали? Лет пять. А несчастье наверняка с ним в колонии приключилось. Ну и ну!» Корнилову вдруг стало не по себе, словно сам он был виноват в Алешином несчастье. — Как же он меня-то не признал? Забыл?»

Они прошли сквозь ворота в толстой монастырской стене. Здесь когда-то, наверное, жили монахи. Маленькие оконца, сплошь заставленные геранью в белых жестяных банках. За воротами открылся заросший травой дворик. Дорожка, выложенная известняковыми плитами, привела Корнилова и его спутника к небольшому флигельку.

— Я сейчас, — бросил парень и с ходу перескочил невысокий порожек. Дверь сильно хлопнула. Корнилов постоял секунду и тоже решил зайти в дом. Он открыл дверь. Навстречу Корнилову, глухо грохоча своими колесиками по дощатому полу, катился Леша.

— Нету ее в палате, — сказал он. — Соседки говорят, гуляет... Да мы сейчас разыщем.

Они выбрались из монастырского дворика уже через другие ворота и очутились на высоком берегу. На озере ветер гнал нескончаемые белые барашки, и казалось, что остров плывет навстречу этим барашкам, навстречу низким облакам. Пронзительно кричали сварливые стремительные чайки.

Недалеко от стены, среди кустов сирени, стояла скамеечка, и на ней сидела мать. Корнилов сразу узнал ее, хотя и сидела она спиной к нему. Маленькая,

сутулая, с непокрытой белой головой, она сидела одна и смотрела вдаль, на озеро.

— Вот... — начал было обрадованно Леша, но замолчал, посмотрев на Корнилова, и только показал глазами на мать. Но она, услышав Лешин возглас, обернулась. Скользнула взглядом, не задержавшись на Корнилове, кивнула Леше и отвернулась.

— Не узнала, — прошептал Корнилов. И подумал: «Ну откуда же? Ведь она и думать не думает...»

Но мать обернулась снова. Она несколько секунд пристально вглядывалась в Корнилова и вдруг, тихо, охнув, рывком поднялась. Игорь Васильевич быстро пошел ей навстречу.

— Игорек... Приехал... — только и сказала она и заплакала, уткнувшись ему в грудь.

Потом они сидели вдвоем на скамеечке, и Корнилов рассказывал матери про свои дела, беспокоясь вглядываясь в ее лицо и отмечая, что она еще больше постарела за эти несколько месяцев. Морщин на лице было не так уж и много, но кожа стала совсем сухой и тонкой и вся была усеяна мелкими-мелкими веснушками. И глаза словно выгорели... «Я тоже хорош, — думал Корнилов, — последнее время выбирался в Батово раз в три месяца. Только денежки слал... Мало ли что мне у Иннокентия не нравилось. Мать-то чем виновата?»

Когда Корнилов сказал, что приехал забрать ее с собой, мать снова заплакала. Потом достала из рукава пальто платок, аккуратно утерла слезы и, подняв глаза на Игоря Васильевича, улыбнулась ему виновато.

— Ну вот видишь... Все плачу. Больше не буду. — И, вздохнув, сказала: — Ну зачем я поеду, Игорек? Здесь ведь совсем неплохо. И кормят прилично. И живем мы в комнате втроем... Вот только скучно. — Она помолчала в раздумье, глядя отрешенно на озеро. — А тебе я только в тягость. Опять болеть буду. Здесь-то климат для сердечников хороший. И все время под присмотром. Врач Тая Федоровна у нас очень знающая. И обходительная. А дома... Ты все на работе. Да и свои у тебя заботы. Ну как, если надолго слягу?.. Как у Кеши в последний раз... — Она всхлипнула, но сдержалась, не заплакала. — Я ведь, сынок, Кешу не виню. Трудно им со мной было... С последним приступом я месяц пролежала... «Неотложку» сколько раз

вызывали. И ночью и днем. Татьяна даже отпуск за свой счет брала... А у них хозяйство. — Она посмотрела на Корнилова, словно призывая его внять разумным доводам. Потом вздохнула тяжело. — В тягость я им была... Да и мне с ними тошно. Кеша ведь до чего дошел? На службе у себя яйца и кур получит — и в Гатчину на рынок. И на «Москвиче» своим подрабатывал. Как что, соседи стучат в окно: «Иннокентий Васильевич, выручите, подбросьте до города...» И все за рублики. Стыдно людям в глаза смотреть!

«Эх и шляпа же я, — с горечью думал Игорь Васильевич, слушая мать. — Своего родного брата упустил... Уголовный розыск! Как я перед матерью виноват!»

— Что ж, мама, поедем домой, — сказал он твердо. — Как-нибудь проживем вместе. А будешь много болеть — вместе сюда вернемся. Скит под квартиру приспособим, и точка. Буду работать участковым, — он засмеялся.

Мать тоже засмеялась и словно засветилась вся.

Она показала Корнилову свою комнату. Там и впрямь было чисто и довольно просторно. Три кровати, аккуратно заправленные, тумбочки, и на каждой по большому букету цветов в жестяных банках, обернутых кусками обоев. Но только и здесь, как и в коридоре, воздух был какой-то затхлый, с примесью лекарств. Потом они прошлись вокруг собора. Корнилов бережно держал мать под руку, а она все рассказывала ему о своем житье-бытье, чопорно раскланивалась со встречными старушками. Корнилов чувствовал, с каким любопытством и, может быть, завистью приглядываются к нему эти старушки, как хочется, наверное, узнать, кто это приехал к Корниловой. Не сын ли? А мать шла гордая, голос у нее окреп, стал тверже. И все говорила, говорила.

Оказалось, что увезти мать сегодня нельзя. Надо было выполнить целый ряд формальностей, а заведующего не было. Он уехал в Сортавалу. Вернется только завтра, в воскресенье, а теплоход отправлялся сегодня вечером. «Ну ничего, — подумал Корнилов, — как-нибудь переночую, а завтра поедем». Мать сказала, что пароходик на Сортавалу ходит каждый день.

Корнилов отправился на теплоход за портфелем да еще предупредить, чтобы не искали.

У дебаркадеров было шумно и весело. Гремела музыка, отдаваясь эхом в скалах. На теплоходах уже зажгли свет.

Спускаясь по трапу с теплохода, Корнилов встретил Олю. Она была одета в темный спортивный костюм, а в руках несла букет брусничника с начинающими краснеть ягодами. Корнилов уступил ей дорогу. Она, в сумерках не признав его, прошла сначала мимо, но тут же обернулась:

— Ой, я вас и не узнала... Что это вы? Не поздно ли на прогулку?

— Да я остаюсь... — тихо ответил Корнилов. — Понимаете... В общем, надо задержаться на день...

— Задержаться на день? — удивилась девушка. — А как же... — она, видимо, хотела сказать: «А как же вы доберетесь обратно?» Но догадалась. — Ну конечно, здесь же поселок. Люди на чем-то ездят... И вы знали, что останетесь? — спросила она неожиданно.

— Да нет, думал, этим же теплоходом вернусь. Но так уж получилось...

— Возьмите меня с собой, — вдруг сказала Оля. — Так не хочется от этой красоты уезжать! Нет, правда... На работу мне не надо. Я отпуск догуливаю. Вот папуля удивится! Только его предупредить надо, а то ведь он начнет паниковать, теплоход задержит.

— Да я... — начал Корнилов и почувствовал, что безбожно краснеет. — Я был бы рад, но еще и сам не знаю, где мне придется заночевать... Я по делу.

— Вас зовут Игорь? Да? — сказала Оля. — Я правильно запомнила. И вы, наверное, сыщик. Папа мне сказал, когда вы ушли от нас в лесу: «У этого человека очень пристальный взгляд». Ну признавайтесь, вы сыщик?

— Да что вы? Вот уж не угадали... — запротестовал Корнилов. — А вы, Оля, можете опоздать. Уже объявили посадку...

— Значит, не хотите брать с собой такую взбалмошную женщину? Все мне про вас ясно. Хотя и сыщик, а трусили. И вообще я вас знаю. Вы из уголовного розыска и большой зазнайка! А в поликлинику нашу ходите только зубы лечить. И не обращаете внимания на других врачей. Ваше счастье, что не болеете. Вот придете ко мне, я вам самой толстой иглой уколю

буду делать... — Она выпалила все это остолбеневшему Корнилову и быстро пошла на теплоход.

«Вот чертовщина! — только и подумал Корнилов, глядя, как Оля легко взбежала по трапу, ни разу не обернувшись. — Так она из нашей поликлиники!»

Один из теплоходов протяжно загудел. Лес отозвался ему дробным эхом. «Словно леший захохотал», — подумал Корнилов. По радио раздалась команда отдать швартовы, и первый из теплоходов бесшумно стал отходить, словно его сносило течением. За ним второй, и через несколько минут третий. Разбуженные чайки с осатанелыми криками кружили над теплоходом.

Корнилов почувствовал, что ветер стал пронзительным и холодным, услышал, как недружелюбно-глухо шумит лес, как веет от него сыростью. «Не заблудиться бы», — мелькнула у него мысль. Но когда он вошел в лес, все опасения его исчезли. Несмотря на тучи, темно не было. Серая мгла. Светлая полоска неба между вершинами деревьев указывала ему путь.

Корнилов шел быстро, изредка спотыкаясь о корни или попадая на наезженную колею. Кругом было тихо, только лес шумел. Потом он услышал какое-то поскрипывание впереди, шелест. «Может, воз едет?» — мелькнула мысль. Он прибавил шаг и вскоре догнал своего нового знакомого. Леша ехал очень быстро, резко отталкиваясь своими колодками. Корнилов окликнул его.

— А, это вы... — узнал его Леша. — Сигареты еще не все выкурили?

— Ты что так далеко забрался? — спросил Корнилов. — Сигарет на теплоходе купить хотел?

— Нет. Просто так, — ответил парень. — Двинулись, что ли... Я к теплоходам каждое воскресенье хожу, — сказал он через некоторое время, и Корнилов подумал, какую же дорогу приходится парню «ходить». Он так и сказал — «хожу», а не «еду».

— Только к дебаркадеру не спускаюсь. Стыдно. Один раз за нищего приняли. Мужик рублевку сунул. Я ему кричу: «Забирай!» — а он только рукой махнул... Так я теперь не спускаюсь, нет. На утесе пристроюсь в кустах и смотрю.

— Как у тебя случилось-то? — наконец решился спросить Корнилов.

— Несчастный случай, — как-то уж чересчур бодро ответил Алексей. — В армии... В армии чего не бывает. На ученьях под танк попал. Два года по госпиталям. Одну ногу хотели спасти. Да вот, видите, не спасли, однако.

Они миновали каменный мостик, свернули влево.

— Осторожней, сейчас мочажина будет, берите левее. Не споткнитесь, булыжники какой-то тетеря на тракторе разворотил...

Видно было, что дорогу он знает досконально, до каждой крохотной выбоинки.

— У меня ведь и пенсия есть, — все рассказывал Алексей о себе. — Вполне приличная. И родители. Мог бы жить с ними припеваючи. Да не захотел. Все жалеют, жалеют. — Он помолчал немного. — А я жалости не хочу. Узнал вот про остров. Попросился. Тут жить можно, это точно. И заработать можно. Меня вот сети научили вязать да чинить. Я теперь вроде бы при рыбаках. Два раза на озеро с собой брали...

Корнилов слушал его и думал о матери. «Хорошо, что не пришлось ей зимовать здесь. Коротать долгие зимние ночи и думать о сыновьях, которых вырастила, отказывая себе во всем, поставила на ноги, и теперь они где-то там, за льдами и вьюгами, бушующими над стылым озером, живут среди друзей своей жизнью...»

— Вы, Игорь Васильевич, можете мою просьбу выполнить? — спросил Алексей.

— Постараюсь. Все, что смогу...

— Да сможете, только не забудьте. А то тут в прошлом году один турист наобещал, а потом и забыл. Дело-то такое... Сигарет бы хороших, ленинградских, послали мне... Хоть пару раз. По блоку. Я вам и деньги дам.

— Да что ты, какие деньги. Адрес только дай, — сказал Корнилов. — Сигареты считай что у тебя в кармане.

— Вы и письмишко черкните. Ладно? Как-то там в Питере... Чего новенького. Ну как там на улицах, машины какие новые. Я технику люблю.

— Напишу, Алексей. Обязательно.

В поселке они попрощались. И Алексей, отъехав немного, окликнул Корнилова:

— А мать-то завтра увозите?

— Завтра. Документы оформим и поедем.

— Счастливого. Про сигареты не забудьте!

Он переночевал в пустой маленькой комнатке на скрипучей железной кровати. Утром его разбудила мать, они позавтракали вместе в уже опустевшей столовой.

С формальностями покончили быстро. Мать сложила в небольшой старомодный саквояж свои пожитки, раздала всякие мелочи вроде мыла и одеколона пришедшим к ней в комнату трем старушкам. Сердечно расцеловалась с ними. Старушки сидели молча, смотрели, как мать укладывает вещи, а напоследок расплакались. Всплакнула и мать. И только одна, сухая, строгая, с крашенными перекистью волосами, шикала на них.

Отправились с острова на небольшом закопченном буксирчике. Волны нещадно кидали его то вверх, то вниз, захлестывали палубу. Алексея Корнилов в этот день не встретил.

Дней через десять после того, как Корнилов отправил безногому Леше на Валаам сигареты, пришло письмо. В конверте лежали четыре рубля. Письмо удивило и расстроило Игоря Васильевича.

Алексей писал:

«Вот уж не ожидал получить от вас сигареты. За два года, кого ни просил, от всех получал дулю. Посылаю вам тугрики. Не хочу подачек. Я все наврал про учения. Ноги мне придавило на лесоповале в Кировской области. На втором году отсидки в колонии строгого режима. После больницы попросился на остров. Не хочу никого видеть. И жалость мне ваша противна. Раньше надо было жалеть. А теперь я Воруй-нога, как говорили у нас в колонии. Безногий. Я даже к матери не поехал. Ненавижу. Пьяница. А ноги у меня до сих пор знобят, как раньше от ревматизма. Иногда вечером спать лягу, закрою глаза, а они знобят. Так знобят, что невтерпеж. Или рано утром приснится, что замерзли. Рукой потянусь прикрыть, и аж потом прошибет. Выть хочется. Кому я такой нужен?.. Ну да это я все так, от злости. На острове жить можно. Харч приличный. Да и прикупить всегда есть на что. Люди друг к другу привыкли. Вот только летом, как поедут туристы, противно. Не люблю их. Ходят везде, глазекот, а

когда уезжают, такая тоска берет. Им там весело, хорошо, все парочками. Ночь поспят — и в Ленинграде... Ненавижу их всех. Да еще тоску наводят похороны — старики же все вокруг. Умирают, умирают. А родиться никто у нас не рождается. Редко, если только у местных. Эх, если бы жизнь начать сначала! Вы на меня не обижайтесь, если я что не так написал. Получил сигареты, вспомнил вас, поговорить захотелось. Да и виноват я, что наврал про маневры и два года в госпиталях...»

Игорь Васильевич повертел письмо в руках. Строчки неровные, буквы разбегались в разные стороны. Вот он какой, даже в своем несчастье недобрый. Как, должно быть, тоскливо стоять на пустынной мрачной скале, среди мокрых от дождя кустов и провожать взглядом уплывающие во тьму залитые огнями теплоходы!

«Парню надо бы помочь, — думал Корнилов. — Неужели ему только и остается, что прожить всю жизнь среди ветхих старух и стариков, помогая рыбакам чинить сети? Есть же в городе артели инвалидов, где работают сверстники и где не будет так одиноко и тоскливо. И где, может быть, пройдет обида на весь свет и утишится злость на самого себя. Надо будет все разузнать. Вот только согласится ли он сам переехать?»

6

Хилков был вне себя. Очередное дело срывалось из-за проклятого Кошмарика. Деньги так и шли сами в руки, а этот болван попал в лапы милиции. Сколько раз ему говорили: надрался — не лезь на рожон. Сгореть — что плюнуть! Нет ведь, как выпьет, так и чешутся у него кулаки.

Лихо пил Кошмарик. Он и прозвище-то получил из-за того, что, придя в парк заступать на смену, кричал обычно: «Ну и крепко я вчера взял, ребята. Кошма-а-рики!..»

Вот и докричался... Набил какому-то ффраеру рожу и завалился. Не раскололся бы. Да нет, пожалуй! Кошмарик на этот счет крепкий.

А мы в «Звездные ночи» больше ни ногой. Береженого бог бережет.

Хилков проклинал Кошмарика и лихорадочно соображал: кого из шоферов можно было бы взять с со-

бой? На один раз. Потом-то образуется. Скоро и сам он опять на машину сядет...

Недавно Хилков разбил свой таксомотор и вот уже месяц кантовался на мойке... А в этом деле без машины не обойтись.

«Эх, кого же? Кого? Тычкова? Парень вроде свойский, похоже, даже срок имел. Но нынче в дружке ходит. А с этими дружинниками можно нарваться. Ечкин? Ечкин... Вот лихой мужик, да захочет ли на дело идти? И дурной. Как выпьет, все кому-то в рожу дать норовит, навроде Кошмарика. Влипнуть с ним можно... Да. Больше и глаз положить не на кого... Все чистюли, в ударники лезут. А вот Витька Винокуров! А? Если ему пару сотен в клюв кинуть? — Хилков воодушевился. — Да Витька за пару сотен отца родного продаст. Ох жаден до грошей. Куркуль. На раз его можно взять. Пока сообразит, что к чему, — дело сделано. На большее-то нельзя, трусить начнет, а так, пожалте, за две сотняги машину дернет».

Он вспомнил Фелю Николаева и в который уже раз пожалел, что его нет в Ленинграде. Вот был человек верный! А получилась какая-то глупость — совсем неожиданно исчез Феля. Никому ничего не сказал, не предупредил — взял расчет и уехал. Куда — никто не знает. Может, трусил? Отец Федор сказал: «Плюнь, Женья, и забудь. Считай, что не было такого. В кантюжники записался».

На то, чтобы добыть «Волгу», было всего два дня. Сегодня и завтра. Обычно Хилков, Кошмарик и Феликс Николаев, по прозвищу Феля, «работали» втроем, а потом кто-нибудь из них перегонял машину Курортнику — Борису Угоеву. Денежки на бочку — и прощайте пальмы и Черное море. А на этот раз все упрощалось. Жорка Угоев, брат Курортника, ехал в отпуск домой и попросил быстро достать авто. Сам брался и перегнать... Подвел Кошмарик.

«Эх, с каким подонком пришлось работать», — вздохнул Хилков.

Рабочий день подходил к концу. Хилков сходил в диспетчерскую, узнал, в какое время выезжает на трассу Винокуров. Оказалось, с восьми вечера. Выходило как нельзя лучше.

«Сегодня с Витей говорить не буду, — решил Хилков. — Так вернее. Слишком много времени ему на

раздумье. Вдруг сдрейфит?.. А когда с пылу с жару... Пепензы получит — потом уж ни в жисть с ними не расстанется».

После смены Хилков долго и с удовольствием мылся в душе, пустив воду погорячее. Насвистывал весело. Решение пригласить Винокурова казалось ему удачным. Даже злость на Кошмарика прошла. «Попух, бедолага, — жалел его Хилков. — Да на ком — на каком-то фраере! Интересно, а деньги он где хранил? На сберкнижке? Пожалуй, нет. Не в его привычке деньги копить. Все в картишки спускал. Ну и на вино расход немалый». Потом он вспомнил, что в багажнике в машине Кошмарика остался тросик и инструменты. Машина была на трассе, да и не пойдешь за тросиком к сменщику. Придется еще в автомагазин ехать, покупать. А потом звонить отцу Федору...

Федор Борисович выматерился, когда Хилков позвонил ему и рассказал про Кошмарика. Над предложением привлечь Витьку Винокурова долго думал. Хилков слышал, как он тяжело вздыхал, шептал что-то злое. Потом сказал:

— Черт с тобой, поговори со своим Винокуровым. Но обо мне ни слова. И про Жорку не трепись, возьми у него номера да иди с Винокуровым один. Позвонишь, скажешь, где карету оставили.

С Винокуровым Хилков сговорился очень быстро. Отозвал в сторонку, когда тот пришел на смену, спросил:

— Витек, тебе деньжата сейчас нужны?

Тот усмехнулся:

— Ты что, блажной? Когда они бывают не нужны-то? Перевозочку надо оформить? Ты ведь пока безлошадник...

— Ну да, — кивнул Хилков. — Перевозочка небольшая. На час, не больше. Время только позднее.

— Так у меня и выезд на линию не ранний, — сказал Винокуров. — Ты не крути. Чего надо-то?

— Да частнику одному хочу насолить... Он, сволочь, просил меня машину перебрать, я неделю калымил, а башли получить не могу. Хочу вот машинку-то угнать и бросить где-нибудь подальше. Пусть поищет.

Винокуров хмыкнул.

— Я, Витек, и хочу тебя попросить. В два часа подъедем с тобой... Я за руль сяду, на тросик подце-

пим, отбуксируем подальше, и дело с концом. Двести колов тебе хоть сейчас отвалю.

— Триста, — сказал Винокуров. — За твои красивые сказочки... Ну да мне-то наплевать. Я, Женя, дачку под Приозерском сейчас строю. Так денежки эти мне вот как нужны! — он провел рукой по горлу.

Хилков согласился и попросил к часу заехать за ним на Лиговку.

— А денежки когда? — поинтересовался Виктор. — Ты уж лучше гони вперед...

Хилков только головой покрутил.

— Да ладно ты, Витек, не бойсь! Приедешь за мной — сразу отсчитаю.

Когда ночью, захватив сумку с тросиком и номерами, Хилков вышел на улицу, машина Винокурова уже стояла у ворот. Две девушки уговаривали подвезти их.

— Да я же говорю, по вызову, — отбрехивался Винокуров. — Вот и пассажир идет...

— Товарищ, вы в какую сторону едете? — бросились девушки к Хилкову. — Может быть, нам по пути?

Хилков на секунду растерялся. Потом спросил:

— А вам-то куда ехать?

— На Московский, в гостиницу «Россия», — сказала одна из девушек и с надеждой посмотрела на Хилкова.

— А мне в аэропорт, — усмехнулся он. — Значит, по пути. Возьмем, товарищ водитель?

Такси помчалось по пустынной Лиговке, нещадно трясаясь на диабазовой брусчатке, а девушки наперебой благодарили Хилкова. Оказались приезжими, из Красnodара. Хотели увидеть белые ночи.

Машина выехала на Московский проспект. Стал накрапывать мелкий дождик. Хилков вздохнул. Подумал: «Хорошо, что дождь... Меньше таких дур по улицам гулять будет. Да и не так светло — все небо заволокло. Это, наверное, плохо — баб встретить, когда на дело идешь? Или только с пустыми ведрами плохо?» Сам не понимая почему, он сильно волновался. В машине было тепло, но противная дрожь время от времени пробегала по всему телу. «И чего это я? — удивлялся он. — Вроде ведь не первый раз». Он подсчитал, выходило — десятый. И все было нормально. Вот только Кошмарик сидит. Не наклепал бы чего лишнего.

Надо бы ему весточку запустить. Держись, мол. За кормой все чисто. Долю получишь. Да как передать?

Хилков покосился на Винокурова. Тот сидел спокойно, смотрел вперед. «Этого ничем не пробьешь. Тупой как пробка, — неприязненно подумал Хилков. — Тоже мне дачник!»

У гостиницы девушки расплатились, горячо поблагодарили.

— Куда едем-то? — спросил Винокуров.

— В Дачное... Улица Третьего Интернационала. Я дом покажу.

— А деньги?

Хилков достал из бокового кармана три сотенные бумажки, протянул Винокурову.

— П-п-порядок, Женя! — обрадовался тот. — Газуем в Дачное. Пошутим шутки с твоим другом!.. — и захохотал.

Чем ближе они подъезжали к дому, во дворе которого стояла новенькая «Волга», облюбованная Хилковым, тем больше он волновался. И куда девалось спокойствие, с которым он ездил на дело еще полгода назад!

Один раз их обогнал милицейский «газик» с синей мигалкой, и Хилков подумал: «Все, пронюхали, гады...» Спина у него взмокла, почему-то заломило в висках. Но «газик» промчался, не притормаживая, и скрылся в пелене дождя.

На улице Третьего Интернационала Хилков попросил Винокурова ехать потише. Не доезжая пятиэтажного белокирпичного дома, они остановились.

— Жди тут, — сказал Хилков и вылез из машины, зябко поеживаясь. Осторожно, без стука, закрыл дверцу. Дождь продолжал сеять. Хилков постоял немного, осмотрел окна. Ни огонька. Только на третьем этаже за окошком словно бы кто-то стоял. Смотрел на подъехавшее такси. Хилков отошел в сторону к забору. Стал за кустом сирени. Пригляделся. Вроде бы человек — или просто почудилось? Ветер качнул легкую занавеску. Хилков чуть не выругался вслух. Принял за человеческую голову горшок с цветами.

Во дворе, рядом с сараем, стояла «Волга». «Номер какой-то не наш, — отметил Хилков. — КРЯ. Крымский, что ли? Это даже лучше...»

Он еще раз прислушался. Было тихо. Только дождь

шелестел по кустам, слегка барабанил по жестяной крыше сарая...

Когда дверца автомашины была уже открыта, раздался вдруг резкий звонок, потом второй, третий...

Прежде чем Хилков догадался, что это в доме звонит телефон, спина его снова покрылась испариной, как полчаса назад в машине. Он юркнул на сиденье «Волги» и, замерев, прислушался. Телефон наконец перестал звонить. Слышался только густой сонный голос, что-то односложно отвечавший в трубку. Потом снова стало тихо. Можно ехать. Прикрыв дверцу, он быстро добежал до Винокурова. Сел к нему.

— Витюша, полегоньку... В проулок... Подавай задом... Вот к той... серенькой...

Лихорадочно расстегнул сумку, достал тросик. Когда Винокуров подал машину к «Волге», Хилков выскочил, быстро прицепил трос. Сел за руль серого автомобиля. Махнул рукой, чтобы Винокуров трогал. И в это время с улицы сверкнул ослепительный свет фар. Хилков зажмурился, лихорадочно соображая, куда бежать, но свет погас так же внезапно, как и вспыхнул. Загородив выезд на улицу, в проулке остановилась «скорая помощь». Гулко хлопнула дверь. Мужчина в белом халате, с пузатым чемоданчиком в руке быстро прошел к первому парадному и скрылся там.

«Надо бросать машину, — решил Хилков. — Догадуются, в чем дело, заметят номер — пиши пропало...»

Он вылез из машины, быстро отцепил трос и сел к Винокурову.

— Витюша, ждем отсюда... Объедем вокруг дома. Там, кажется, можно выехать.

— А машина? — удивился Витюша.

— Черт с ней... — махнул Хилков.

— Как черт с ней? — Винокуров решительно покачал головой. — Я что, с тобой в бирюльки играть приехал? Полночи потерял и уезжать ни с чем? А тебе денежки вернуть? Нет, дудки. Пересидим немного, пока уедет «скорая».

«Ну и дубина, — подумал Хилков, неожиданно успокаиваясь, — за денежки испугался. Да я и не думал их назад забирать...»

Они сидели молча минут пятнадцать, все время рассматривая на два окна на четвертом этаже, где горел свет. Потом увидели, что в одном окошке свет погас,

а в другом вместо верхнего зажегся ночничок. Врач вышел из дома, сел в «скорую». Вспыхнули фары, машина дала задний ход, развернулась и уехала. Хилков снова подцепил тросик, и они выехали со двора. На пустыре за Кировским заводом Хилков попрощался с Витюшей. Когда Винокуров уехал, он поменял на машине номера, открыл капот. Секретка на «Волге» была самая примитивная. Хилков прогрел мотор и не спеша поехал к гостинице «Советская». Они договорились там встретиться с Уговым. Остановившись на Обводном канале около телефонной будки, Хилков позвонил Федору Борисовичу. Потом, взяв с сиденья старые номера, подошел к парапету набережной и, размахнувшись, бросил их в воду. «А может быть, эта «скорая» просто липа? Может, это милиция за мной следит? — мелькнула мысль. — Может, уже обложили?»

Все последние дни Хилков нервничал. Иногда совсем беспричинно его начинало колотить словно в ознобе, и мелко-мелко дрожали руки. В тот день, когда в «Звездных ночах» арестовали Кошмарика, Хилков, стараясь быть равнодушным, бросил зло: «Допрыгался, алкаш...» — но рука, поднявшая рюмку коньяку, предательски дрожала, и коньяк расплескался на скатерть.

Все это заметили, и кто-то сказал:

— Да ничего с ним не случится. Отсидит суток пятнадцать и вернется.

А Хилков-то чувствовал, что пахнет тут не пятнадцатью сутками! Соппротивление представителям власти — это уже не сутки, а годы. Да черт с ним, с Кошмариком! Пусть сидит! Но ведь он шел в «Звездные ночи», чтобы отдать Хилкову бланк техталона, купленный за сотню у одного пропившегося ханурика! Кошмарик брал техталон домой, чтобы вывести кислотой записи... А теперь он в отделении. Вместе со всей этой липой! У кого не возникнет вопрос: «А откуда у вас, дружочек, чистые бланки?» И что ответит на это Кошмарик?

Хилков давно ждал от судьбы какого-нибудь подвоха. Уж слишком везло ему в последнее время. С тех пор как «дернули» с отцом Федором первую машину, деньги так и повалили к нему.

Отец Федор был неумным стариканом. Он подгонял и подгонял, не давая передышки, словно торопил-

ся куда. Бывали случаи, когда Хилков с Кошмариком и Фелей Николаевым «брали» по машине в неделю! «Пока есть покупатели, трудись, Женя, трудись», — скалил свои редкие зубы в кривой усмешке Федор Борисович, когда Хилков жаловался ему, что с этими машинами и пить забросишь. Да и краткосрочные отпуска за свой счет, которые брал Хилков для перегона машин, в парке давали с неохотой. А отдавать перегон Феле и Кошмарику не очень-то хотелось. Как-никак лишние пятьсот рублей. А они на улице не валяются.

После первой машины Хилков устроил с друзьями хорошую гульбу в «Звездных ночах». Коньяк, шампанское заказывал ящиками. На все вопросы, откуда тугрики, шурился хитро и сваливал на карты. «Хороший банк сорвал, братцы». Да это и было правдой. В картишки он играл теперь частенько — с легкой руки отца Федора ему и здесь везло. Теперь Хилков всегда был при деньгах. И вот странное дело — раньше ему никогда не было жаль спустить с друзьями несколько сотен в ресторане, купить знакомой девчонке дорогой подарок, а сейчас, пересчитывая очередную выручку, он с неохотой откладывал в карман полсотню-сотню на расходы. И пересчитывал вынутые из тайничка деньги, прикидывал, сколько еще надо «дернуть» машин, чтобы образовалась ласкающая слух сумма. Сначала он думал о десяти, потом и о двадцати тысячах. «Если бы сразу не пускал на ветер, уже имел!» — корил он себя.

Отец Федор почувал перемену в Хилкове.

— Ты, Женя, не сберкнижку ли, часом, завел? — спросил однажды. И как он учуял? Уж с ним-то Хилков старался держать себя по-прежнему. Не скупился, не сквалыжничал. Помнил, кому обязан всем. И даже гроши, две тысячи с каждой машины, отдавал ему с легким сердцем. А ведь отец Федор сам не «дергал» машины — доставал техталоны, указывал адреса, сводил с покупателями... Рисковали-то Женя да Кошмарики с Фелей!

— Да какая там сберкнижка! — сказал тогда Хилков Федору Борисовичу. — Еще засветишься с ней... Дома надежнее. Да и грошей-то — два раза выпить с друзьями.

— Что-то не очень ты, Женя, друзей теперь угоща-

ешь, — усмехнулся отец Федор. — Может, сам решил лайтой обзавестись? Смотри, дернут ведь.

— Ну мою-то уж не дернут! — уверенно ответил Хилков и, словно спохватившись, добавил: — Да и не собираюсь я ничего покупать. А тугрики пусть лежат. Запас карман не тянет. Вот передышку дадите, Федор Борисович, уж гульнем!

Федор Борисович усмехнулся и сказал только:

— Смотри, Женя, жалеть алтына — отдать полтину.

7

Познакомился с отцом Федором Женя Хилков полтора года назад, в новогоднюю ночь. Феля Николаев, Женин сменщик, попросил заехать за ним домой в два часа ночи и отвезти к приятелю в гостиницу.

— Понимаешь, договорился с другом Новый год встретить, а жена на дыбы, — сказал Феля. — «Новый год, — говорит, — с семьей встречать полагается...» Такой мне выдала концерт. Вот я и хочу исхитриться — и дома побыть, и к другу успеть.

Женя Хилков заехал за Фелей на Обводный. Тот уже ждал около своего парадного. И не слишком пьяный. Хилков даже малость удивился — Фелю он знал давно.

В третьем часу ночи они были уже у гостиницы «Ленинград». Около подъезда толпился народ, слышалось нестройное пение, смех.

— Ну, дорогуша, выручил, — радостно сказал Феля, — за мной не пропадет. Еще раз тебя с наступившим... — Он вылез и пошел к гостинице, едва не столкнувшись со здоровенным бородатым стариком, подскочившим к машине. Старик был в красивой шубе нараспашку, с непокрытой головой. Хилков сначала подумал: иностранец. Но старик, распахнув дверцу, спросил его на чисто русском языке, совсем молодым, звонким голосом:

— Шеф, горькая нужна до зарезу! Много. И шампанское. Да ведь шампанское ты не возишь...

Хилков секунду помедлил, соображая: не промахнуться бы, потом сказал:

— Садись, папаша. Горькая тебе будет. Отъедем в переулок.

Старик уселся в машину, сиденье под ним охнуло. Хилков дал газ.

— Сколько тебе?

— Десяток наберешь?

Хилков присвистнул:

— Размах! Да осталось-то у меня четыре... Только предупреждаю — по шесть рублей. По случаю праздника. — Он свернул в переулок, остановил машину.

— Вот дьявол! — выругался бородач. — Что это — четыре. Слону дробина... Людям выпить надо! — Он махнул рукой. — Ладно, давай четыре. Вот тебе сотня, хоть из-под земли найди еще! Хорошо бы и шампанского... Ну да это не обязательно. А водка чтобы была... Привезешь, поднимешься на шестой этаж. Шестьсот тридцать шестой номер.

Хилков оторопело слушал бородатого, пряча в карман сторублевку и доставая из-под сиденья бутылки с водкой... «Ну и умелец, вот это напор», — думал он, даже и не пытаясь возразить, а только дивясь его властному тону.

— Все, что останется, — твое, — сказал бородач, когда они снова подъехали к гостинице. — Давай действуй...

Он легко выскочил из машины и на мгновение обернулся.

«На номер посмотрел», — отметил Хилков и, не выключая счетчика, дал газ... Водка была у него дома, а без шампанского обойдутся, решил он. Но когда ехал по Невскому, вспомнил, как однажды, тоже в праздник, завозил одного пассажира в темный двор у ресторана «Запад», и тот покупал шампанское у каких-то не то поваров, не то судомоек. Хилков заехал во двор и постучал в дверь черного хода. Долго не открывали, но потом вышел заросший щетиной мужчина в грязном халате и крикнул: «Чего надо?» Хилков испугался, что мужик набьет ему физиономию, но все оказалось просто — через десять минут у него было две бутылки шампанского.

Хилкову жалко было расставаться с деньгами — остаток от сотни шел ему в карман. А ведь на шампанское бородач и не надеялся. Но какое-то неясное предчувствие подсказывало Хилкову — не экономь, не жмись. Выиграешь больше. Этот дядя с бородой в долгу не останется. Вон как деньгами швыряет...

Было уже около четырех, когда Хилков снова подъехал к гостинице. Он поставил машину на набережной, подальше от подъезда, где прохаживался по свежему снежку милиционер. Бутылки были уложены в аэрофлотовскую сумку. Повесив ее на плечо, Хилков подошел к дверям. Стеклопакетные двери были заперты, он осторожно позвонил, немного пугаясь — а не выгнаны ли? Подошел сурового вида швейцар, долго возился с дверью. Открыв, спросил:

— Проживающий?

— Проживающий, — буркнул Хилков.

Дежурной на этаже не было видно, и он пошел сам искать номер. Бесшумно ступая по ковру, подумал: «До чего здорово гостиницу смастрячили. Богато». Ему и раньше приходилось здесь бывать, и он всегда поражался роскошной отделке, мраморным лестницам, мягким удобным креслам в холлах.

Он остановился перед дверью шестисот тридцать шестого номера и, прежде чем постучать, прислушался. Никаких признаков новогоднего веселья не было слышно. Хилков постучал, сначала тихонько, потом громче. За дверью было тихо. Он снова застучал, уже совсем громко. Подергал ручку. Внутри на миг послышался неясный гул, потом шаги. Дверь приотворилась. Высунулся бородатый. Он был без пиджака, в белой рубашке, ароматно попыхивал из большой прямой трубки. Хилков заметил, что он не такой уж старый, пожалуй, лет шестидесяти, не больше.

Бородатый обрадовался:

— А, это ты, шеф! Как успехи?

Хилков протянул ему сумку:

— Пять водки, две шампанского...

— У-у... да ты маг и волшебник! Подожди секунду, я тебе сумку принесу. — Он скрылся, чуть притворив за собою дверь. Теперь Хилков слышал отдаленный гул голосов, смех.

Бородатый сразу же вернулся, сунул Хилкову сумку и сказал:

— Там еще денежка. Ты когда сменяешься?

— В восемь утра, — сказал Хилков.

— Вот и отлично. К семи подъезжай, до дому подкинешь... Если на часок в парк опоздаешь, не смертельно?

— Не смертельно... — усмехнулся Хилков.

— Ну и ладненько, — подмигнул ему бородач. — Ты, я вижу, свой человек. Так к семи? — И он захлопнул за собой дверь.

Хилков спустился вниз по лестнице. Лифта ждать не стал. Шел и думал, сколько же отвалил бородач. «Наверное, не меньше четвертного. От той сотни-то у меня остались рожки да ножки... Водочку ведь я и так неплохо бы сбыл...» Только в машине он раскрыл сумку и вытащил... сторублевку. Радостно екнуло сердце. «Ш-ш-широкий мужчина, — с одобрением подумал Хилков. — Меньше сотенной монеты не знает». И дал газ, насвистывая веселый мотивчик.

До семи часов Хилков успел еще прилично подрабывать. Народ разъезжался из гостей по домам. Машины были нарасхват. На чаевые никто не скупился.

Без пяти семь Хилков снова подъехал к гостинице. Ждать пришлось довольно долго, и он задремал, положив руки на руль. Проснулся оттого, что по стеклу негромко, но нетерпеливо барабанили.

— Заждался, шеф? — сказал бородач, усаживаясь рядом. — Оно и верно, деткам бай-бай пора. Петушок пропел давно... С Новым годом, кстати! Подожди, подожди. А моих почтенных друзей ты не хочешь везти?..

Тут только Хилков увидел у машины еще двоих — крупного молодцеватого мужчину в шубе и совсем молодого, модно одетого юношу.

— Закурим, Федор Борисович? — сказал молодой, обращаясь к бородачу, когда они сели в машину.

— Можно, — ответил тот и небрежно бросил Хилкову: — К Варшавскому вокзалу, шеф!

«Ну и запах, — подумал Хилков, — наверное, какой-нибудь заграничный табак». Сказал:

— Табачок-то у вас — век бы нюхал.

Федор Борисович засмеялся. Смех у него был добродушный, довольный.

— Табачок что надо. Настоящий «кепстен». Не хочешь ли трубку завести, шеф? Тебе пошла бы.

— Ничего, и «Беломором» обойдусь, — смутился Хилков.

Когда ехали по Измайловскому проспекту, он спросил:

— К самому вокзалу?

Тот, который был одет в шубу, ответил ворчливо:
— К самому, к самому.

Вылезая из машины, он буркнул:

— До встречи!

— Звони, Василич! — как-то игриво крикнул ему Федор Борисович. Тот только рукой махнул.

— А теперь назад, на Пироговскую, — попросил пижонистый. И, засмеявшись, сказал: — Василич-то не в духе. Шибко не повезло ему сегодня...

Хилков заметил в зеркальце, что у сказавшего очень красивое лицо и крошечные усики. «Какого черта поехал? Сидел бы себе в гостинице и не вылезал. Вези теперь его обратно!» — выругал он мысленно пижона.

— Послушай, шеф, ты не знаешь, где машину достать? — обратился он к Хилкову. — «Волгу». Так, чтоб поновее? А?

— Да нет... — протянул Хилков. — У наших ребят если и есть у кого, то «Москвичишки» да «Запорожцы». Только у одного «Волга». Но он не продаст...

— Старая нам не нужна, — сказал пижон. — Нам поновее. За ценой бы не постояли...

— Ну так где же я ее возьму, «Волгу»-то? Разве что свою старушку вам предложить, — засмеялся Хилков. — Так ведь вам с шашечками не нужна...

— Эх, такой энергичный парень, а не знаешь, где машину достать, — с досадой сказал молодой. — Весь город у тебя как на ладони, везде ездишь. Всех знаешь! Смекай да на ус наматывай!

Хилков только покрутил головой.

У гостиницы пассажиры вышли из машины, и бородач попросил Хилкова подождать. Они прошлись несколько раз перед входом, о чем-то оживленно беседуя, потом Федор Борисович попрощался с молодым и снова сел в машину. Вдохнул с облегчением.

— Ну теперь давай на Ивановскую. Тебя как зовут-то, шеф?

— Женя, — ответил Хилков. — Евгений Степанович.

— Давай, Евгений Степанович, гони на Ивановскую. Надо и нам с тобой отдохнуть.

Некоторое время он молчал, а потом вдруг спросил:

— У тебя, Евгений Степанович, телефон дома есть?

— Есть. А что? — удивился Хилков.

— Да если когда понадобится. Ведь не откажешься?

— Нет, почему же... Я всегда готов с серьезными людьми работать, — сказал Хилков.

— А что насчет машины он трепался — ерунда все это, — сказал Федор Борисович. — Подпил немного, кровь горячая. Но денежный парень. Ему все равно, чья машина, откуда... Ни паспорт не нужен, ни техталон... Платит шесть тысяч — и концы. Шесть тысяч... — мечтательно протянул Федор Борисович. — Ну да ты о них не думай. Пустое это...

На Ивановской, у большого гастронома, бородач попросил остановиться, записал телефон Хилкова и, крепко тряхнув руку, распрощался. Разворачиваясь, Хилков мельком увидел, как Федор Борисович свернул в какой-то проулок.

Позвонил он через неделю. Хилков собирался на работу. Его смена опять была с восьми вечера. Он сразу узнал жизнерадостный басок бородача:

— Ты мне, шеф, завтра на весь день нужен. Сможешь?

Хилков подумал: «Договорюсь со сменщиком», — и ответил утвердительно. Они условились, что Хилков приедет к десяти на Ивановскую.

— Пойди у гастронома, — сказал Федор Борисович.

Полдня они колесили по городу. Начали с аэропорта. Встретили там одного из новогодних пассажиров, молодого с усиками, и отвезли в «Ленинград». Звали пассажира Георгием. На этот раз он не напоминал о машине. Был чем-то озабочен и все время вздыхал. Так вздыхал, что Федор Борисович наконец не выдержал и сказал с сердцем:

— Да брось ты вздыхать, парень, еще смерть не пришла! Все образуется.

Георгий прилетел с двумя огромными чемоданами, и Хилков помог ему их занести в вестибюль гостиницы.

Потом целый час Хилков ждал Федора Борисовича у валютного магазина в порту. Он знал, что в этом магазине продают на боны морфлота, и подумал: «Может, бородач торгаш? Из дальнего плавания вер-

нулся, а теперь кутит? А что — похоже. Вон какой крепыш. И весельчак. Они, торгошники, все такие. Жизнь у них красивая. Только не староват ли для флота?»

Федор Борисович вернулся из магазина с большим пакетом.

— Живем, шеф. Отоварился. И для души, и для желудка. — Он уселся на заднее сиденье, бережно разложив свои покупки. И всю дорогу до Ивановской придерживал их рукой. Остановиться попросил опять у гастронома. Один пакет протянул Хилкову.

— Это тебе, шеф, для первого знакомства. Нравишься ты мне, парень... Платочек жене подаришь.

Хилков взял пакетик. Он был тяжелый. Сказал:

— Спасибо, Федор Борисович. Только я холостяк.

— Ну тем более, девке подаришь, — словно обрадовался бородач. — Это еще интереснее. Подожди меня, — бросил он, вылезая. — Отнесу — обедать поедем...

Когда бородач ушел, Хилков развернул пакет. Там была большая прямоугольная бутылка с красивой наклейкой — бородатые воины в красных одеждах с алебардами, и маленькая, с простенькой желтой наклейкой. Хилкову уже попадались бутылки с воинами. Это был джин. А вот маленькую он держал в руках впервые. Кроме бутылок, был яркий платок в красивой обертке. «А это я Галке отвалю», — радостно подумал он. С Галкой Лавровой он познакомился недавно, но похоже было, что эта пышная блондиночка привязала его всерьез.

Обедали с бородачом на Московском вокзале, в шумном, чуть дымном, но с белоснежными скатертями ресторане. Федора Борисовича здесь знали. Молодой официант поклонился ему как старому знакомому и отвел за пустой столик в углу.

— Пить я буду один, — предупредил бородач официанта, — у моего друга язва... Не смотрите, что молодой и краснощекий. Так ведь, шеф? — спросил он у Хилкова.

Хилкову не понравился чересчур развязный тон бородача, но он смолчал.

А бородач диктовал официанту:

— Водочки триста, две бутылки боржоми... — Здесь официант хотел что-то сказать, наверное, что боржоми нет, но Федор Борисович предупредил его,

подняв руку: — Поищешь, поищешь... Икры черной... Севрюжку, огурчики-помидорчики. Миножек нет?

— Найдем, — коротко ответил официант.

Бородач продолжал диктовать. Хилков вставил робко:

— Да ведь мы вдвоем, Федор Борисович... Не съедем.

Тот только рукой махнул:

— Э-э! Стоит начать. Как в брюхе ни тесно, а все найдется свободное место. Так ведь, шеф?

Хилков пожал плечами. Ему все время хотелось узнать, кто же этот бородатый Федор Борисович — гуляющий моряк с торгового судна или так, пенсионер с деньгами. Сменщик Хилкова, работавший раньше таксистом в Мурманске, рассказывал немало о чудачествах некоторых пришедших из плавания моряков.

За обедом Хилков поскущел. На столе закуска ласкает глаз, и какая! Сосед принимает одну рюмку за другой, а тебе нельзя. За рулем. Не привык он так сидеть в ресторане. Думал, по-быстрому перекусят и снова куда-нибудь ехать. А Федор Борисович и не собирался уходить из ресторана до вечера. Все шуточки, прибаутки. А сам нет-нет да и уставится на Хилкова, словно прицеливается. Потом расспрашивать стал. Давно ли на машине, какой класс, сколько зарабатывает, чаевых сколько.

— Уж не собираетесь ли к нам в парк устраиваться? — спросил Хилков. — Шоферня нам всегда нужна.

— Ну нет, — захохотал бородач. — Меня и не возьмут. Инвалид войны. Контуженый.

«На таких контуженых кирпичи только возить, — подумал со злостью Хилков. — Пьет и не пьянеет».

— Да и платят у вас — не разбежишься... На два раза поужинать. Вот Георгий тебе предлагает — найди машину, за час платит столько, сколько в вашем парке за три года не заработаешь. Шесть тысяч! Я уже и сам думал, не подработать ли? Да еще успею. Пока деньжата есть...

Хилков исподтишка, незаметно тоже присматривался к Федору Борисовичу... Борода у него лопатой, редкая, некрасивая. Рыже-седая. Да и в редковатой шевелюре на голове было много седых волос. А глаза мо-

лодые, пронзительные. И никак не мог Хилков понять, шутит он или нет, говоря о машине. Шесть тысяч. Шестьдесят по-старому! И никаких налогов... Чистенькие шесть тыщенок. И на час работы. Да, наверное, вранье все. За час кто же такие деньги получает!

Весь обед Хилков хмурился, ел с неохотой. Будто каждый день у него на столе икра зернистая и севрюжка горячего копчения. Федор Борисович, казалось, не обращал на его хмурый вид никакого внимания. Ел и пил с удовольствием, рассказывал Хилкову про каких-то девчат. Хилков и слушал-то плохо. И на предложение бородача познакомить его с одной из них сказал только:

— И своих хватает.

Но когда после обеда они подъехали к Казанскому собору и в машину села высокая чернявая дивчина, знакомая бородача, Хилков только крикнул. Хороша была деваха. Федор Борисович пересел к ней на заднее сиденье и бросил коротко:

— К гостинице «Ленинград».

Будто и не знаком с Хилковым он, будто и не обещали они два часа вдвоем на Московском вокзале.

У гостиницы бородач помог девице выйти, протянул Хилкову полсотенную бумажку, сказал игриво:

— Чао!

Хилков сидел несколько минут в машине, огорченный, сжимая в кулаке деньги. «Что же бородатый, так и ушел? И ничего не сказал, когда в следующий раз понадобится машина?» В первый момент у Хилкова было даже желание догнать его и спросить об этом. Так ведь все хорошо началось — и подарок сделал, и пообедали вместе. Даже с девчонками хотел познакомиться! Значит, не думал сегодня точку ставить... И нате! Может, не понравилось что?

Вечером, у себя дома, Хилков долго не мог уснуть. И все думал с огорчением, что недолго пришлось ему поездить с бородатым.

И в последующие дни Хилков частенько вспоминал бородатого. Едет по городу, и вдруг мелькнет знакомое лицо. Притормозит. Нет, не он, хоть и бородатый. И шесть тысяч вспоминал. Особенно когда в утреннюю смену идти. На улице темно, холодно! Ни вставать, ни вылезать из дому неохота. «Были бы деньги, — думал в такие минуты Хилков, — плюнул бы на все. И рабо-

ту другую себе нашел бы. Шубу купил бы такую, как у бородатого. В ней в любой мороз на улицу выходить не страшно».

Но бородатый все-таки позвонил. Тогда, когда Хилков потерял уже всякую надежду. Ровно через месяц.

Хилков не мог скрыть своей радости.

— Федор Борисович! Что-то давненько не звонили! Поработать? Всегда готов! Как пионер. Да я поменяюсь...

Хилков на следующий день поменялся со сменщиком и вышел с восьми вечера. Весь день с утра падал мелкий густой снег. В двенадцать подъехал к гостинице «Ленинград», поставил машину в переулочке и поднялся на шестой этаж. На этот раз бородатый пригласил его в номер. Номер был двухкомнатный. Во второй комнате за низеньким полированным столиком шла игра в карты. На узком пристенном комодике и даже на полу стояли бутылки с водкой, шампанское, тарелки с колбасой и сыром. Хотя окно было приоткрыто, в комнате чадно от дыма.

Играли четверо. Трое довольно пожилых и один молодой парень с красивыми пшеничными усами. Все были без пиджаков, в белых расстегнутых рубашках. На Хилкова никто не обратил внимания. Играли сосредоточенно, лишь изредка перекидываясь отрывистыми возгласами. Денег на банке было много. Хилков успел заметить, что бумажки все крупные. Десятки, четвертные.

Федор Борисович усадил Хилкова в мягкое крутящееся кресло с высокой спинкой, поставил на колени тарелку с бутербродами, открыл бутылку боржоми: «Заправляйся», — а себе налил фужер водки.

Выигрывал все время крупный, осанистый мужчина. Хилков заметил, что лицо у него покрылось мелкими бисеринками пота. Но мужчина не обращал на это внимания — сосредоточенно метал, так же сосредоточенно, с бесстрастным выражением лица подгребал толстой рукой к себе деньги. Присмотревшись, Хилков узнал в нем того мужчину, которого они завозили в новогоднее утро на Варшавский вокзал.

Вскоре молодой парень ушел, кисло кивнув на прощание. Сел играть Федор Борисович.

Хилков чувствовал себя неудобно. От табачного дыма резало глаза. Ему хотелось спать, а приходилось

сидеть без дела. «Если надо будет ехать, то сказал бы, к какому часу, я бы подъехал, — думал он. — А то сижу здесь без дела. Мог бы и поработать пока...» Но спросить боялся — может быть, эти мужчины и не знают, что он шофер?

— Евгений Степанович, — вдруг сказал бородач. — Ты не хочешь метнуть? Новичкам-то обычно везет. Давай присаживайся! Мы по червонцу ставим.

«А, была не была», — решил Хилков. Деньги у него были. И такой вдруг азарт им овладел! Вот жаль, что выпить нельзя.

Ему и вправду повезло. За какие-то полчаса он выиграл четыреста рублей и готов был играть еще, но Федор Борисович встал и сказал:

— Нам пора, Евгений Степанович. Я думаю, партнеры отпустят нас с выигрышем...

— Ну с таким-то выигрышем отпустим... — засмеялся толстяк. И повторил: — С таким-то отпустим...

«Вот, черт, повезло, вот повезло! — думал Хилков, спускаясь по лестнице и лихорадочно прикидывая, сколько же у него теперь денег. — Это же надо, такие деньги за полчаса взять...» И в машине, за рулем, его не покидало радостное возбуждение. Всматриваясь в снежную заверть, рассекаемую фарами, он чувствовал такой прилив энергии, что хотелось запеть. И, не сиди рядом Федор Борисович, наверняка запел бы. Но постеснялся. Не хотелось казаться мальчишкой.

Они ехали на улицу Типанова.

— Надо кое-что Георгию передать, — сказал Федор Борисович. — Он завтра уезжать собирается рано.

«Почему на Типанова? — удивился Хилков. — Ведь Георгий всегда в гостинице останавливается? И разве мы не в его номере играли?» Но спрашивать не стал.

Город спал. В домах лишь кое-где светились, словно маяки, отдельные окна. На улице Типанова бородач показал, куда свернуть. Хилков проехал между домами, едва не задев мусорные бачки. Вдруг из-за угла дома выскочила полузаметенная снегом фигура. Человек махнул им рукой.

— Притормози, — попросил Федор Борисович. — Никак это Георгий?

Хилков остановил машину, выключил фары. Человек подошел к машине, открыл дверцу. Сказал:

— Отец Федор, я так и думал, что это вы! — Это был Георгий. — Позвонила, понимаешь, Лидка. В гости приглашает. Ну как откажешь такой девочке! Брата предупредил, чтоб вас ждал, а сам ехать решил на его моторе. Да что-то не заводится. Видать, мотор промерз. Может, дернете?

— Как, шеф? — спросил у Хилкова Федор Борисович. — Дернем?

— А чего ж не дернуть, — весело сказал Хилков. — Только, может, я сам посмотрю? Заведу?

— Э-э! Пустое! — махнул рукой Георгий. — Я уж полчаса с ней вожусь. Давай разворачивайся и по-давай задом. Трос у меня есть.

Хилков быстро развернулся, осторожно подал машину к занесенной снегом «Волге». Подумал: «Чегой-то снег не сметет?»

Георгий быстро накинул трос, очистил шапкой ветровое стекло, сел в кабину и махнул рукой. Хилков включил первую скорость, легонько выжал сцепление. «Волга» подавалась туго. Они осторожно обогнули дом и выехали на проспект.

— Чего-то не заводится, — заволновался Хилков. — Надо узнать.

— Да чего узнавать? — отрывисто бросил бородач, взглядываясь в снежную пелену. — Сейчас давай до разворота и к парку. По дороге и заведется.

Так они проехали минут десять, потом Федор Борисович скомандовал:

— Направо, опять направо.

Асфальт кончился. Они ехали по какому-то пустырю. «Это же зады парка, — сообразил Хилков. — Куда нас несет нелегкая?»

— Стой! — наконец сказал Федор Борисович. — Ну его к черту. Пусть сам заводит.

Он вылез из машины, отцепил трос и подошел к Георгию, тоже вышедшему из «Волги». Несколько минут они постояли рядом, потом распрощались, и Федор Борисович снова залез в машину Хилкова.

— Ну и погодка, шеф, а?

— Что он, здесь куковать остался? — спросил Хилков весело. — Может, все же подсобить ему?

— Сам пусть теперь разбирается, — проворковал бородач. — Поехали-ка на Ивановскую.

А на Ивановской, когда Хилков, как всегда, оста-

новил такси у гастронома, Федор Борисович вынул из кармана пачку денег и протянул ему.

— Держи, шеф. Ровно две тысячи. Можешь не считать. Твоя доля. Втроем работали, все поровну. А мог бы один шесть взять.

Хилкову стало вдруг жарко. Он почувствовал слабость и только тихо спросил:

— Эта машина чужая была? Не Георгия?

— Теперь его, — засмеялся бородач. — Видишь, и делов-то. Ты даже испугаться не успел. Держи деньги.

Хилков взял пачку и, с трудом приходя в себя, засмеялся нервным смехом:

— Ну и ловко! Р-р-раз, и в дамки! Раз, и в дамки! Да ведь это же, ведь это же... — Он не нашелся что сказать, а Федор Борисович, положив ему тяжелую руку на плечо, зашептал, дыша водочным перегаром: — Я на тебя надеялся, Женья... Надеялся. Будешь со мной, не пропадешь. Ты меня понял? Понял, Женья? Только не дури с деньгами. Не пей с кем попало. Захочешь красиво время провести — мне позвони. Я тебе и телефончик свой скажу. Запомни. Шестьсот тридцать один двести, Женья. Запомни. Но боже тебя упаси этот номер записывать. Понял? И о том, что мы с тобой незнакомы, ты тоже догадываешься? Да, Женья? Ты парень смысленный. Недаром мне тебя Феля Николаев, твой сменщик, рекомендовал. Говорил — на Жеку Хилкова можете как на меня положиться...

— Феля Николаев? — удивленно переспросил Хилков. — Феля? Да как же это? Откуда он-то?

— Феля, Феля! Он тебя рекомендовал. Старый мой кирюха. А ты что думаешь, случайно я к тебе в новогоднюю ночь подсел? Когда Фелю ты в гостиницу привез? Ха-ха... Как бы не так!

Хилков вдруг вспомнил новогоднюю ночь, гостиницу, Фелю, столкнувшегося с бородачом в распахнутой шубе... Вспомнил он и то, как Феля последнее время был сговорчив. Когда бы Хилков ни попросил его поменяться, он тут же соглашался. А Хилков-то думал, что это в благодарность за новогоднюю услугу.

— Что, удивляешься, салага? Ничего, теперь нас с тобой, кирюха, водой не разольешь. Давай лапу, Женья. Звонка жди. А время провести захочешь — звони.

Он вылез из машины и пропал в снежной заверти.

Когда Хилков приехал в парк, диспетчер посмотрел на него подозрительно и спросил:

— Ты что, Женья, выпил?

— Да что вы, Александр Захарыч... — обиженно протянул Хилков. — И пробку не понюхал. Вы ж меня знаете...

Диспетчер покачал головой.

— Да и то верно, вроде никогда за тобой этого не замечалось. А сегодня уж больно глаза шалят. Я вот и решил.

И вот теперь эта история с Кошмариком. Как он ведет себя на следствии? Не продал ли? Может, и правда следят уже за ним, за Хилковым? И эта «скорая» неспроста приезжала в то место, где машину «брали». Да нет, Кошмарик хоть и алкаш, но парень крепкий, не выдаст. А с техталоном наплетет что-нибудь. Да, может, он, пока вели в отделение, по дороге выбросил его? Или в КПЗ на мелкие кусочки порвал да в сортир отправил. Не сразу же его обыскивать стали!

8

— Игорь Васильевич, а как вы в милицию попали? — спросил Власов в свой очередной визит на Литейный, четыре. Он ходил туда почти каждый день.

Корнилов неопределенно хмыкнул и пожал плечами.

— Да как-то так получилось...

— Как-то так получилось, — повторил Власов и улыбнулся. — Очень доходчиво...

И подумал: «Если бы я не знал, что Корнилов талантливый сыщик, ни за что бы не поверил! Уж больно он нервный... Незащищенный какой-то».

Власову казалось, что работник уголовного розыска должен быть вдумчивым, трезвым аналитиком, спокойным, сосредоточенным. А этот всегда насторожен, обидчив...

— Вы все подсмеиваетесь надо мной, — сказал Корнилов, — а зря. Ну что я вам скажу, ей-богу! Врать не хочется, а правды я и сам не знаю. Попал и попал. — Он нахмурился недовольно и сразу стал похож на большого, незаслуженно обиженного мальчишку.

— Да ведь вы мне обещали, — упрекнул Власов. — А теперь на попятный.

— Да ничего я не обещал, — проворчал Игорь Васильевич. — Не обещал я! Неужели я такой осел, что мог обещать невыполнимое?

Власов успокаивающе поднял руку:

— Замнем для ясности. Будем считать, что мне обещал об этом рассказать кто-то другой... Наверное, Белянчиков.

Корнилов посмотрел на Константина Николаевича с упреком и грустью, покачал головой, словно хотел сказать: ну зачем же так?

С минуту они молчали. Потом Корнилов вдруг улыбнулся и сказал:

— Я вообще-то сначала пошел на завод, Константин Николаевич. Так получилось. Поступал после седьмого класса в механический техникум. Поступил и даже год отучился. Потом производственная практика. На станкостроительном имени Свердлова... Надо было сдавать пробу на четвертый разряд. Плоскогубцы сделать. Чуть ли не неделю дали на них. И сказали — кто когда сделает, тогда и в отпуск пойдет. Ну ребята-то все неумехи по этой части. Валандались с плоскогубцами страсть как долго. Кто запорет, кто себе пальчик ушибет. А я уже кое-что умел. Дома от отца небольшой верстачок остался. И первоклассный инструментарий. Отец у меня водолазом был. Эпроновец. Сейчас как-то про них и не слышно, а до войны про водолазов чуть ли не как про летчиков слава шла. Мне мать рассказывала. Ну а что такое водолаз? Такой же рабочий. Да отец и был рабочим. И любил с металлом баловаться. Вот я и пристрастился. Правда, начал с поджигалки... Хорошее начало? Каюсь. Но сделал ее здорово...

Ну и когда на заводе плоскогубцы надо было делать, то я за пару часов такое изобрел, что мастер их сразу в карман сунул и ушел. Я подумал — пошел оформлять мне бумагу на разряд. Чувствую, вещичку неплохую сварганил... Потом подошел ко мне один дед. В кепочке замасленной такой, шея тонкая, как у индюка, кадыкастая. Вынул мои плоскогубцы из кармана и буркнул:

— Ты сделал?

Я даже испугался. Неужто напортачил? Кивнул

головой, словно язык проглотил. Дед меня своей тощей лапой за рукав зацепил, как клещами, и повел за собой. Приволок на слесарный участок. Подвел к верстаку. Показывает мне деталь. Я уж сейчас и не помню, что это такое было. Перепугался очень.

— Можешь сделать? — спрашивает. Я повертел в руках.

— Могу, — говорю.

Показал мне дед инструмент. Штангенциркуль дал, а чертежей никаких. А сам ушел.

Сколько я бился с этой штуковиной — не помню. Только когда дед пришел, она уже готова была. Посмотрел он, прямо обнюхал всю, только что не лизнул. Сказал:

— На три с минусом.

Обиделся я — страсть. А дед мне и говорит:

— Есть у тебя, парень, к металлу чутье. Иди к нам на завод. Буду из тебя человека делать.

Я ему толкую — в техникуме учусь. На каникулы тороплюсь ехать, рыбу ловить, а дед только рукой махнул: «Знаем мы эти техникумы!»

Пригласил меня к себе начальник цеха. Объяснил, что дед этот вовсе и не дед, а лучший заводской слесарь Григорий Дормидонтович Сайкин. Король слесарей. «И уж раз решил тебя в ученики взять, — говорит, — значит, большие надежды возлагает...»

«Какие надежды, — говорю, — когда три с минусом поставил!» Мальчишка я еще совсем был... Начальник цеха посмеялся и уговорил-таки меня...

А все дело решила все-таки тройка с минусом. Обиделся я очень за нее. Подумал — я вам докажу! Честно говоря, на заводской практике мне очень интересно было, — продолжал Корнилов. — Смешно, а даже запах на слесарном участке нравился. Ну а потом, когда видишь, что у тебя что-то получается и товарищи, у которых на контрольной ты иногда примеры списывал, бегут к тебе по каждому пустяку и просят объяснить, как кронциркулем пользоваться, какое сверло ставить, а сверла у них одно за другим ломаются, это тоже что-нибудь да значит для парня, которому шестнадцать лет...

Проработал я на заводе три года. И все с Сайкиным. Ох старик и въедливый был! Но за эти три года сделал из меня человека. И слесаря шестого разряда.

Это в девятнадцать-то лет! Вот так-то, Константин Николаевич! Если мы «Волгу» вашу отыщем и ремонт какой потребуется, вы ко мне обращайтесь. Я чинить-то их лучше, чем искать, могу. Правда! Не сомневайтесь.

— Обращусь, обращусь, — нетерпеливо сказал Власов. — Только вы на мой вопрос не ответили.

— Ну, Константин Николаевич, какой вы, право...

— Занудный! — усмехнулся Власов.

— Во-во! Неужели все журналисты такие дотошные? Я тут с три короба наговорил, а вам все мало. Вот вы мне дайте срок... Ну с недельку. Подумаю, поразмыслю — зачем это мне понадобилось в уголовный розыск идти — и вам расскажу. — Он посмотрел на часы. — Ну что? Может, на сегодня хватит? Не пора ли по домам?

— Игорь Васильевич, а не поужинать ли нам вместе? — предложил Власов.

— А действительно, почему бы и не поужинать? — согласился Корнилов.

Они вышли на Литейный, остановились в раздумье: куда идти?

— Может быть, поедem ко мне домой? — спросил Игорь Васильевич. — Совсем недалеко, на Петровскую набережную. Только я сейчас на холостяцком режиме. Пока с уголовниками вожусь, дома почти не бываю, а мама у меня болеет.

— Давайте-ка пойдem лучше в «Ленинград»! Зачем вашу маму беспокоить. Кормят там прилично. Вы же знаете, я живу в «Ленинграде», — предложил Власов.

— В «Ленинград»? — с сомнением покачал головой Корнилов. — Что-то мне не очень туда хочется. А вам?

— Пойдемте, пойдемте, я есть хочу.

В ресторане народу было немного. Лишь недалеко от столика, куда сели Власов и Корнилов, ужинала большая шумная компания. Видно, отмечалась какая-то торжественная дата. Скорее всего день рождения, потому что все встававшие с рюмками обращались к сидевшему во главе стола молодому, рано располневшему мужчине, а он церемонно раскланивался и улыбался еле заметной снисходительной улыбочкой, словно он знал что-то такое, о чем никто другой и не дога-

дывался. Пока Власов изучал меню, Корнилов исподволь, незаметно разглядывал компанию, удивлялся, что все собравшиеся за столом, еще молодые люди, как-то слишком рано располнели, огрузнели. У некоторых были глубокие залысины, седина. Два или три — с бородами. Красивая седина, но слишком ранняя...

— С чего бы это они такие лысые? — спросил Игорь Васильевич Власова с некоторым даже сочувствием и показал глазами на компанию.

Власов оглядел их рассеянно, махнул рукой:

— Время нынче не в пример прошлому, рано сесть заставляет... У каждого свои проблемы... — и снова уткнулся в меню.

Подошла наконец официантка. Спросила:

— А вы только вдвоем или кого-то еще ждете?

— Только вдвоем, — ответил Корнилов.

Она раскрыла засаленный блокнот. Приготовилась записывать.

Власов повернулся к Корнилову. Спросил:

— Ваши пожелания, маэстро.

— Давайте, давайте... Я не привередлив. Не заказывайте только осьминогов.

— А что, мне, например, нравятся, — ответил Власов.

— У нас осьминогов нет, — строго сказала официантка.

Она принесла закуски, коньяк. Власов разлил, подвинул Корнилову тарелку с бело-розовой семгой, а Игорь Васильевич все приглядывался и приглядывался к шумным соседям, стараясь понять, что это за люди собрались за праздничным столом. Все они, несомненно, были преуспевающими — об этом говорила и одежда, и богатые туалеты женщин, и дорогие украшения, и, конечно, больше всего манера держать себя — свободная, самоуверенная, но без тени бравады, и, пожалуй, несмотря на шумные выкрики и болтовню, какая-то печать пресыщенности на лицах, даже скуки... Все были приблизительно одного возраста — от тридцати пяти до сорока. И один мальчишка лет пятнадцати.

По мере того как молоденький официант уносил со стола пустые бутылки и приносил новые, шум за соседним столом становился все громче и громче. Теперь уже слышны были обрывки пьяных разговоров.

«Блестящая вещь... Старик на высоте... Эта история с китайками...» Смех. Понимающий, снисходительный, чуть завистливый. «Бросьте вы классиков.. Обернитесь на Андрюшу!» Снова смех. «За Андрея, за Андрея! Тост за Андрея!» Судя по тому, как самодовольно заулыбался сидящий за председательским местом, он и был Андреем.

— Что, понравились вам эти шумные молодые люди? — Власов легонько постучал ножом по фужеру.

— Да нет... просто уж больно они гладенькие, — сказал Игорь Васильевич. — Черт с ними! Не будем отвлекаться...

— Игорь Васильевич, — начал Власов чуть торжественно. — Судьба свела меня с вами... Счастливый случай — кража моей машины...

— Ну вот, опять... Издеваетесь вы надо мной, что ли? — недовольно произнес Корнилов. — «Счастливый случай!» Да мне из-за таких случаев впору в отставку подавать!

— И почему вы такой мнительный? — воскликнул Власов. — Вы обижаетесь без всякого повода... Ну да ладно, кончаю. Игорь Васильевич, я очень рад, очень рад, что с вами познакомился. И, надеюсь, мы будем друзьями. За дружбу?

— За дружбу! — улыбнулся Корнилов.

Они сидели в ресторане довольно долго. Корнилов рассказал Константину Николаевичу о том, как ездил на Валаам за матерью. Рассказал про встречу с безногим Алексеем.

— Этому парню надо помочь... Обязательно. Я все время чувствую свою вину.

— Ну вы-то при чем?

— Да знаете... Сейчас думаю, может, надо было тогда все решать по-иному. Тогда помочь.

— Да решали-то не вы, а суд? — запротестовал Власов.

— Верно. А вы что, думаете, уголовный розыск не помогает людям на ноги становиться?

Но и за разговорами Корнилов нет-нет да и поглядывал на шумную компанию. Бесцеремонность этих людей раздражала его.

Один из бородатых вдруг вскочил с бокалом в руке. Начало фразы потонуло в гуле голосов: «...поэтому, дорогой наш Андрей Андреевич, мы и пьем за тебя.

Андрюшка, сволочь...» Бородатый обнял одной рукой Андрея, стал целовать, расплескивая водку.

«На мосту стоял прохожий...» — запел бородатый. А дальше последовала такая похабщина, что Корнилов только ахнул: «Ну сейчас заработает он оплеуху. Женщины дадут ему звону...» Но ничего не случилось. Заключительные слова куплета потонули в веселом гоготе. Смеялись все — и мужчины и женщины...

— Черт знает что такое! — взорвался Игорь Васильевич и, прежде чем Власов успел что-либо сообразить, встал из-за стола и подошел к разгулявшимся.

— Товарищи! — голос его прозвучал резко, словно хлопнул выстрел. Власов заметил, как напряглись у Корнилова желваки на щеках. Сидевшие за столом примолкли, с интересом уставившись на Игоря Васильевича, а тот, которого все называли Андреем, негромко, но так, что все услышали, даже сидевшие за соседними столиками, сказал:

— Верочка, этот дылда пришел выпить с тобой на брудершафт...

— Как вам не стыдно так вести себя! — Корнилов посмотрел на Андрея и покачал головой. — Если вы не стесняйтесь женщин, которые пришли с вами, то постесняйтесь соседей... Ведь с вами ребенок!

Его слова о ребенке вызвали взрыв хохота.

Миловидная девушка, сидевшая рядом с Андреем, потянулась к Корнилову с рюмкой, расплескивая водку и весело крича:

— Так их, нахалов. Выпьемте с нами, товарищ проповедник!

Все загалдели, кто предлагал Корнилову присоединиться, кто спеть вместе. Только Андрей смотрел на него молча, с презрительной ухмылкой.

Власов встал и подошел к Корнилову.

— Бросьте, Игорь Васильевич, этим... — он хотел сказать «свиньям», но сдержался, — этим пьяным хамам словами ничего не докажешь...

— Но, но! — рванулся со стула парень с бородкой. — Я тебе сейчас за хамов так врежу... — Его соседка, наверное жена, дико взвизгнув, повисла у него на шее.

Корнилов отстранил Константина Николаевича, пытавшегося взять его под руку, и, подойдя к столу вплотную, сказал негромко:

— Если вы еще раз запоете свои хамские песенки, вам придется покинуть ресторан...

— А если сами не уберетесь, мы вышвырнем вас! — крикнул кто-то из-за соседнего столика. Там сидела компания флотских офицеров.

Корнилов и Власов вернулись за свой столик.

— А вы заводитесь быстро, — усмехнулся Власов. — С полоборота...

— Да нет, — отмахнулся Корнилов. — Я человек спокойный, но ведь что ж это такое? Разве можно терпеть?

Они помолчали немного. За большим столом притихли. Не слышалось ни частушек, ни громких выкриков.

— Вам много приходилось стрелять? — спросил Константин Николаевич. — В людей... При поимке бандитов, например?

— Один раз... Было дело такое.

— Всего один? — удивился Власов. — Вы ведь уже пятнадцать лет в уголовном розыске..

— Шестнадцать, — поправил Игорь Васильевич. — Ну так что ж, обязательно стрелять? Ведь даже уголовник поймет, что ему деться некуда, да если еще рассказать ему об этом толково. Доходчиво. — Он засмеялся. — А стрелял я действительно только раз. Брала мы в пятьдесят седьмом году «малину» в Рыбацком. Вижу, один целится в милиционера, а я стоял далеко, не дотянуться. Выстрелил ему в руку... А вам, журналистам, погони давай, стрельбу, отпечатки пальцев. Сами убедились, что я больше за столом схемки рисую, пока автомобиль ваш ищут.

На набережной стояла тишина. Шурша, проносились редкие машины. Корнилов с удовольствием вдохнул свежего воздуха.

— Не люблю я ходить по ресторанам. Особенно вечером. Духота, галдеж. Сядет рядом такая вот шайка-лейка — на неделю тебе настроение испортит.

Они прошли по набережной до моста Строителей.

— Ну что ж, — сказал Корнилов, — пора спать. Завтра звоните. Может, чего интересного будет.

Вернувшись в гостиницу, Власов не стал подниматься к себе в номер, а пошел позвонить жене. В ле-

вом крыле вестибюля имелись междугородные телефоны-автоматы. Один из автоматов не работал, по другому разговаривал какой-то мужчина. Власов сел в кресло, закурил. Здесь, в этой части гостиницы, было тихо и пустынно. Киоски, торгующие сувенирами и газетами, давно закрылись, не толпился народ у стойки бюро обслуживания. Лишь на низеньком диванчике сидели две молоденькие девушки в одинаковых клетчатых юбочках и белых блузках. «Наверное, из Штатов», — подумал Константин Николаевич, прислушиваясь к их разговору. Выговор у девушек был явно американский — более жесткий и отрывистый, чем у англичан, и Власов лишь разбирал отдельные фразы, хотя английский знал неплохо. Разговор у них шел о какой-то Катюше, очень милой и обаятельной. Похоже, что Катюша была их гидом и девушки были у нее в гостях...

Мужчина все говорил и говорил по телефону, автомат тихо отщелкивал, проглатывая пятиалтынные. «Ничего себе, запасаю товарищ монетами», — подивился Власов и вдруг поймал себя на том, что приглушенный голос говорившего ему знаком. Вкрадчивый, медовый. «Да ведь это Валерий Фомич — администратор из Дворца культуры...» — Константин Николаевич посмотрел на атлетическую спину мужчины. Ему было явно тесно под плексигласовым колпаком, накрывавшим автомат.

«Ну и скользкий тип... — подумал Власов, вспомнив Милочку и непонятный разговор с ней. — Чего этот детина тогда меня испугался?..»

Валерий Фомич вдруг обернулся, словно почувствовав, что за ним наблюдают, и Власов увидел испуг на его лице. Константин Николаевич отвел глаза, ему совсем не хотелось ни здороваться, ни разговаривать с Валерием Фомичом. Администратор оборвал себя на полуслове и бросил трубку на рычажок.

«Только бы не подошел», — едва успел Константин Николаевич подумать это, как услышал шаги, и Валерий Фомич грузно опустился в кресло напротив Власова. Лицо у него было какое-то потерянное, жалкое, совсем не гармонирующее с его импозантной внешностью любимца судьбы. Он сидел молча, пристально и зверовато глядя на Власова, и Константину Николаевичу показалось, что администратор пьян.

Молчание затягивалось. Власов сказал хмуро, раздражаясь оттого, что придется все-таки разговаривать с этим человеком:

— Здравствуйте, Валерий Фомич!

— Что вы все время ходите за мной? — не ответив на приветствие, хрипло спросил Валерий Фомич. — Решили сажать — сажайте! А то все следите и следите... Затравить хотите?! — Последние слова он выкрикнул так громко, что сам испугался. Молодые американки с любопытством посмотрели в их сторону.

«Ну и ну, — подивился Власов, настораживаясь, — тут непростой какой-то узелок... Что он, меня за оперативного работника принимает? И Мила ведь сказала: «Сразу видно, что милиционер». — Константин Николаевич растерялся и лихорадочно соображал, как же ему поступить. Сказать, что он не тот, за кого его принимают? Но ведь этот жох недаром психует! Видать, прилично нашкодил.

— Даже не скрываете свою слезку, — уже потише, но таким же хриплым голосом продолжал Валерий Фомич. — В открытую за мной ходите. И эта ревизия во дворце — ваших рук дело... Что же вы меня травите, что же травите? — вдруг всхлипнул он. — Брали бы сразу.

Власов наконец вспомнил, где он видел администратора впервые. Ну конечно же, при выходе из управления, от Корнилова. Когда Власов подошел к дверям, часовой проверял документы у большого красивого мужчины. Такая приметная фигура — и как он сразу не вспомнил! Так, значит, им уже занимается милиция... «Ну что ж, — внутренне усмехнулся Константин Николаевич. — Задал я вам, Валерий Фомич, задачку!»

— Что ж вы молчите? — почти шепотом спросил администратор. — Когда это все кончится? Я понял, что вы за меня взялись, еще у вашего Корнилова. И потом, когда вы шли за мной с Литейного...

— Валерий Фомич, «ходить бывает склизко по камешкам иным...» Вы, наверное, знаете, что чисто-сердечное признание суд может посчитать смягчающим вину обстоятельством? — спросил Власов.

Администратор как-то странно дернулся, словно его свело судорогой.

— Завтра утром приходите в управление, на Ли-

тейный, четыре. В четыреста двенадцатую комнату. Пропуск вам будет заказан...

Валерий Фомич обреченно вздохнул, вынул из кармана белоснежный платок и медленно вытер им лоб. Лицо у него перекошило от страха. Он только прошептал:

— Ну вот... — поднялся и пошел к выходу.

«Ну и дела! — усмехнулся Константин Николаевич. — Пуганая ворона и куста боится!» Он не стал звонить жене в Москву, а поднялся к себе в номер и позвонил Корнилову.

— Валерий Фомич Морозов? — переспросил тот, выслушав Власова. — По нему давно тюрьма плачет. Хоть и проходит он у нас пострадавшим...

— Пострадавшим? — удивился Константин Николаевич.

— Ну да! У него ведь тоже «Волгу» украли!

Власов рассмеялся.

— Бывают же совпадения! Решил, что я за ним слежу... А оказывается, мы с ним «коллеги»!

— С вашим коллегой мы завтра разберемся, — мрачно сказал Корнилов. — Сам не придет — попросим. Я почему на него внимание обратил — живет шикарно! Явно не по средствам. Между прочим, просил я и ребят из ОБХСС пригласиться к этому хлыщу...

Когда утром на следующий день Власов пришел в управление, около кабинета Корнилова уже расхаживал Валерий Фомич. Он подобострастно поклонился Власову, еле слышно прошептал: «Здравствуйте».

— Ну так что, допекли бедного администратора? — сказал, улыбаясь, Корнилов, когда Константин Николаевич вошел к нему в кабинет. — Он к нам спозаранку прибежал... Правда, без чемоданчика.

— Сам он себя допек... — ответил Власов. — Ушлый дядечка. Умелец. Девицу хотел мне подсунуть. Подловить. Не умер бы он с досады, когда узнает, что я не тот, за кого меня принял...

— Не умрет. Да мы ему пока и говорить не будем. Пусть себе думает что хочет. Ну что ж, побеседуем с Валерием Фомичом? — Корнилов вызвал секретаршу. — Пригласите гражданина Морозова.

Валерий Фомич вошел, щурясь от яркого солнечного света, и осторожно сел на предложенный Корни-

ловым стул. С минуту все молчали, потом Валерий Фомич тихо спросил:

— Товарищ Корнилов, я ведь сам пришел... С повинной, — сказал и оглянулся на Власова.

— Ну что ж, гражданин Морозов, — ответил Игорь Васильевич и нажал клавиш магнитофона, — пришли, так рассказывайте. Лучше поздно, чем никогда...

— Но вы расцениваете мой приход как явку с повинной? — с надеждой спросил Морозов.

Власов понял: администратор очень боится, что ему скажут — какая же это явка с повинной, когда вас уже арестовать со дня на день собирались...

— Расцениваем, расцениваем, — сказал Корнилов. — Но учтите, многое зависит от того, насколько полно и чистосердечно вы расскажете о своем преступлении.

Валерий Фомич жалко улыбнулся.

— Повинную голову и меч не сечет...

— Вы что, торговаться к нам пришли? — рассердился Игорь Васильевич.

— Я, собственно, не знаю, с чего и начать... — тусклым голосом заговорил администратор. — В позапрошлом году на стадионе проводилось эстрадное представление «Живые шахматы», — решившись наконец, тихо начал он. — Меня попросили помочь... — Он поднял голову. Посмотрел на Корнилова.

— Рассказывайте, рассказывайте, — ободрил его Игорь Васильевич.

— Собственно, я взял очередной отпуск и оформился администратором на этом представлении. Его повторяли трижды. Времени на подготовку мало, театральные кассы отказались билеты распространять. Тогда я пригласил студентов. Из шахматной секции медицинского института. Сказал, что это дело важное. Пропаганда шахмат, и все пошло быстро...

— На общественных началах студенты билеттики распространяли? — не то уточнил, не то спросил Корнилов.

Валерий Фомич потупился.

— Да, на общественных началах. Я только в ресторан их сводил. Заплатил по счету двести тридцать рублей. Это можно проверить. Они подтвердят. — Он вздохнул глубоко, словно перед прыжком в холодную

воду. — Им причиталась зарплата. Пять процентов от общей выручки... За три представления больше десяти тысяч. Десять тысяч девятьсот. Ведомости на каждого я не составлял. Отчитывался расписками. Будто бы от имени председателя шахматной секции...

— Кому вы сдавали эти расписки? — быстро спросил Корнилов.

— В бухгалтерию городского шахматного клуба...

— И в прошлом году вы проводили эти игры?

— Да. Но только одно представление. Билеты распространяли студенты пединститута. Я заработал четыре тысячи. И еще на разнице в стоимости билетов четыре...

Власов сидел угрюмый и злой, слушая, как распирается о своих темных делишках Валерий Фомич. И признается, и одновременно страшится этих признаний, стараясь свалить все на обстоятельства, на случай. Наконец Константин Николаевич не выдержал:

— Что же у вас получается? Не помню, как родился, не видел, как состарился, не знаю, когда умру!

Валерий Фомич весь сжался, словно его ударили, а Корнилов посмотрел на Власова с укоризной.

В двенадцать часов он сказал:

— На сегодня хватит, Валерий Фомич. Продолжите рассказ завтра следователю. А мне еще вашу «Волгу» искать надо. На студенческие денежки ее приобрели?

Морозов кивнул, словно собирался заплакать.

— Вы подождите в приемной. Надеюсь, понимаете, что мы должны задержать вас?

Морозов опять кивнул и вышел сгорбившись.

— Вот шкура! — в сердцах сказал Игорь Васильевич, когда за ним закрылась дверь. — А ведь приходил ко мне сквалыжничать из-за пропавшей машины! Сейчас передам его в ОБХСС, пусть занимаются. Ревизию во Дворце культуры ведь по их просьбе делали...

Прошло два дня после ареста шофера Лыткина по прозвищу Кошмарик. Дни эти не принесли особых новостей, и Корнилову временами казалось, что поиски не продвинулись ни на шаг. На допросах, которые вел

следователь Красиков, Лыткин упорно отказывался говорить, откуда у него чистые бланки техпаспорта и техталона. А по поводу денег твердил одно — выиграл в карты у случайного знакомого. Оперативное наблюдение за «Звездными ночами» ничего не дало. Друзья Кошмарика туда больше не ходили. Белянчиков в управлении почти не появлялся. Он со своей группой пытался выяснить, кто эти друзья, все ли они, как Хилый, сослуживцы Лыткина.

Но на третий день события нахлынули, словно вода, прорвавшая в половодье плотину. Правда, до обеда тоже было спокойно. Корнилов успел даже выкроить время для разговора с Власовым, ходившим теперь в управление чуть ли не каждый день. Будто на службу.

В час, едва Игорь Васильевич собрался в буфет перекусить, позвонил Красиков. Перехватили записку, которую Кошмарик пытался передать на волю. Адресовалась записка жене, но была в ней такая фраза: «Скажи Хилому, что инфаркт мой в порядке. Долю пусть отдадут тебе». Допрошенная Клавдия Сергеевна Лыткина показала, что Хилый — приятель и сослуживец ее мужа, а что касается инфаркта, она ничего понять не может. Кошмарик никогда на сердце не жаловался... Лыткин загадал загадку, которую следовало разгадать.

Не успел Корнилов повесить трубку, как в кабинет ворвался сияющий Белянчиков. Стремление поскорей выложить новости так и распирало его. В течение получаса он доложил Игорю Васильевичу, что группа выяснила небезынтересные обстоятельства, подтвержденные документально: за последний год шофер второго таксомоторного парка Хилков, приятель Кошмарика, которого официантка из «Звездных ночей» знала под именем «Хилый», восемь раз брал краткосрочные отпуска за свой счет на срок от трех до десяти дней. И каждый раз накануне его отпусков в городе происходили кражи автомашин. Четыре раза брал отпуск сам Кошмарик и пять раз бывший шофер автопарка Феликс Николаев, приятель Хилкова и Кошмарика. Их отпуска тоже совпадали с кражами...

— Значит, эти «кошмарики», будь они похитителями, могли иметь время для перегона машин, — задумчиво сказал Корнилов.

— «Будь они похитителями...» — усмехнулся Белянчиков. — Они и есть похитители. В последние месяцы во втором парке четыре раза крали техталоны... Вполне возможно — один из источников обзаведения документами. Но это надо еще уточнять, — он махнул рукой.

Корнилов и Белянчиков разработали план дальнейших действий, когда позвонил командированный в Сочи, Сухуми и Горький лейтенант Марийкин. Схема «комиссионный магазин — завод» дала первые результаты. Обнаружены четыре автомашины с перебитыми заводскими номерами. Марийкин с помощью сочинских товарищей установил, что одну из машин сбыв Борис Угоев, продавец продуктовой палатки города Сочи...

Корнилов повесил трубку и, посмотрев на Белянчикова, рассмеялся:

— Судьба решила приготовить нам на сегодня все сюрпризы.

— На субботу, — уточнил Юрий Николаевич, — чтобы скрасить нам воскресный день. Пустячок, а приятно!

Уже совсем поздно вечером, когда Корнилов в деталях обсудил с Белянчиковым все действия их группы, снова позвонил Красиков. Кошмарик признался, что вместе с Хилковым, Николаевым и Уговым участвовал в угоне и продаже автомашин. Сбывались автомашины в Сочи, Сухуми и Одессе. В том числе и через Бориса Угоева. Кошмарик сказал, что Феликс Николаев несколько месяцев назад уволился из парка и куда-то исчез.

Круг замкнулся. Теперь нужно было помочь следствию собрать такие доказательства, которые не мог бы опровергнуть ни один из участников шайки.

Воскресенье прошло спокойно, а в понедельник утром Корнилову позвонил Белянчиков. Встревоженно доложил:

— Игорь Васильевич, Хилков сегодня не вышел на работу. Его смена с семи утра. Из парка звонили домой, телефон не отвечает... Что будем делать?

Корнилов помедлил с ответом. Ситуация складывалась непростая...

— Ты вот что сделай, Белянчиков, — наконец сказал он. — Пошли кого-нибудь к Хилкову. Пусть

незаметно выяснят, не дома ли он. Может, просто трубку не снимает. Если нет, постарайся узнать, когда его видели последний раз. Сразу доложите. — И повесил трубку.

«Что же могло случиться? — думал Игорь Васильевич. — Ударился в бега? Маловероятно, но исключать нельзя. Только у него не должно было быть причин для беспокойства... Поехал перегонять еще одну машину? За последние два дня не было похищено ни одной «Волги». Да и не ездил он никогда, не получив предварительно отпуск. Запил? Загулял?» Вопросов было много, ответ должен был быть один. Но какой?

Корнилов позвонил Бугаеву и попросил проверить, нет ли Хилкова в гостинице «Ленинград» в 636-м номере, где живет Угоев. А также уточнить, где находится в настоящее время Лаврова, сожительница Хилкова, о которой рассказал Кошмарик.

Бугаев позвонил минут через пятнадцать и сообщил, что Лаврова с утра загорает на пляже у Петропавловской крепости, а в шестьсот тридцать шестом один Георгий Угоев. Заказал себе завтрак прямо в номер. Не успел Игорь Васильевич повесить трубку, как снова зазвонил телефон, и Белянчиков доложил, что в квартире Хилкова на звонки и стук никто не отзывается.

— Организуйте наблюдение за квартирой, — сказал ему Корнилов. — Посмотрите, кто приходит будет. Может, кто из дружков.

«Что же это такое? Случайность или мы допустили ошибку? — думал он. — Если ошибку, то где? Какую? Кошмарик не мог ничего сообщить Хилкову. Он под строгим наблюдением. Занервничал Марийкин, насторожил Угоева-старшего! Нет, не мог. Что же тогда? — Он встал из-за стола, прошелся по кабинету. Постоял у окна. На улице было солнечно и шумно. — Главное сейчас — все обдумать, не испортить дела преждевременными действиями. Держать под контролем Угоева и Лаврову. Продолжать розыск Николаева. И ждать. Ждать хотя бы до вечера, — думал Игорь Васильевич. — Лаврова сейчас загорает на пляже. Значит, спокойна. Значит, Хилков не запаниковал, не в бегах...»

Но и к вечеру ситуация не изменилась. Лаврова

по-прежнему вела себя спокойно. С пляжа пришла домой и лишь несколько раз выходила звонить по телефону, но, судя по всему, номер не отвечал. Наверное, звонила тоже Хилкову. Не дозвонившись, беспокойства не проявила. Георгий Угоев оставался все время в номере, в пять часов к нему пришли двое мужчин — судя по всему, опять будет игра. Этих двоих милиция уже знала — постоянные его партнеры.

В восемь часов Корнилов позвонил генералу и спросил разрешения зайти к нему для доклада. Выслушав Игоря Васильевича, генерал спросил, что он намерен делать.

— Считаю, что надо немедленно арестовать Угоевых. И старшего, и младшего, Лаврову, Хилкова. Объявить розыск Николаева...

— А как считает следователь? — спросил Владимир Степанович.

— Это наша общая точка зрения, — ответил Корнилов. Прежде чем идти к генералу, он все подробно обговорил с Красиковым.

— У вас достаточно материалов? — Владимир Степанович кивнул на папку, которую держал в руках Корнилов.

Игорь Васильевич раскрыл ее.

— У нас есть признание Лыткина, арестованного за квалифицированное хулиганство, о краже совместно с Хилковым пяти автомашин «Волга». Четыре из них проданы Борису Угоеву, жителю Сочи, одна Георгию Угоеву. Две машины перегонял в Сочи Лыткин, три Хилков. Это по признанию Лыткина. Но у нас есть подозрения, что Хилков не меньше восьми раз перегонял автомашины для продажи. Это еще предстоит проверить. Но пока и трех с него достаточно. Наш сотрудник Марийкин изучил документы на «Волги», проданные за последние полгода через комиссионные магазины Сочи и Сухуми. А потом проверил, выпускались ли с заводов машины с таким сочетанием номеров мотора, кузова и шасси...

— Так, так, так... — заинтересованно пробормотал генерал. — И что же это дало?

— Обнаружили, что у четырех машин из тех, что проходили через комиссионный, заводские номера перебиты, — с ноткой торжества сказал Корнилов. — Липа. Две машины уже изъяты у новых владельцев.

Экспертиза восстановила подлинные номера. Одна из машин принадлежала инженеру Гусарову, другая московскому журналисту Власову.

— Вот как? — удивился генерал. — Быстро нашли его машину.

— Да ее только что продали, Владимир Степанович. Через комиссионный в Сочи. Марийкин сразу и наткнулся на нее. Одну «Волгу» перепродал Борис Угоев, другую сам Хилков по документам жителя Сочи Романова. Этот Романов за сто рублей продал Хилкову паспорт и документы на свою давно разбитую машину... Хилков вписал в документы новые номера.

— Паспорт на машину? — переспросил генерал.

— И свой паспорт, и паспорт на машину. Показания Романова и данные экспертизы документов у Марийкина есть. Сейчас ведется проверка других машин. — Корнилов остановился и посмотрел на генерала.

— Продолжайте, продолжайте... Или у вас больше ничего нет? — спросил тот.

— Есть и еще кое-что, — сказал Корнилов. — Но далеко не столько, сколько мне хотелось бы. Установлено, что одну автомашину продал через комиссионный дед Угоевых, Тихон Павлович Угоев. Деду восемьдесят лет. Никогда на машине не ездил. Мы разыскали покупателя этой «Волги»... Он живет в городе Мары. Заводские номера тоже перебиты. Экспертизой установлены старые номера. Машина похищена 17 мая у администратора Дворца культуры.

— У того самого «шахматиста»? — спросил генерал.

— У него... — усмехнулся Корнилов. — Вор у вора дубинку украл. — И продолжал деловито: — Есть подробные показания покупателя из города Мары о том, что фактически вся сделка проводилась им с Борисом Угоевым. Дед — подставное лицо. Вот, пожалуй, и все... Думаю, что со дня на день будут найдены остальные автомашины. Наши сотрудники заканчивают оперативную работу во втором таксомоторном парке. Провели изучение графика работы Хилкова, Лыткина и Николаева в автопарке — в десяти случаях из двенадцати, когда были похищены машины, один из этой тройки обязательно работал ночью. Восемь раз Хилков брал краткосрочные отпуска сразу

после того, как были зарегистрированы хищения автомашин. Даты перегона Хилковым трех автомашин, указанные в показаниях Лыткина, совпадают с датами краткосрочных отпусков Хилкова...

— Значит, предлагаете сейчас арестовать всех известных нам участников? — спросил генерал, упирая на слово «известных».

— Да, другого выхода у нас нет, — решительно ответил Корнилов. — А если Хилков что-то почувствовал? Он может переполошить всех остальных. Причем арестовать надо сегодня же. Если даже он никого не предупредил, его исчезновение всех насторожит... Одновременно в Сочи будет арестован Угоев-старший.

— Ну что ж, действуйте! — сказал генерал. — Берите санкцию на арест.

Получив у прокурора санкцию на арест подозреваемых и на обыск в квартире Хилкова, Корнилов собрал у себя оперативную группу. Коротко поставил задачу.

— Я считаю, что никаких осложнений при задержании быть не должно, — сказал он, заканчивая. — Одно условие — пусть арестованные увидят друг друга... Мельком. Издалека. А потом находятся в строгой изоляции. Угоева-старшего в Сочи, наверное, уже арестовали. Кстати, младшему можете сказать об этом.

— Товарищ подполковник, а как же быть с картежниками? — спросил Бугаев. — В шестьсот тридцать шестом сейчас опять игра в разгаре.

«Вот еще эти игроки... — подумал Корнилов. — Играют по-крупному. Из других городов приезжают. Надо бы новое дело заводить. Да когда ими заниматься...»

— Удостоверьте личности игроков. Составьте протокол, укажите, сколько у кого было денег на момент задержания... И отпустите. И вот еще что — все делать надо очень осторожно. Чтобы ни администратор, ни дежурная по этажу не знали. Только директор и его зам. Дежурную по этажу пусть они вызовут на некоторое время. В номере дежурить круглосуточно. Ключ у дежурной. Так, словно Угоев ушел в ее отсутствие. Пользуйтесь запасным. Организуйте дежурство у Лавровой. Хилков может прийти к ней... Докладывайте немедленно.

Все разошлись, и Корнилов снова остался один в

своем прокуренном кабинете. Он достал из стенного шкафа электрический чайник, плеснул туда воды из графина. Вымыл маленький чайничек для заварки. Сахар, чай у него никогда не переводились... Игорь Васильевич ходил по кабинету, прислушиваясь к то-ненькому посвистыванию чайника, и думал о том, что кое-где собираются небольшие компании и игра идет по-крупному — по очень крупному! Это было и раньше. Но что с картежниками делать? Попробуй докажи, что они играют на крупные суммы денег! Попробуй докажи, что проигрывают они не свою зарплату, а денежки, приобретенные весьма сомнительными способами. Впрочем, раскопать и доказать можно, но сколько времени на это уйдет. А начальство недовольно — занимаетесь картежниками, когда у вас из-под носа воруют автомобили. Нет, позиция эта не совсем правильная. И картежниками заниматься надо, и теми, кто живет на нетрудовые доходы. Тогда, может быть, и вообще меньше воровства будет. Не будет в обществе этой гнусной бациллы стяжательства. Проснувшегося вдруг в некоторых стремления к обогащению. Дачи, машины, мебель — обязательно модная, дубленки и золотые перстни... Все эти стяжатели вроде бы дышат, двигаются, живут среди нас... А разве назовешь их живыми? Пропавшие среди живых...

Игорь Васильевич подумал вдруг про Иннокентия, и на душе у него стало мутно. «И когда же потянуло Кешу в накопители? Рос в нормальных условиях, скромно. Может быть, в институте приобщился? Когда после второго курса сколотили группу и поехали в Сибирь кедровые орешки собирать, «деньгу зашибать»... И ездили каждый год. Может быть, тогда? Шутка ли — у девятнадцатилетнего парня появились большие деньги! Несколько сот рублей! Купил себе одно, другое — захотелось и третье. Я ведь сказал тогда Кеше: «Что ж ты, деньги заработал большие, а матери даже подарка не сделал!»

Вода в чайнике закипела. Игорь Васильевич заварил чай покрепче, налил в большую цветастую чашку. Чай он любил пить вприкуску — блокадная привычка. Было без десяти десять. Полчаса прошло уже с того момента, как люди разъехались на задание. «Что-то не звонит никто, — посетовал Корнилов. И опять подумал о картежниках: — Вот заведется такая

гнильца и смердит, заражает все вокруг. А из человека слабого, завистливого стяжателя недолго сделать».

Он позвонил домой, спросил:

— Мама, ну как ты там? Меня к ужину не жди.

— Опять без ужина? — спросила мать.

— Сижу чаи распиваю, — ответил Корнилов. — Жду звонков от хороших людей.

— Как же ты без ужина-то? Сходил бы поел. Хорошие люди подождут, — настаивала она.

— Ничего, мама. У меня тут и сухарики есть...

Первым позвонил старший лейтенант Никифоров. Его группа ездила за Лавровой. Все прошло без особых неожиданностей. При обыске у нее нашли черную аэрофлотовскую сумку, в которой были инструменты, трос и государственные номерные знаки ЛЕС 33—67. Лаврова сказала, что сумку нашла на улице вечером и собиралась сдать в бюро находок. В квартире у нее оставлены дежурить сотрудники.

— Минут через пятнадцать буду в управлении.

И тут же звонок Белянчикова. Корнилов сразу почувствовал: что-то стряслось. Голос у Белянчикова был взволнованный.

— Игорь Васильевич, звоню из квартиры Хилкова... Он найден мертвым. Огнестрельная рана... Судя по всему, прошло немало времени.

— Сейчас выедет машина со следователем и судмедэкспертом, — сказал Корнилов. И добавил: — Может быть, и проводника с собакой?

— Может быть... — ответил Белянчиков, но в голосе у него не было уверенности.

Корнилов повесил трубку и тут же позвонил дежурному по управлению.

— Направьте оперативную машину по адресу: Лиговка, восемьдесят три, квартира сто семнадцать. Обязательно с собакой... Убийство.

Совсем недавно они ввели у себя ночное патрулирование автомашин с оперативной группой, в которую входили и следователь, и работник уголовного розыска, и эксперт. Это намного ускоряло прибытие к месту происшествия...

«Вот так номер, — подумал Корнилов, положив трубку, — Хилков убит. Кто же его? Соучастники? Но ведь те, кого мы знаем, были под контролем. Значит, есть кто-то еще, о ком нам неизвестно?»

В это время позвонил Бугаев и доложил, что операция в гостинице закончена.

— Игорь Васильевич, общая сумма денег у игроков — двенадцать тысяч. Три у Георгия Угоева...

— Оружия у него не нашли? — поинтересовался Корнилов.

— Нет.

— Приезжайте срочно в управление, Бугаев.

Когда Корнилов рассказал о том, что случилось, вернувшимся с операции Бугаеву и Никифорову, они в один голос отвергли возможность участия в убийстве и Угоева, и Лавровой. Каждый их шаг контролировался последние три дня. Каждый шаг. Что касается Николаева — его в городе нет. Но это еще ничего не значит...

— Может быть, какие-то старые счета? — предположил Бугаев. — Жизнь он вел веселую. Особенно последние полгода... Может, из-за женщины...

— Может быть, может быть, — сказал Корнилов, — все может быть. Тебе надо взяться за изучение всех его знакомств. Всех. Только не очень-то я верю в «старые счета». Здесь счета новые. Убийство произошло как раз в то время, когда мы вышли наконец на всю группу, накануне ареста... Впечатляет?

— Впечатляет, — кивнул Бугаев, — значит, кто-то нам неизвестный?

Корнилов вздохнул. Спросил:

— Чаю хотите? Подогрейте. Я крепкого заварил, Никифоров заглянул в чайник. Покрутил головой:

— Да тут, товарищ подполковник, и на глоток не будет. Я нового вскипачу.

— Валяй, кипяти, — сказал Корнилов. — А по поводу неизвестного... Что ж, я вам еще раньше говорил — слишком уж детально разработаны все эти кражи. Шутка ли, пять месяцев угрозыск на след напасть не мог... А кто воровал машины? Пьяница Кошмарик, тугодум и скопидом Николаев, Угоев... Вы же сами говорили, что Угоев серая личность. Картежник и гуляка. Хилков? По всем приметам парень неглупый, умеет себя держать, не болтлив. Дерзок. Но ведь тоже мыслителем не назовешь. И если собрать все, что нам стало о нем известно — из автопарка, из школы, с прежней работы, — годится только на вторые роли. Исполнитель. Только исполнитель. А кто же из них

закоперщиком был, кто все это придумал? Продумал все детали, все тонкости? И потом показания Кошмарика — он же написал, что из тех денег, которые они выручали за продажу машины, ему перепадала только третья часть. Третью брал себе Хилков, а треть, как он объяснил Кошмарнику, отдавал еще кому-то. Как он говорил, «за комиссию». Почему мы вслед за Кошмарником решили, что Хилков врал про комиссию, а деньги брал себе? Есть кто-то еще. Есть. — Корнилов хлопнул ребром ладони по столу и спросил: — Никифоров, ты чай скоро вскипятишь?

— Раньше, чем мы операцию завершим, товарищ подполковник, — бодро ответил Никифоров.

Корнилов посмотрел на него долгим взглядом, покачал головой и, вздохнув, произнес:

— А я и не знал, что в нашем управлении такие остряки работают... Вам бы надо для эстрады смешные рассказы писать. А то у них с юмором плохо.

— С юмором, Игорь Васильевич, не только в эстраде плохо, — улыбнувшись, сказал Бугаев. — У нас в управлении тоже не все юмор понимают.

Корнилов нахмурился.

— Ладно... Где наша не пропадала. Вот разберемся с этими кошмариками, наладим с юмором. Пора бы, кстати, и Белянчикову здесь быть. Ты, Сеня, свяжись с его машиной из комнаты дежурного.

Бугаев вышел и тут же вернулся вместе с Белянчиковым и следователем Красиковым. Столкнулся с ними в коридоре. Белянчиков был явно растерян, что за ним вообще не замечалось.

Игорь Васильевич показал на большой стол. Все сотрудники расселись, стараясь меньше шуметь стульями.

— Ну что, какие пироги? — спросил Корнилов.

— Пироги неважные, товарищ подполковник, — грустно сказал Белянчиков. Он посмотрел на Красикова, но тот кивнул головой: рассказывай, дескать, сам. — Хилков убит выстрелом в затылок. Пулю мы нашли. От револьвера «наган». По предварительным данным, с момента смерти прошло больше двенадцати часов.

— Собаку не пускали?

— Потеряла след на лестнице — столько времени прошло. Обыск ничего не дал... Отпечатки пальцев

только убитого. В передней следы ботинок Хилкова. И все перевернуто вверх дном. Из шкафа вытряхнуто белье, диван сдвинут. В кухне все перерыто. Из коробок высыпана крупа... Даже в уборной крышка от бачка снята. Похоже, что-то искали, но очень уж торопились.

— И никаких следов?

Белянчиков развел руками.

— В кухне в пепельнице одна сигарета. Выкурена и придавлена.

— Что Хилков курил?

— Только «Беломор».

— Ну неужели больше никаких следов?

— В комнате большой ковер. Чистота — ни пылинок, — словно только что пропылесосили...

— А пылесос в квартире есть?

— Товарищ подполковник, — обиженно сказал Белянчиков и развел руками. — Проверили. В пылесосе ничего. Теперь дальше. Никаких следов взлома дверей, никаких следов борьбы в комнате. В пиджаке убитого нашли только пять рублей.

— Пиджак был на нем?

— Нет. Висел на стуле. Хилков был в трусах и майке, в шлепанцах. В ванной горел свет. Все было приготовлено для бритья. Видать, Хилков только что встал. И с предварительным выводом судмедэксперта это совпадает.

— А записная книжка, письма?.. — спросил Корнилов.

— Письма, видать, не получал, — ответил Белянчиков. — А записная книжка есть. Только ничего интересного в ней я не обнаружил. Кроме двух телефонов. Один — шестьсот тридцать шестого номера гостиницы «Ленинград», другой — восемнадцатого номера гостиницы «Советская». Я уже попросил выяснить, кто проживал в этом номере «Советской» за последний год.

— Что ж там, в этой книжке, больше ничего и нет? — с сомнением спросил Игорь Васильевич.

— Есть там еще и адреса и телефоны. Выясняют сотрудники.

— Ну-ну...

— Ключ от квартиры обнаружен только один, — добавил Белянчиков. — Что-то не верится... Всегда запасной бывает.

— Ну запасной-то, наверное, у Лавровой, — сказал Никифоров. — Мы при задержании обнаружили у нее здоровенный ключище. Как пила, весь в зубчиках.

— Он, — кивнул Белянчиков. — От квартиры Хилкова.

— Что еще? — хмуро спросил Корнилов.

Белянчиков развел руками.

— Будем ждать результатов экспертизы. Надо уточнить отпечатки пальцев. Отдали на экспертизу несколько волосков, найденных на ковре... И потом вскрытие трупа. Нам же надо знать точное время.

— Соседи что говорят?

— Ни в одной квартире выстрела не слышали. И никого постороннего на лестнице не видели.

— Всех опросили?

— Всех, — сказал Белянчиков. — Один инженер, из квартиры ниже этажом, уехал вчера рано утром в командировку... Но его провожала жена. Они вместе выходили из квартиры. Она говорит, что не видела ничего.

— Муж и жена по-разному смотреть могут, — Корнилов достал из стола пачку сигарет. Закурил. — Вы все-таки этого инженера не вычеркивайте из списка. Проверьте. Мало ли что... А теперь все по домам. Итоги подводить сегодня не будем. Рано. Подождем, что скажет экспертиза...

— Игорь Васильевич, а вы не поедете посмотреть квартиру Хилкова? — спросил Белянчиков.

— Я, Юрий Евгеньевич, поеду домой. И вам всем рекомендую выспаться. Дежурный в случае чего и с постели поднимет. Когда обещали данные экспертизы?

— В девять утра, — сказал Красиков.

— В девять тридцать всем быть у меня. — Корнилов встал. — Приятных сновидений. — Он посмотрел на часы. Было без пятнадцати двенадцать.

Корнилов пришел домой, тихонько, чтобы не разбудить мать, прошел на кухню. На столе, аккуратно накрытый салфеткой, стоял ужин. Есть не хотелось. Он убрал приготовленную матерью еду в холодильник. Происшествие с Хилковым не давало ему покоя. Собственно, даже не столько убийство — Игорю Васильевичу было ясно, что открылась какая-то новая грань всей истории с угоном автомашин, такая, о которой уголовный розыск пока и не догадывался. Беспокоило

отсутствие следов убийцы. Это было странно. В практике Корнилова бывали такие случаи, когда преступник не оставлял почти никаких следов. Но за этим маленьким словечком «почти» всегда крылись какие-то, заметные порой только очень опытному, талантливому наблюдателю и аналитику следы. Старший инспектор Белянчиков был таким опытным человеком. Корнилов работал с ним уже десять лет и не раз убеждался в том, что в этом весельчаке и заядлом спорщике умение рассчитывать и предвидеть, свойственное шахматистам, сочеталось с глубоким знанием психологии преступника. Уж если он ничего не обнаружил, значит, поработал очень опытный бандит. Но следы все равно должны быть...

Спать в эту ночь он не мог и маялся почти до утра.

А едва заснул, ему стали сниться кошмарные сны. Он то и дело просыпался, с трудом стряхивая с себя пережитое во сне и радуясь, что это всего-навсего сон.

Утром не помогли ни крепкий чай, ни пешая прогулка до управления на свежем невском ветерке. Он чувствовал себя совсем разбитым.

В кабинете Игорь Васильевич сидел минут десять без движения, без дум, стараясь сосредоточиться и утишить головную боль. Не помогло. Он тяжело вздохнул и снял телефонную трубку. Позвонил экспертам. Через несколько минут секретарша отдела принесла ему результаты экспертиз. Хилков был убит из револьвера типа «наган» выстрелом в затылок с расстояния около одного метра. Судмедэксперт установил, что смерть наступила четырнадцать-пятнадцать часов назад... Игорь Васильевич прикинул — выходило, между шестью и семью утра. Волосы, найденные на ковре, не принадлежали ни убитому, ни Лавровой. Сигарета, оставленная в пепельнице, выкурена не Хилковым и, самое главное, выкурена давно — на сутки раньше, чем убит Хилков. Скорее всего, писал эксперт, эту сигарету подобрали на улице, а раздавили в пепельнице уже давно потухший окурок. «Вот это уже и след, — подумал Игорь Васильевич. — Сигарету принесли, чтобы ввести в заблуждение следователя. Не Хилков же нес. Да и уборка только что в квартире сделана... Кто-то хочет уверить нас, что курит сигареты... А это значит? Это пока еще ничего не значит». Игорь Васильевич повеселел.

«Что там у нас еще?» — заглянул он в бумаги.

Оружие, из которого застрелен Хилков, идентифицировать не удалось...

В девять тридцать собралась вся группа.

— Задание старое, — сказал Корнилов. — Закончить проверку во втором таксомоторном парке. К вечеру чтобы были сведения обо всех друзьях Хилкова. И надо выяснить, кто обращался с просьбами о подмене в те дни, когда происходили хищения машин.

— Игорь Васильевич, надо проверить всех, кто был на линии в день убийства, — сказал Белянчиков.

Корнилов кивнул. Потом обратился к Бугаеву.

— Семен, надо еще раз уточнить, где в момент убийства были все задержанные. Угоев-старший в Сочи арестован. Сегодня на самолете будет доставлен к нам. Но его тоже надо проверить. При теперешних скоростях... И позвоните Марийкину. Пусть поскорее выясняет, кому принадлежали другие автомашины!

— Игорь Васильевич, — сказал Белянчиков, — в восемнадцатом номере гостиницы «Советская» за последний год трижды проживал Угоев-старший. Другие фамилии все знакомые...

— Вам незнакомые, — сердито сказал Корнилов, — а Хилкову и компании они могли быть знакомыми... — Он помолчал немного, потом спросил: — Есть там еще такие, что повторяются по несколько раз?

Белянчиков виновато развел руками.

— Поручите проверить. И с разрешения следователя поручите кому-то поговорить с Кошмариком. Расскажите о смерти Хилкова. Он его, похоже, боялся, недоговаривал все. Может, теперь откровеннее заговорит? Пусть расскажет подробнее о друзьях Хилкова. Все. В семнадцать ноль-ноль снова сбор. Я сейчас поеду на квартиру Хилкова.

— Лиговка, восемьдесят три... — начал Белянчиков, но Корнилов остановил его:

— Да помню я адрес, Юрий Евгеньевич... Дежурство там организовано?

— Из райотдела дежурят, — сказал Белянчиков.

...Игорь Васильевич остановил машину за несколькими домами от восемьдесят третьего. Вышел, осмотрелся. На улице пусто. Лишь у дома восемьдесят три толпилось несколько человек — ждали открытия молочного буфета. Игорь Васильевич неторопливо прошелся по

Лиговке. Солнце уже припекало всюду. Улица выглядела пыльной и неприбранной. Грохочущие трамваи поднимали пыль, оседавшую на чахлах кустиках, растущих вдоль трамвайной линии, сплошным потоком шли грузовики.

Парадный выход в доме был закрыт и, видать, не открывался с незапамятных времен. Корнилов свернул во двор. Здесь, несмотря на сухую жаркую погоду, стоявшую уже несколько недель, было прохладно. На веревке проветривалось старенькое мужское пальто, ватные одеяла, шарфы. Корнилов остановился посреди двора, огляделся. Кроме ворот на Лиговку, здесь были еще две двери, ведущие в дом. И все. Никаких других выходов. Он поднял голову, прошелся взглядом по окнам. Многие были открыты. Из одного доносилась шальная, резкая музыка.

Корнилов вошел в подъезд. Квартира Хилкова была на третьем этаже, но Игорь Васильевич решил сначала заглянуть в квартиру напротив. Он позвонил и прислушался: за дверью было тихо. Потом послышались стариковские шаркающие шаги, щелкнул замок.

«Даже не спрашивают кто», — подумал Игорь Васильевич, стараясь разглядеть скрытого в темноте прихожей человека. Похоже, что это был древний старик.

— Здравствуйте, я из уголовного розыска. Хотел бы поговорить с жильцами...

— Проходите, — сказал старик. Голос у него был спокойный и не по возрасту звонкий. Он шагнул в сторону, пропуская Корнилова, и включил свет.

Прихожая была большая и неудобная, заставлена старыми шкафами и комодами, стульями, перевязанными белой бечевкой. Впечатление было такое, словно мебель приготовили к переезду. Или только что привезли.

— Собственно говоря, из жильцов в наличии один лишь я, — сказал старик, ведя Корнилова по такому же захламленному, как и прихожая, коридору. — Остальные на даче. А со мной уже разговаривали. Вы ведь по поводу Жени?

Они наконец добрались до комнаты старика. Здесь все было залито солнцем. Огромный, как бильярд, и тоже обтянутый зеленым сукном письменный стол, заваленный книгами, и огромные красного дерева книжные шкафы. Корнилов с восхищением оглядел шкафы и по-

чувствовал легкое огорчение от того, что, поговорив сейчас со стариком, уйдет из комнаты и никогда уже не сможет порыться в этих книгах.

Старик, перехватив его взгляд, сказал со вздохом:

— Сорок лет жизни... И даже в блокаду устояли. — Он сел на стул около круглого обеденного стола, над которым низко нависла старомодная причудливая люстра, и пригласил сесть Корнилова.

— Вас зовут...

— Петр Иванович Елистратов, — старик усмехнулся уголками губ и добавил: — Пенсионер. Бывший учитель истории.

— Петр Иванович, семнадцатого рано утром вы были дома?

— Да я уже... — начал Елистратов, но Корнилов мягко остановил старика: — Вы извините, если вам уже приходилось отвечать на этот вопрос.

Старик пожал плечами.

— Я был дома. И первый раз вышел из квартиры часа в два. В молочный буфет. Это в нашем доме.

— Утром ничего не слышали? Выстрел, крики?

— Нет. Я бы обратил внимание. У нас в доме по утрам такая тишина...

— Но в семь часов вы, наверное, еще спали?

Елистратов опять улыбнулся слегка, словно боясь обидеть Корнилова.

— Я давно уже просыпаюсь ровно в пять. Лет пятнадцать. И сразу встаю. Много работы. А времени осталось в обрез.

Корнилов невольно перевел взгляд на письменный стол, на множество старинных книг и растрепанных журналов с закладками.

— К вам никто не звонил в то утро?

— Почтальон. Принесла заказное письмо.

Корнилов сделал пометку в блокноте.

— С Хилковым вы были знакомы?

— Женя учился у меня в седьмом и восьмом классах. Но теперь это имеет чисто теоретический интерес, — вздохнул старик.

— Нет, почему же? И практический тоже... Для нас.

— Женя был неплохим мальчиком. Способным...

Слушая Елистратова, Корнилов прикинул, сколько же лет прошло с тех пор. Выходило — четырнадцать.

— Человек он был энергичный, изменчивый только очень. Быстро загорался и остывал быстро. И ни в чем не преуспел.

— Не хулиганистый?

— Нет. Он не был ни заводилой у ребят, ни озорником. Скорее слишком чувствительным... Мог от обиды заплакать. В девятом классе он круто изменился. Стал замкнутым, дерзким. Учителя ломали голову, но я-то знал, в чем дело, — отец ушел из дому. Избил жену и Женю.

— Он закончил десять классов?

Старик кивнул отрицательно.

— У него были друзья?

— Раньше я мало их видел. А года три назад от них спасу не стало. Чуть ли не каждый день пьянки. Девушки...

— Что девушки?

— Мне кажется, не очень скромные... Это все началось после смерти матери. — Старик задумался вдруг и поглядел отсутствующим взглядом в окно.

— Да, я забыл вам сказать, что на Женю очень плохо повлияло возвращение отца.

— Возвращение отца?

— Ну да! Отец всегда был несправедлив к нему. А потом это побоище... И уход из семьи. Лет семь о нем не было слышно. Он даже не помогал Анне Дмитриевне и Жене. И вдруг появился. Женя уже вернулся из армии, работал шофером на «Электросиле».

— Что же плохого в том, что вернулся отец? — удивился Корнилов.

— Ну как же вы не понимаете! — досадливо сказал старик. — Отец же бил его, унижал, потом семь лет где-то шляется, ни разу не вспомнив... Женя стал уже мужчиной, молодым человеком. И вдруг приходит чужой человек. Даже не чужой... Хуже. А мать не сочла нужным посоветоваться с сыном. — Старик разволновался и стал задыхаться. Немножко успокоившись, он сказал: — Женя стал жить на кухне. Спал на раскладушке.

— Петр Иванович, а какие отношения были у отца с матерью?

Старик помялся. Чувствовалось, что ему не хочется об этом говорить:

— Здесь я могу только перенести на зыбку поч-

ву догадок... Вам же нужна правда, а не правдоподобие.

— И с тех пор Хилков стал пить?

— Да. Я видел его несколько раз нетрезвым. Но главное — он очень редко появлялся в доме. Я перестал его встречать.

— Вы сказали, мать умерла. А отец?

— Через полгода...

— Последнее время Хилков тоже много пил?

— Нет. Кажется, поменьше. Я его несколько раз встречал с одной и той же девицей. По-моему, он стал чуть серьезней. И даже не прятался от меня, когда шел с этой девчонкой. Кажется, ее зовут Галей.

Корнилов показал Елистратову фотокарточку Лавровой.

— Она, — кивнул старик. — Красивая девчонка. — И, вздохнув, добавил: — Душевно жаль парня. А я так мало сделал, чтобы ему помочь...

— А приятели по-прежнему ходили?

— Реже.

Корнилов показал несколько фотографий. Старик признал одного Кошмарика.

— Все чаще на лестнице сталкиваешься, — оправдываясь, пробормотал он. — А у нас она темная. Вы и сами видели.

— Хилков был участником банды по угону автомобилей, — сказал Корнилов.

— Нажива, стяжательство... — глухо сказал старик.

— Вам, Петр Иванович, не бросилось в глаза что-то необычное в поведении Хилкова в последние дни?

Елистратов задумался. Потом пожал плечами.

— Нет. Как будто нет.

Корнилов встал.

— Извините, за беспокойство, Петр Иванович. Я вас от дела отвлек...

— Рад служить, — ответил старик сухо. И спросил: — Скажите, если не секрет, вы вот про выстрелы расспрашивали. Значит, Женю из пистолета?..

Корнилов кивнул.

— Да-а... Попробуй найди теперь. Если уж ищайка не взяла...

— Ничего, попытаемся найти, — ответил Игорь Васильевич.

— Ну конечно, — согласился Елистратов. — Криминалисты есть очень опытные... Да и раньше были. Вот Цезарю убийцы нанесли двадцать три колотые раны. А древнеримский врач Антистий, обследовав труп, дал заключение, что лишь одна рана — на груди — была смертельной. Ну да вы и сами, наверное, это читали?

— Интересно, — сказал Корнилов. — Я не читал. Выходя из комнаты, Корнилов бросил прощальный взгляд на книжные шкафы.

— А вы над чем работаете?

— Заканчиваю книгу «Причины падения Римской империи». — Он вздохнул: — Очень мало времени, а столько хочется сказать.

Уже в дверях старик вдруг спохватился:

— Вы спрашивали про необычное... Вот я сейчас вспомнил: месяца три назад я видел Женю в театре. В БДТ. Давали «Лису и виноград». Это было необычно для него.

— Он был со своей девушкой?

— Нет. Собственно, я не знаю, с кем он был. В фойе разговаривал с большим бородатым мужчиной.

— Мужчина был молодой?

— Очень пожилой. Почти старик.

— Вы бы смогли его узнать?

Елистратов подумал.

— Да, конечно. У него запоминающееся лицо.

Подождав, пока захлопнулась дверь и стихли шаги Елистратова, Корнилов позвонил в сто семнадцатую квартиру. Дверь внезапно и быстро растворилась. На пороге стоял мужчина. Лицо его было напряженным. Правую руку он держал в кармане. Игорь Васильевич хорошо знал этого инспектора. Даже помнил имя — Васечкин Николай Афанасьевич. Увидев Корнилова, мужчина извиняюще улыбнулся, выдернул руку из кармана.

— Извините, товарищ подполковник... Нам сказали, что если свои, то позвонят предварительно по телефону. А вы без звонка. Мы уж подумали, кто-нибудь из этой бражки.

Корнилов вошел в темную прихожую. Тут же стоял второй сотрудник. Его Игорь Васильевич не знал.

— Свет тут у вас зажигается? — спросил Корнилов. Васечкин щелкнул выключателем. — Никто не

приходил, не звонил? — Корнилов прошел на кухню, заглянул в ванную.

— Нет. Мы здесь словно на необитаемом острове. Ни звонков, ни гостей...

На кухонном буфете валялись красные в белый горошек банки, рассыпанные макароны, перемешанные с крупой и сахаром...

— Ну ладно, вы пригласите понятых, а я в комнате посижу, подожду, — сказал Игорь Васильевич.

Корнилов вошел в комнату. Первое, что бросилось в глаза, — очерченный мелом силуэт человека на полу. Видно, лежал он, чуть согнувшись, вытянув вперед правую руку.

Корнилов пододвинул к себе неуклюжее, старое кресло с прямой спинкой. Сел в него.

Комната была большой, с высоким лепным потолком. Давно не мытое венецианское окно наполовину задернуто шторой, и от этого в комнате стоял полумрак.

«Кто же из дружков пустил тебе пулю в затылок?» — подумал Корнилов и посмотрел на зловеющий меловой силуэт.

Несмотря на неуютность, бросившуюся Игорю Васильевичу в глаза, комната Хилкова была хорошо обставлена. В углу, слева от кресла, на котором сидел Корнилов, стоял широкий, трехстворчатый шкаф для одежды, темный обеденный стол и несколько стульев, обитых синей материей. Дверцы шкафа были открыты, и с полок свисали скомканные рубашки, какие-то тряпки. Ярко алел широкий полосатый галстук. У окна старинный журнальный столик на высокой ножке. Рядом с ним неуклюжее кресло, близнец того, на котором сидел Корнилов. На нем тоже валялась одежда. Справа от окна — сервант с посудой. Большой синий диван. И около него — мохнатый ковер. Корнилов еще раз внимательно оглядел комнату — нигде ни одной книжки. Только на журнальном столике несколько газет. Ни телевизора, ни приемника...

Чувство неуютности не покидало Корнилова. Может быть, оттого, что новая мебель в этой комнате с высоким потолком выглядела уж слишком приземистой, совсем карликовой. И еще необжитость. Мебель была вся новая, кроме журнального столика с расколотой мраморной доской и двух кресел. «Не все денежки пускал Хилков на ветер, — подумал Корнилов. — Ме-

белишка недавно из магазина... Кошмарик-то все пропивал. А этот и приобретал кое-что. Может, жениться хотел?»

Игорь Васильевич сидел долго, пожалуй, около часа, стараясь примечать все, что помогло бы ему понять личность этого Хилкова, так неожиданно и трагично ушедшего от следствия, найти какую-то хоть крохотную, но убедительную детальку, которая раскрыла бы вдруг состояние хозяина перед смертью — его тревогу, страх, желание скрыться. Корнилов всегда пытался представить себе привычки, характер, наклонности человека, а потом найти в поведении, в обстановке, его окружающей, какое-либо несоответствие, что-то идущее вразрез с его характером и привычками. И тогда задать себе вопрос: а почему же он поступил вопреки привычному?

И этот неизвестный убийца... Не оставил ли он в комнате какого-нибудь, пусть маленького, свидетельства своего пребывания? Кроме пули от нагана. И сигареты.

Странно, но здесь, в жилище Хилкова, Игорь Васильевич никак не мог обнаружить присутствия индивидуальности хозяина. Чего-нибудь такого, что выдало бы его привязанности и интересы.

Одно только бросалось в глаза — аккуратность. И еще — не звонил телефон, молчал звонок от входной двери. Третьи сутки нет человека в живых — и никому до него нет дела, словно и не было его никогда на белом свете. Только работники уголовного розыска толкуются у него в квартире да, наверное, вспоминают арестованные по делу. Что, эта нелюдимость — давнее свойство характера или появилась после того, как занялся угоном машин?

Корнилов вздохнул, достал сигарету. Щелкнул зажигалкой, прикурил. «А что мы знаем об убийце? Он — хороший знакомый Хилкова. Это аксиома. Иначе Хилков не впустил бы его в квартиру, не повернулся к нему спокойно спиной. Имеет наган. Искал что-то очень нужное. Значит, знал точно о том, что оно, это нужное, у Хилкова есть».

Вошли понятия — Елистратов и пожилая женщина. Наверное, дворник. «Никак старику не даем спокойно работать», — подумал Корнилов.

В течение двух часов он шаг за шагом осматривал

комнату, и только одна маленькая деталь привлекла его внимание — отворачивая ковер, он нашел завалившуюся между ковром и диваном спичку. Спичку, обгоревшую почти до конца. Державший ее, наверное, бросил тогда, когда огонь подобрался к пальцам. Такие обгоревшие спички остаются, когда вдруг погаснет электричество и надо что-то найти — свечку, лампу. Или исправить пробки... Или человек раскуривает трубку... Это ведь дело непростое, не то что зажечь сигарету.

Васечкин, внимательно следивший за всеми действиями Корнилова, спросил:

— Товарищ подполковник, может, проверить, не перегорел ли свет?

— Зачем? — пожал плечами Корнилов. — Ты думаешь, если свет перегорит, можно обойтись одной спичкой? Да и белые ночи еще не кончились.

Он позвонил в управление, попросил секретаршу срочно разыскать Белянчикова.

«Кто курил трубку? Хилков, судя по окуркам и показаниям соучастников, курил только «Беломор». Может, когда баловался и трубкой? Никаких следов трубки в комнате нет. В кухне — окурки сигареты. Ладно, подождем Белянчикова...» — Корнилов опустился на колени и стал внимательно исследовать ковер. Сантиметр за сантиметром. И вдруг обнаружил несколько табачных крошек. Не мелких сигаретных, а крупных продолговатых. Таких, которые бывают у трубочного табака. «Ну ладно, ладно, — шептал Игорь Васильевич. — Это уже больше, чем кое-что... Это уже улика». Он завернул табачинки в бумажку. Зазвонил телефон.

— Только что закончил разговор с Кошмариком, — доложил Белянчиков. — Есть кое-что интересное...

— Об интересном потом, — перебил его Игорь Васильевич. — Сейчас идите к нему и выясните, кто из знакомых Хилкова курил трубку. Об этом же переговорите с Лавровой. Спросите, не баловался ли трубкой сам Хилков. И узнайте у Лавровой, не делала ли она иногда приборки в квартире своего друга. Если да, то когда это было в последний раз. И не курила ли сигарет. И быстро, быстро. — Он хотел уже положить трубку, как опять обратил внимание на меловой силуэт на полу. — Послушай, Юрий Евгеньевич, когда вы со следователем делали обыск, труп не двигали?

— Ну как же не двигали?.. — недоуменно отозвался Белянчиков. — Судмедэксперт переворачивал...

— Да я не о том... Вы половицы под трупом не осмотрели?

— Нет, — быстро сказал Белянчиков, словно о чем-то догадавшись.

— Ладно. Жду звонка. Выполняй поручение.

Он бросил трубку и озабоченно посмотрел на часы. Было полтретьего. «Ну ничего, не зря время потеряно. Потянем за эту ниточку!»

— Может, чего узнать надо, товарищ подполковник? — спросил Васечкин.

— Спасибо, — улыбнулся Корнилов. — Пока ничего. — А сам смотрел как замороженный на меловой силуэт, оставшийся от Хилкова. Потом он опустил на колени и внимательно исследовал большие, потемневшие от времени плашки паркета. Все они были плотно пригнаны друг к другу, а в тонких зазорах скопилась спрессованная пыль. И только вокруг одной плашки зазоры были заметнее.

— Николай Афанасьевич, принесите ножик или вилку, — попросил Корнилов Васечкина.

И когда тот принес с кухни потемневшую, давно не чищенную вилку, подковырнул ею паркетину. Паркетина легко подалась. Под нею лежал сверток.

Елистратов с изумлением смотрел, как Игорь Васильевич, осторожно развернув пакет, вытащил большую пачку советских денег и пачку потоньше — зелененьких замусоленных долларов. Всего оказалось одиннадцать тысяч рублей и триста тринадцать долларов. Все потрепанными однодолларовыми бумажками.

Через полчаса снова позвонил Белянчиков.

Кошмарик заявил, что Хилков трубку никогда не курил. Только «Беломор». Знакомых Хилкова, что курили бы трубку, он никогда не видел.

Вернувшись в управление, Корнилов почувствовал себя совсем плохо. Голова уже не болела, а стала будто чугунной, непомерно тяжелой, и каждое слово, каждое движение отдавались тупым гулом. Пот катился градом, и Игорь Васильевич не мог понять отчего — то ли от жары, то ли поднялась температура. Но простудиться в такую теплынь? Когда нет ни ветерка, а воздух раскален как в литейном цехе. Это как-то не укла-

дывалось в сознании. Он положил руку на пульс и, глядя на секундную стрелку, отсчитал удары. Стрелка расплывалась перед глазами, но он, напрягая зрение, все-таки досчитал до конца. Сто двадцать ударов...

События, две недели развивавшиеся еле-еле, то и дело ускользавшие из поля зрения, вдруг стали разворачиваться в бешеном темпе. Словно сеть, раскинутая на глубине и скрытая до поры от глаз спокойной поверхностью озера, вытянута наконец на мелководье, и уже видно, как ходят, баламутя воду, стремительные щуки, и только самого кошелька не видать, но сердце уже нетерпеливо екает в ожидании богатой добычи. Заболеть в такое время!

«Нет, нет, — твердил Корнилов. — Не болеть! Еще немного, и мы выйдем на эту темную лошадку, на этого неизвестного».

В том, что убийца Хилкова был причастен и к угону машин, Корнилов не сомневался.

В кабинет заглянул Бугаев и начал было рассказывать о том, что Угоев-старший дал подробные показания на восемь машин. Корнилов остановил его.

— Сенечка, все это очень интересно, но не мне, а Белянчикову. Все ему, все! Я, кажется, отключаюсь от дела...

Бугаев удивленно посмотрел на Корнилова, и Игорь Васильевич понял, что вид у него, наверное, совсем больной. Удивление в глазах Бугаева моментально сменилось сочувствием, а уж сочувствия Корнилов не терпел.

— Семен, ты меня понял? Подробности письмом. Уматывай к Юрию Евгеньевичу.

Но Бугаев не уходил.

— Сеня... — начал было Корнилов, но осекся, увидев в глазах Бугаева тревогу.

— Что еще стряслось, Семен?

— Мы проверяли картежников... Тех, которые в гостинице играют.

— Ну проверяли. И что? Доложи Белянчикову.

— Игорь Васильевич, один из них ваш брат. Иннокентий Васильевич, — выдохнул Бугаев.

— Кеша? — Корнилов откинулся на спинку кресла и машинально повторил: — Кеша...

Потом тихо сказал:

— Ты, Сеня, присядь...

Минуты две они сидели молча. Корнилов барабанил пальцами по креслу.

— Вот что, Семен, — наконец сказал он. — Все доложи Белянчикову. Все. Я же сказал — отключаюсь от дела. Отключаюсь.

Бугаев ушел. А Корнилов вдруг отрешенно подумал: «Может, это ошибка? Кеша-то скопидом, жадоба. И вдруг карты! Как же он, рублишко к рублишку, а потом сотню на кон? Ну что ж, доигрался, Иннокентий Васильевич. Допрыгался...»

Игорь Васильевич взял лист бумаги и написал заявление начальнику управления.

«В связи с тем, что мой брат, Корнилов Иннокентий Васильевич, встречался с некоторыми участниками преступной группы Хилкова — Лыткина и играл с ними в карты, прошу отстранить меня от дальнейшего участия в расследовании по этому делу».

«Но с Лавровой-то я обязан поговорить, — решил Корнилов, засовывая заявление в большой конверт. — Обязан».

Он позвонил в тюрьму, чтобы привезли Лаврову, и хотел было поставить чаю, но не было сил. Поудобнее вытянувшись в кресле, он закрыл глаза. Звонил телефон, но Игорь Васильевич не снимал трубку, и ему показалось, что звонок становится все тише и тише... Надо не забыть сказать ребятам, чтобы опросили почтальона и поскорее разыскали уехавшего в командировку мужа той женщины... Потом он подумал о матери. «Опять придется ей трудно. Только привез домой и сам заболел. Может, лучше в госпиталь лечь? А теперь история с Кешей!»

Корнилов вдруг поймал себя на том, что думает о Кеше слишком спокойно. «Что же это я? Зачерствел на своей работе?» — подумал Игорь Васильевич, и ему стало горько именно от этой мысли. Брат связался с подонками и сам может сесть на скамью подсудимых, а он почти спокоен. «Да ведь худшее я уже пережил. Худшее случилось месяц назад, в деревне. Когда я узнал, что Иннокентий отправил мать на остров... — Корнилов вздохнул, провел ладонью по лицу, чувствуя, что ему уже совсем неумоготу сидеть в душном кабинете. — И мое будущее под большим вопросом. Полное служебное несоответствие — родного брата прозевал».

В это время привели Лаврову. Корнилов слышал, что девчонка она красивая, но чтобы настолько... Белые прямые волосы до плеч, большие заплаканные глаза, узкое с матовой кожей лицо, чуть раздвоенный кончик носа.

— Вы готовы говорить правду? — в упор, без всяких предисловий, спросил Корнилов.

Лаврова поспешно кивнула и тихо, чуть не шепотом, сказала:

— Да. — Лицо ее сморщилось, она достала платочек, но сдержалась...

— У Евгения были знакомые — курильщики трубок?

Она не поняла и недоуменно пожала плечами.

— Трубки, трубки курили его друзья, знакомые?

— Нет. — Она подумала немного и отрицательно покачала головой.

— С кем дружил Хилков?

— С Кошмариком, — сказала она. — С Лыткиным. Они работали вместе. С Феликсом Николаевым. С Георгием Уговым...

— А может, это просто сослуживцы? — спросил Корнилов.

Она ничего не ответила.

— Вам известно, где сейчас Феликс Николаев?

— Уехал.

— Почему вы думаете, что уехал?

Лаврова вдруг стала говорить шепотом:

— Мне его жена сказала. Она Феликса уговорила.

Боялась, что посадят.

— И вы говорили Хилкову об этом разговоре?

— Нет! — испугалась Лаврова.

— Бывали дома у Хилкова друзья?

— Много раз.

— Никто из них за вами не ухаживал?

— Нет, что вы, у всех были свои девчонки. И Женя меня так любил... — Она вдруг ойкнула и испуганно посмотрела на Корнилова. — Вы знаете, одного с трубкой я видела...

— Ну?

— Женя иногда уходил и не говорил мне куда. Понимаете... Я думала, у него кто-то еще есть. Вот и решила выследить его... Внимание и настороженность Корнилова, по-видимому, передались ей, она заволно-

валась и стала частить: — Поехала за ним следом. В Невский район. На Ивановской он вышел, пошел в переулок... Дом не помню... Нет, не помню номера. На четвертом этаже он позвонил. Я голоса не слышала. Ниже этажом стояла. А потом поднялась на пятый. Думаю, дождусь — будет он выходить, я и зайду в квартиру. А он вышел почти сразу. С дедом борода-тым. А дед с трубкой. Это вам интересно? — спросила она простодушно.

«Еще как!» — подумал Игорь Васильевич.

— Дальше что?

— Я вечером с радости об этом Жене сказала, а он меня избил. Говорит: «Забудь и думать о том, что ви-дела».

— Ты, голубушка, показать нам эту квартиру смо-жешь? — почти ласково спросил Корнилов.

— Смогу.

Корнилов вызвал секретаршу.

— Белянчикова, Бугаева! Срочно!

— А про машины вы не будете меня спраши-вать? — почему-то с тревогой осведомилась Лаврова.

— Позже, позже... — Корнилов нервно барабанил пальцами по столу, поджидая сотрудников.

Пришли Белянчиков и Бугаев. Лаврову увел кон-воир.

...Дома он смерил температуру — 39°. Мать заохо-ла, засуетилась.

— Ничего, где наша не пропадала, — тихо проборо-мотал Игорь Васильевич и добавил, уже обращаясь к матери: — Перебьемся! Главное, мама, — сон. Сон все болезни лечит. Это доказано.

Он проглотил сразу две таблетки аспирина и, выпив бутылку боржоми, лег в постель. Телефон поставил на тумбочку в изголовье. Сладкое, полудремотное состоя-ние охватило его, и, если бы не чугунная голова, в ко-торой гулко пульсировала кровь, он посчитал бы себя самым счастливым человеком на свете... Так он проле-жал недолго. Может быть, около часа. Сон не прихо-дил, начался озноб. Корнилов слышал, как осторожно, боясь потревожить его, ходила по квартире мать, при-кладывала холодную руку ко лбу, шептала что-то.

И в это время зазвонил телефон. Далекий и тихий голос Белянчикова был спокоен, даже чересчур спо-

коен. Игорь Васильевич уловил в нем нотки хорошо спрятанной радости, даже торжества.

— Квартира на Ивановской оказалась пустой. Похоже, что хозяин оставил ее навсегда за несколько часов до нашего прихода, — докладывал Юрий Евгеньевич, и Корнилов чуть-чуть удивился: чего ж тут радоваться? — Мы нашли отпечатки пальцев. Подняли на ноги работников дактилоскопии. И не зря. Это Нырок, товарищ подполковник!

«Нырок, Нырок. Сколько лет искали этого матерого убийцу! Думали, что и в живых нету, а вот вынырнул Федяша Кашлев, ходивший грабить еще нэпмачей! Арест — побег, арест — побег, сколько у него было этого, в уголовном розыске уж и со счету сбились. А десять последних лет — молчание, словно никогда и не было знаменитого Федяши Нырка».

— Какие меры к розыску? — спросил Корнилов.

— Всех подняли на ноги, Игорь Васильевич. Не уйдет от нас Федяша... Трубочный табак у него, между прочим, нашли... Бельгийский табачок, душистый. И пару трубок.

— Фото его в архиве есть... Срочно размножить! Да, пусть проверяют ребята, не живут ли в городе те, кто проходил с Нырком по старым делам. Все.

Белянчиков повесил трубку и тут же позвонил снова.

— Игорь Васильевич, как твое самочувствие-то?

— Скверное, — проворчал Корнилов. — Температура вот подскочила. — Посмотрел на часы — было уже около трех.

Он снова лежал в тишине и старался думать о Кашлеве. Белянчиков не зря радуется — на такого зверя вышли. Ничего, что сразу не взяли, — это теперь дело техники, далеко уйти не мог. Но Федяша отходил на второй план, и опять мерещилась узкая тропинка и распростертое поперек тело жены.

Он очнулся от прикосновения. Кто-то положил ему руку на лоб. Не мать. Рука была маленькая, прохладная и чуть-чуть пахла духами. Потом эта же рука хозяйски легла на его руку.

«Врач, — догадался Корнилов. — Какая у нее ласковая рука».

— Вера Николаевна, — тихо, совсем тихо сказала

врач. — Беспокоиться не надо. Теперь дело пойдет на поправку...

Игорь Васильевич открыл глаза. В комнате был полумрак, только несколько солнечных лучиков пробилось сквозь шторы, и один из них упал прямо на лицо доктора. Это была Оля. Такой он увидел ее вышедшую из леса на Валааме — большеглазую и удивительно нежную. Только сейчас лицо у нее было еще и озабоченным. Он хотел сказать ей: «Вы, как фея, появляется внезапно», — но испугался, что слова прозвучат банально, и только улыбнулся. И увидел, как преобразилось Олино лицо.

— Проснулись? — спросила она и села перед ним на стул. — Какие же вы, сыщики, слабенькие. Сквозняков боитесь.

— Боимся, — тихо сказал Корнилов. — Уколы делать будете? — спросил он, вспоминая разговор на острове. — И недели не прошло, как вы до меня добрались.

— Вот и ошиблись, Игорь Васильевич. Уже девятый день. — И покраснела, оглянувшись на мать.

10

Федор Кашлев долго стоял у двери. Прислушивался, не идет ли кто по лестнице. Но там было совсем тихо — ни шагов, ни хлопанья дверей. Проходили минуты, а он все не решался открыть дверь. Резко зазвонил телефон. Кашлев вздрогнул. Телефон звонил долго и надрывно, и, когда наконец замолк, Федор открыл дверь и выскользнул на лестницу. Дверь закрылась с легким щелчком, и он вздохнул с облегчением. Мертвый Хилков, краденые машины, слюняк-картежники — все это осталось там, за дверью, такое же мертвое и теперь уже никакого значения не имеющее для него, Федора Кашлева. Он стал медленно спускаться по лестнице, и на втором этаже его ждала первая неприятность. Из квартиры, расположенной под квартирой Хилкова, вышел мужчина с маленьким чемоданчиком. Он остановился около дверей и мельком взглянул на Кашлева. Видно, кого-то поджидал. А на первом этаже Кашлеву попалась молоденькая почтальонша. Поставив огромную сумку у стены, она рассовывала газеты по ящикам.

«Вот принесла нелегкая! — выругался Кашлев. Он вдруг почувствовал, что сердце вот-вот выскочит из груди. Он стал задыхаться, кружилась голова. Казалось, что уже не сделать больше ни одного шага. Ноги, его ноги, столько раз уносившие хозяина от беды, отказывались повиноваться ему. Скрипнув зубами, Кашлев все-таки сделал один шаг, другой. Десяток. Дальше, дальше от этого дома, он уже и так попался на глаза двоим!

Он не помнил, сколько прошел по Лиговке, когда все-таки остановился и прислонился к стене. Никогда еще ему не было так плохо. И от чего? Один выстрел и страх наследить. Выстрел, каких столько было в его жизни!

Какая-то девушка остановилась перед ним и о чем-то спросила. Кашлев слышал слова, но не мог понять их смысла. Девушка переспросила:

— Вам плохо? Может быть, вызвать «скорую»?

Теперь он наконец понял вопрос и, с ненавистью посмотрев на девчонку, грязно выругался. Девушка отпрянула, будто от удара, и пошла прочь, несколько раз оглянувшись.

Сердце наконец отпустило, и Кашлев побрел к Московскому вокзалу. Очередь на такси была небольшая. Приехав на Ивановскую, он по обыкновению попросил остановиться у гастронома. Расплатился, не торопясь зашел в магазин. Постоял в очереди за сосисками, купил яиц.

Придя домой, он понадежнее запер дверь. Зажарил яичницу, мелко накрошив туда сосисок и зеленого лука. Вынул из холодильника водку. «Если бы не этот дурак с чемоданом да не почтальонша, — подумал он с сожалением, — никаких бы следов! — Он еще раз дотошно вспомнил все, что делал в квартире Хилкова. — Нет. Не наследил. Ну и удивился же этот шофера, когда я позвонил к нему. Царствие ему небесное. И что было делать? После того как завалился дурак Кошмарик, в любую минуту могли выйти на Хилкова. А от Хилкова ко мне...»

Он подумал о том, что правильно поступил, имея дело только с Хилковым. Этот теперь не разговорится. Да и деньги подкопил он много. Хвастался. «Ох, сволочь, — стукнул кулаком по столу Кашлев. Звякнула бутылка. — И куда он эти деньги спрятал? Гово-

рил же, что дома держит, не на книжке! Так бы они мне сейчас кстати...»

Кашлев и самому себе не хотел признаться, что деньги, именно эти деньги привели его рано утром к Хилкову. Деньги. Ну могли арестовать Хилкова, могло всплыть автомобильное дело. Могло! Но ведь и без мокрого можно было слинять из города, уехать доживать свой век в теплые края, как и хотел он. И документы давно себе новые выправил. Но денег, денег маловато было пока. Хилковские десять-пятнадцать тысяч так бы к месту пришлись...

Он пил и чувствовал, как пьянеет, и все большая злость разбирала его на этого жмота Хилкова. Вот упрятал тугрики, так упрятал.

Потом он, совсем захмелев, улегся в одежде на постель и проспал до позднего вечера. Проснулся с головной болью. И сердце стучало в груди гулко и надсадно. И непонятно, откуда подкралось чувство страха. Такое чувство, будто он совершил большую оплошность, но еще не знает какую.

«Завтра сматываюсь, — твердо решил Кашлев, с тревогой глядя в раскрытое окно, приглядываясь к редким прохожим. — Завтра, и не позднее. Хилкова хватятся не раньше завтрашнего вечера. На работе решат, что загулял. Да и девчонка его приучена к внезапным отлучкам. Позвонит, позвонит и отстанет. А если у нее ключ от квартиры?»

Он вытащил из тайничка под плинтусом небольшой пакет в целлофане. Достал оттуда деньги, паспорт. Чуть потрепанный, но вполне приличный паспорт был выписан на имя Федора Федоровича Зайченко.

На фотографии он был безбородым и выглядел фертом. Вздернутый нос, нахальная усмешечка! Снимок был десятилетней давности. Кашлев вздохнул и спрятал паспорт в карман. Пересчитал деньги. Что ж, лет на пять хватит. А потом... Потом ему, наверное, уже ничего не будет нужно.

Деньги он засунул в бумажник и бросил его в чемодан. Собрал и аккуратно уложил два костюма, купленные в валютном магазине, с удовольствием отметил: «Почти новые, еще носить и носить». Положил туда же несколько рубашек. Чемодан был не-

большой, и Кашлев пожалел, что придется бросить столько добра.

Сложив чемодан, он пошел в ванную, снял рубашку и, подправив на ремне бритву, стал осторожно брить бороду, аккуратно смывая с тонкого лезвия волосы в раковину и снова и снова намыливая лицо пенистым ароматным кремом. Сбрив бороду, он долго и пристально разглядывал себя в зеркало, неприятно пораженный тем, что совсем не похож на Федяшу Кашлева с маленькой фотографии в паспорте. Землистый цвет лица и особенно старческий морщинистый рот, вислые щеки... Совсем дряхлый старик. Его вдруг обожгла мысль о том, что еще несколько дней назад он чувствовал себя уверенно и хорошо. Что же произошло? Что изменилось в его судьбе? Застрелен Хилков. Надо опять скрываться. Но не так ли прошла вся его жизнь, и никогда он не боялся идти навстречу будущему... Будущему. Да, раньше было будущее, а теперь его нет. Он уже не сумеет подняться, не сумеет найти Хилковых и Кошмариков, туповатых, послушных шестерок, с которыми до поры до времени можно иметь дело. Ему просто не хватит времени.

Кашлев осторожно смыл волосы с раковины, тщательно протер пол в ванной, а тряпку выбросил в мусоропровод. Тому, кто придет в эту квартиру после него, совсем не обязательно знать, что у хозяина была борода... Перед выходом из квартиры проверил наган. В нем еще осталось четыре патрона.

Ночь он провел в Рыбацком у старой дряхлой бабки, вдовы одного своего дружка, расстрелянного пятнадцать лет назад. Время от времени Кашлев привозил ей деньги. Не часто, от случая к случаю, но бабка помнила его и была благодарна.

Утром бабка съездила на вокзал и, отстояв несколько часов в очереди, взяла ему плацкартный билет до Симферополя. Она, наверно, надеялась, что Федяша и на этот раз подкинет ей четвертной, и смотрела на Кашлева преданно и заискивающе. Но он не дал ей ничего, кроме той мелочи, что осталась от покупки билета. Подумал: «Ничего, старая карга, обойдешься. Мне теперь и самому экономить надо».

Он приехал на вокзал за пять минут до отправления — только-только добраться до тринадцатого вагона. И сразу же почувствовал опасность. Было боль-

ше, чем обычно, милиции. Он прибавил шагу, стараясь скорее добраться до спасительного вагона. Торопясь, сунул проводнице билет. Оставалась одна минута до отхода поезда. Проходя из тамбура в вагон, он заметил боковым зрением, что какой-то мужчина взялся за поручни. Кашлев подошел к своему месту и остановился, пережидая, когда тучная пожилая женщина засунет свои вещи под лавку. Поезд тронулся. И в это время с обоих концов вагона двинулись к нему мужчины. Один был совсем молоденький, светловолосый, в голубой тенниске. Лицо у него было сосредоточенным. Второй был постарше, в светлом костюме. Он шел беззаботно, спокойно, словно возвращался в свое купе, но Кашлев чувствовал, знал, что он идет к нему. И, поставив на пол чемодан, он сунул руку в карман, быстро выхватив наган, приставил его к виску. Дико взвизгнула женщина. В последние секунды подумав, что избавится сейчас от долгих, нудных допросов, очных ставок, от своего прошлого, старик Кашлев прошептал злобно: «Ну что, взяли?»

Накануне своего отъезда из Ленинграда Власов зашел к Белянчикову и просидел у него полдня, выспрашивая подробности поисков угнанных машин.

— Знаете, как они называли кражи автомашин? — спросил Юрий Евгеньевич. — «Операция «Инфаркт». — Он протянул Власову листок бумаги. Это были показания подследственного Лыткина: «...В разговоре, смеясь, Хилков и Николаев спросили меня: «Ты знаешь, как эта операция называется?» Я ответил отрицательно. Тогда они мне сказали: «Инфаркт». Я спросил почему, а они объясняли мне, что, когда хозяин узнает о краже своей автомашины, его инфаркт хватает...»

— И между прочим, у двоих был инфаркт, — грустно сказал Белянчиков. — Сейчас следствием окончательно установлено: они семнадцать машин украли. Двенадцать продали, а пять бросили. Из-за трусости. Вы, может, думаете про них — волевые люди, рыцари плаща и кинжала? Нет. Обыкновенные трусливые стяжатели...

Власову уже рассказали о том, что Федяша Нырок застрелился в вагоне поезда из того же нагана, из

которого убил Хилкова. В кармане у Нырка нашли билет до Симферополя, а в чемодане сорок тысяч рублей.

— Константин Николаевич, звонил подполковник, просил передать, если будет желание встретиться — он дома. Завтра в отпуск уезжает.

Корнилов встретил Константина Николаевича радужно. Извинился за пижаму.

— Вы знаете, решил перед отъездом приборочку сделать. Хожу уже как курортник...

Они сели в большие потертые кожаные кресла у окна. Корнилов выглядел чуть похудевшим, но отдохнувшим. Не было мешков под глазами.

— Ну, что, Константин Николаевич, вы теперь лучше меня последнее дело знаете? И угораздило же меня в самое горячее время гриппом заболеть! Это ж надо! Какая дикость — живем, можно сказать, в конце двадцатого века, а какой-то грипп одолеть не можем.

— Игорь Васильевич, мне Белянчиков действительно все в подробностях рассказал. Скажите только, как вы определили, что убийца курил трубку?

— Спички... Обгорелые спички... — Корнилов вытащил из кармана пижамы коробок, зажег спичку. — Вы трубку курили?

— Было дело, баловался.

— И я баловался. Так ведь пока ее, проклятую, раскуришь, спичка тебе пальцы обожжет. Да и не всегда с одной спички раскочегаришь. У меня, например, не получалось... — Он дунул на спичку и показал Власову: — Видите? Почти вся сгорела.

Потом он открыл дверцу старинного книжного шкафа, достал толстую папку. Полистал, протянул Власову.

— О Кашлеве еще в двадцать третьем году первое упоминание появляется. Почитайте.

Власов взял папку и прочитал пожелтевший листок:

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Ликвидировав в основном уголовный и политический бандитизм на Украине, Особая ударная группа по б/б имеет целый ряд сведений, что в г. Киеве име-

ется очень опасная организованная банда, которая причиняет большой вред нашей стране. Более ста человек этой банды наводнили Советскую республику фальшивыми деньгами разных достоинств и инвалютной. Деньги фабрикуются даже за границей и привозятся в СССР. Во главе этой банды аферистов-налетчиков находятся братья Паршины и бывший сотрудник киевской милиции Панаретов.

Я считаю необходимым специально выделить группу для ликвидации этой крупной шайки. Надо действовать очень осторожно и конспиративно...

Нач. Особой ударной группы Ф. Мартынов
15/VII-23.

— Этот Панаретов и есть Нырок?

— Ну что вы, — усмехнулся Корнилов. — Нет, конечно. Но к делу-то в этой банде приобщался. У него тоже учителя опытные были. Вы дальше полистайте. Там исповедь Панаретова. Любопытная, скажу вам, штука... Ну да это другой разговор. Важно, что в этом признании упоминается Федяша...

Власов перевернул страницу. Расплывающимися, выцветшими чернилами было написано: «Исповедь бандита».

— Вы раскройте там, где заложено, — сказал Корнилов.

Власов раскрыл на закладке и стал читать.

«Весной 1923 года я переехал из Киева в г. Москву. В Москве, по Мыльникову переулку мной, Виктором Филиным, Венчиком Киевским и Петецким Михаилом был совершен налет на квартиру гражданина Кашлева. Подвод на это дело давал младший брат Кашлева, Федяша. Последний дал точные сведения, где находятся ценности и деньги. В квартире спрятанными в различных тайниках, как-то: на буфете, в электрических лампочках, в картинах, в диване и проч. местах, находилась сумма до 300 тысяч рублей золотом. Был дан точный план квартиры и сведения, что в квартиру впускают с трудом. Ехали на извозчиках. Были вооружены. По плану я и Венчик Киевский должны были занять квартиру живущего там же генерала Куколь-Краевского. Мы купили корзину цветов, переделали подходящим образом Петецкого Михаила и пустили его первым с тем, чтобы осталь-

ным зайти в тот момент, когда откроют дверь. Прислуга открыла на цепочку, увидела цветы и открыла дверь совершенно. Вошел Петецкий, а за ним стали входить и мы. Всех присутствующих и приходящих собрали в одной комнате, и при них находился я. Обращение было корректное, и мы старались, чтобы потерпевшие не волновались. Так, я читал с генералом французскую книгу и рассказал ему, что я тоже офицер, а он все спрашивал мою фамилию, на что я отвечал, что при подобных обстоятельствах официально не знакомы. Петецкий находился у парадных дверей, а остальные искали ценности. В квартире были недолго. Я был в гриме, остальные в платочках. По окончании налета отправили Филина и Венчика с ценностями в гостиницу, где сняли для дележа особый номер. В общем, на долю каждого вышло приблизительно по 1600 червонцев. Доли получили я, Виктор Филин, Венчик Киевский, Петецкий Михаил и полдоли Федяша Кашлев. Федяша предлагал также пойти с налетом на Маросейку, где лежали деньги отца... Но мы отказались. Это могло вызвать подозрение».

Власов оторвался от бумаг и вопросительно посмотрел на Корнилова.

— Неужели это тот самый Федяша?

— Ну конечно, — кивнул Игорь Васильевич. — Фамилии менял много раз, а имя оставлял. Было ему в ту пору шестнадцать...

— Значит, сейчас почти семьдесят? — удивленно покрутил головой Власов. — Ну и ну...

— Честно говоря, я думал, люди к старости мудреют... А тут — до таких лет дожил бандитом. Значит, ничего в жизни не понял.

Корнилов рассмеялся:

— Ну, знаете, это как сказать... Не понял! А может быть, понял, да не то, что надо?

Власов опять уткнулся в бумаги.

«...В деле Швейсиндиката также участвовал, печатая документы, и должен был получить определенное количество процента, указывать подробности этого дела считаю излишним, т. к. полное показание уже дали непосредственные участники: Виктор Филин, Петецкий и другие. Знаю, что товар на сумму до 7000 черв. был уже запакован, и провал произошел в то время, когда были поданы подводы для вывоза этого товара со

склада. Слышал, что наводчиком по этому делу был Каменко.

7 мая мы должны были получить товар из Швейсиндиката, формальности все соблюдены, и никто не мог думать о провале. Утром я приехал в город, приблизительно в середине дня подошел к рундуку Неходова с тем, чтобы узнать, как обстоит дело с получением товара. Неходов был чрезвычайно расстроен и сказал мне, что в Швейсиндикате только что арестовали Филина, Петецкого и Кашлева-старшего. Что он сам видел, как их посадили в автомобиль. Я и Киевский Венчик поехали в гостинцу «Балчуг», чтобы предупредить остальных, и встретили их выходящими с вещами. С ними был Федяша Кашлев. Отсюда поехали к Триумфальным воротам, я и Федяша зашли на квартиру Кашлевых, чтобы забрать вещи и уехать с этой квартиры. На столе нашли записку Кашлева-старшего, что он только что был. Никак не могли понять, каким образом он мог бежать, и боялись провокации. С Федяшей отправился на квартиру в Останкино. Федяша Кашлев остался на улице, я пошел в квартиру. Мне открыли дверь, и я увидел, что сзади прислуги стоит милиционер. Сколько было человек в коридоре, я в первый момент не разобрал. Кинулся на улицу, но увидел, что Федяша уже убежал, я остался один и за мной выскочили из квартиры. Рассчитал, что убегать днем под выстрелами в нескольких шагах бесполезно, отстреливаться из имеющегося у меня маленького револьвера, который я ни разу не пробовал, глупо, и решил искать какой-нибудь другой путь. Выбросил из кармана в сторону револьвер и принял вид невинного человека, случайно попавшего в эту квартиру. Постепенно расположил к себе агентов, уверив их, что я совершенно невинное лицо, а сам захватил из буфета соли, а из печки золы, перетер это все в порошок. Случилось так, как я и рассчитал: меня держали до вечера в засаде, и один из агентов повез на извозчике в Центрозыск. Перед выходом он зарядил маленький маузер и все время держал его наготове в руке. Я рассчитал, что если я прямо спрыгну с извозчика, хотя бы и успев засыпать ему глаза, то все равно он раньше успеет выстрелить и в лучшем случае в упор ранит меня, и я не смогу бежать, а потому, выбрав темный переулок, левой рукой бросил ему в гла-

за золу с солью, а правой схватил за руку. В этот момент раздался выстрел, и пуля обожгла мне только щеку. Агент успел вырвать руку и выстрелил вторично, но я опять-таки оттолкнул его руку и сбросил с извозчика, но вместе с ним упал и сам, т. к. он все-таки успел схватить меня другой рукой. На земле он еще успел выстрелить в меня, после чего я уже захватил в руки дуло и собачку и не дал возможности стрелять. Борясь со мной, агент стал кричать о помощи, сбежалась толпа, и меня препроводили в Центрозыск. Федяшу я больше не видел и о его местонахождении ничего не знаю.

Вдумайтесь в мою жизнь и психику и поймете, что если я выбираю дорогу, то твердо иду по ней и ничто меня не сдвинет, пока я не передумаю, не перерожусь. Сейчас крайне трудно писать о внутреннем переживании: мысль нельзя просмотреть в микроскоп, и Вы вполне правы, если не будете верить».

Константин Николаевич захлопнул папку.

Корнилов спросил:

— Ну что, есть над чем подумать?

Власов кивнул.

— Занимательная штука...

Корнилов вздохнул, сказал с сомнением:

— Занимательная-то она занимательная... Да вот на горькие мысли наводит. Вон откуда ниточка-то тянется! С каких пор! Федяшу Кашлева Панаретов с Венчиком Киевским приобщили к грабегам с молодых ногтей, как говорится. Ну да что теперь сожалеть... — вздохнул он. — Главное, что Федяша Кашлев обезврежен. Ему ведь все равно деться было некуда — под расстрел пошел бы. К таким, как он, бандитам, срок давности неприменим. Даже к тем, что состарились... Но, знаете, Константин Николаевич, сделано только полдела... — И, заметив, что Власов собирается возразить, повторил: — Полдела. Уж вы мне поверьте. Картежники эти чертовы остались, — Корнилов быстро вскочил с кресла и заходил по комнате. Высокий, чуть сутулый, он смешно выглядел в своей полосатой пижаме.

— На какие деньги они играют? — он вдруг осекся, словно споткнулся, и снова сел, отчужденно взглянув на Власова. — Да, да. На какие деньги? — повторил он уже медленно. — У них ведь не по ко-

печке ставка! Тысячи проигрывают за пару часов... А все эти люди, что машины ворованные покупали? Вы скажете — не все знали, что автомобили ворованные. Согласен. Но большинство-то догадывались, что дело нечистое.

А вы знаете, сколько они Угоеву-старшему за «Волгу» платили? Десять-двенадцать тысяч! А поинтересуйтесь, какая у них у всех зарплата?

— У меня вопрос, собственно, только один: ну а уголовный розыск-то что? — сказал Власов. Он уже знал, что ответит ему сейчас Корнилов. И заранее был согласен с этим ответом, но все-таки задал вопрос.

— Я бы засучив рукава взялся за барыг и приобретателей, — зло сказал Корнилов. — Мое глубокое убеждение — не будь растлевающего влияния этих рептилий стяжательства, меньше бы работы у нас было, у розыска уголовного. Но не хватает нас на все... И на Федяшу Кашлева, и на Кошмарика, и на картежников... Возьмите любое уголовное дело и повнимательнее присмотритесь к тем, кто попадет в поле вашего зрения: вы всегда сможете провести черту, которая отделит преступников — тех, кого по нашим законам надо сажать в тюрьму, содержать в колонии и даже расстреливать, — от остальной шатии-братии, от тех, кто не подпадает под статью уголовного кодекса. И вы думаете, они менее опасны? Нет, нет и нет! Они — это та среда, в которой выросли преступники. Они — это пьянь, хапуги, картежники, скрытые тунеядцы, не преступившие роковой черты. Пока не преступившие! За каждым уголовным делом всегда тянется шлейф. И этот шлейф — боль и забота каждого. И журналистов в первую очередь. Константин Николаевич, ну возьмитесь вы за них! Не о том, как убийцу искали, напишите, об этом писать легко — про тех напишите, до кого мы еще не добрались, про тех, кто за чертой остался. Напишите! Вот проблема! Я вам все материалы дам, — Корнилов смотрел чуть ли не умоляюще.

— Напишу, — серьезно сказал Власов и поднялся. — Обязательно напишу. А сейчас мне пора. Завтра чуть свет покачу на своей «старушке» в Таллин. У меня еще две недели отпуска...

— И я завтра в отпуск, — мечтательно произнес

Корнилов, крепко пожимая ему руку. — Погрею свои старые кости, покупаюсь.

— Я в командировку еще к вам приеду, — сказал Власов. — Но только, чур, не морочьте мне голову про скучные дела и бухгалтерию. Вон на кого ваша бухгалтерия навела! — Корнилов засмеялся. Подумал грустно: «Еще неизвестно, на каком посту ты меня застанешь, товарищ Власов».

— Вы теперь у нас человек свой. Валерия Фоми-ча так запугали, что бедняга сам прибежал садиться.

Он закрыл за Власовым дверь, прошелся по комнатам.

«Ну что ж, надо собирать чемодан, — подумал Корнилов. — Утром возиться некогда».

Несколько раз звонил телефон. Селиванов, спросив про здоровье, сказал:

— Генерал вызывал. Просил передать, чтобы ты отдыхал спокойно. Не терзал себя из-за этой истории. — Он кашлянул и, словно нехотя, выговорил: — Ну из-за брата. Приедешь, зайдем вместе к шефу, спокойненько все обсудим...

«Спокойненько! Что-то голос у тебя, дружище, невеселый», — подумал с горечью Корнилов.

Белянчиков, вернувшись из Сочи, куда ездил со следователем Красиковым опрашивать свидетелей по делу, доложил, что все в порядке.

— Ты мне голову не морочь своими уголовниками, — сказал Игорь Васильевич. — Я отпускник. По мне курорт скучает. А про уголовников ты шефу докладывай. Ты мне доложи, как погода.

Белянчиков засмеялся.

— Погода такая, что в море легко свариться. Ты, Игорь Васильевич, не забудь вернуться из отпуска. А то мало ли... Какая-нибудь закадрит. Правда, Минводы не Сочи, там все больше бабушки...

— Вас забудешь, — усмехнулся Корнилов. — Все мечтаю подальше забраться, где телеграфа нет... Да, кстати, Белянчиков. У меня к тебе просьба. Я тут одного парня на ГОМЗ договорился устроить. В колонии ноги потерял. Рымарев Алексей Федосеевич. 66-й цех. Ты запиши его адрес и организуй переезд. Чего ему ждать, пока я вернусь. И чтоб с общежитием все в порядке было и с прочими благостями.

— Есть, товарищ подполковник. Все будет сделано. Отдыхайте спокойно.

Корнилов положил в чемодан две толстые тетрадки в черных коленкорových переплетах. Одна наполовину исписанная, с беглыми, на скорую руку заметками, другая чистая. Первую Корнилов уже брал с собой в отпуск. Все хотелось свести в небольшую книжечку наблюдения за несовершеннолетними преступниками. Но работа продвигалась медленно. «Может, на этот раз осилю», — подумал Игорь Васильевич.

Корнилов уже хотел закрыть чемодан, как раздался звонок в дверь.

На пороге стоял Иннокентий.

— Не ожидал?

Игорь Васильевич молча посторонился, пропустил его в квартиру.

— Ну, здравствуй, — сказал Иннокентий, но руки не подал.

— Здравствуй, — Игорь Васильевич с недоумением смотрел на брата.

Они прошли в гостиную. Иннокентий сел в кресло и огляделся. Корнилов обратил внимание, что брат располнел. Лицо у него было загорелое. Коричневым, въедливым загаром, как могут загореть только крестьяне, никогда не загорающие специально, но много бывающие на воздухе.

Заметив раскрытый чемодан, Иннокентий сказал:

— В отпуск едешь? Слышал, слышал. Земля слухом полнится. А где мать?

Игорь Васильевич, стараясь быть спокойным, ответил:

— Мать в другом месте.

— Другое место — больница? — жестко бросил Иннокентий. — Этого ты добивался, забирая мать к себе. Хотел показать себя чистеньким, любящим сыночком? — Он распалялся, и голос его из чуть хриповатого превратился в резкий, крикливый. — Думаешь, я матери добра не желаю? Думаешь, отправили на остров, чтобы от старухи избавиться? Ради нее все и сделали, по ее доброй воле. Она там ни разу не болела. Я справлялся. А к тебе приехала — сразу слегла. Я и про это знаю. А теперь в больницу. Снова все по-старому.

Игорь Васильевич сцепил руки на груди и только твердил себе: «Держись, держись».

— Я знаю, — продолжал Иннокентий, — ты ее и взял-то только потому, что боялся людских пересудов. Да, может, еще для того, чтобы она тебе здесь готовила да рубахи стирала, пока ты своих уголовниковловишь...

Он все кричал и кричал, а Игорь Васильевич подумал: «Это он все потому говорит, что ему стыдно. Просто стыдно. И какой он ни заскорузлый душой, а почувствовал, что совершил подлость, и теперь кричит. И узнавал, наверное, у соседей, как здесь мы живем. Тайком приезжал и узнавал...»

— Что молчишь? — крикнул Иннокентий.

— Тебя слушаю, — ответил тихо Игорь Васильевич. — Ты тут столько наговорил мне... — Он помедлил немного и добавил: — Ты не ради матери приехал. Ради себя. Тебе хочется узнать, что матери плохо здесь...

— Ты, ты... — начал Иннокентий, но Игорь Васильевич не дал ему договорить.

— Эх, неужели ты сам не понимаешь? — сказал Корнилов с горечью. — Неужели ты только за тем и приехал, чтобы все это высказать?

— А ты думаешь, чтобы пожать твою мужественную руку? Как же, товарищ подполковник едет в отпуск. Почет и уважение! Он честно выполняет свой долг перед Родиной. А его младший брат раскаялся во всех грехах и приехал просить прощения за то, что получил от него пощечину... Ты только говоришь всегда так красиво — «мы воспитываем нового человека!». А делаешь все для показухи. И мать для показухи с Валаама привез!

— Эх ты, младший брат, что с тобой стало? Глаза б мои на тебя не смотрели. Тоже мне игрок! — Игорь Васильевич сжал кулаки и шагнул к Иннокентию. Тот дернулся и в испуге вытянул руку, словно хотел прикрыться от удара.

— Вот что я тебе скажу напоследок. Мать не больна. И не в больнице, а в семье моих друзей. Пока я в отпуске... И болела она по приезде только гриппом. Да и то три дня. Не могу я утешить тебя, не могу твою совесть успокоить. А теперь можешь двигать к своей Татьяне... И торговать в свободное время свежи-

ми овощами. Чтобы потом в картишки с подонками сразиться или «Москвич» на «Волгу» поменять. Мне же сказать больше нечего. — Игорь Васильевич отвернулся от Иннокентия, подошел к окну. За темной Невой, подсвеченная желтыми прожекторами, четко рисовалась решетка Летнего сада. По набережной бежали редкие автомашины. Город уходил ко сну.

Игорь Васильевич слышал, как поднялся с кресла брат, постоял, потом, тяжело шагая, прошел в переднюю одеваться. Открыл дверь на лестницу, вернулся, остановился в дверях, словно хотел что-то сказать, но не сказал. Хлопнула входная дверь. Корнилов все стоял и стоял у окна.

...Игорь Васильевич посмотрел на часы. Одиннадцать. Самолет на Минеральные Воды улетал в два, но добираться до аэродрома было довольно долго. Да и вообще в те редкие моменты, когда ему никуда не надо было торопиться, никого не требовалось опережать, Корнилов любил расслабиться, делать все не торопясь, с удовольствием ощущая свою отрешенность от служебной суеты.

«Ну что ж, пора, — решил Игорь Васильевич, — пора ехать». Он по старой привычке присел на диван, подумал в который раз, все ли взял с собой. «Кажется, все, что может потребоваться человеку в отпуске».

Уже закрыв дверь в квартиру, он заметил, что в почтовом ящике есть письмо. «Дороги не будет», — подумал Корнилов, но все-таки вернулся за ключом и вытащил письмо. Конверт был самодельный, памятный. Игорь Васильевич взглянул на обратный адрес. Там стояло: «Карельская АССР, остров Валаам...»

«Опять Лешка пишет... Наверное, с острова это письмо уже последнее, — Корнилов спрятал его в карман, не распечатывая. — В дороге почитаю».

На улице стоял яркий солнечный день. Все утро шел дождь, и воздух был чистым и свежим. Еле заметная дымка стояла над разогретым асфальтом. «От какой погоды уезжаю, — с сожалением подумал Корнилов. — Ребята в воскресенье наверняка на рыбалку подадутся. На Карельский... А я пить «Ессентуки» семнадцатый номер... Эх!»

Подъехало такси. Новая «Волга» блекло-зеленого

цвета. Корнилов посмотрел на номер и усмехнулся. 96-50 ЛЕГ. Из того парка, в котором работал Хилков со своей бандой.

— Приезжий? — спросил шофер, немолодой дядя в кожаной курточке. Видать, обратил внимание на то, что Корнилов все время смотрит по сторонам, словно видит город впервые.

— Отъезжий, — усмехнулся Игорь Васильевич. — В отпуск решил вот съездить. Минеральной водички попить.

— Боржомчик?

— «Ессентуки».

— Тьфу, гадость, — сморщился шофер. — Ну, раз врачи приговорили...

Машина описала дугу, огибая Исаакий. У «Астории», поблескивая на солнце, выстроилась шеренга красивых финских автобусов. Около них толпились туристы.

У аэровокзала Корнилов расплатился с таксистом.

— До аэродрома автобусом? — спросил тот, отсчитывая сдачу.

— Угу, — отозвался Игорь Васильевич.

— Да, конечно, — согласился шофер, — если нет дурных денег, чего на такси гонять. Экспрессом почти то же время... Счастливо полечиться.

И, уже отъезжая, шофер высунулся из машины и крикнул:

— Вы пить «Ессентуки»-то будете, закусывать не забываете. — И весело рассмеялся своей шутке.

54 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

